

The background of the cover is a classical painting. At the top, a winged figure, possibly Cupid or Eros, is shown in flight, wings spread wide, against a blue sky. Below, a coastal city with a harbor is visible, featuring buildings, a bridge, and several sailing ships on the water. In the foreground, there are large, dark, rocky outcrops in the water.

В. В. Трешин

**ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
В ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ**
(Тупанистический аспект)

Монография

Государственное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

В. В. Тришин

**ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
в ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ**

(Гуманистический аспект)

МОНОГРАФИЯ

Нижний Новгород
Нижегородский институт развития образования
2020

УДК 101.1:316
ББК 216.21,0
Г85

Рецензенты:

Н. С. Шиловская — канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры «Методология, история и философия науки»
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический
университет имени Р. Е. Алексеева»;

М. М. Прохоров — д-р филос. наук,
профессор кафедры истории, философии,
педагогике и психологии ФГБОУ ВО «Нижегородский
архитектурно-строительный университет»

Гришин, В. В.

Г85 Вхождение человека в историческое бытие (Гуманистический аспект) : монография / В. В. Гришин. — Н. Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2020. — 198 с.

ISBN 978-5-7565-0904-5

В монографии рассматриваются проблемы, связанные с осознанием и принятием человеком исторического бытия, то есть с тем, как он познает историю, воспринимает и ощущает ее. Анализируются субъекты и личности в истории, их взаимосвязь, а также концепции исторического события через призму гуманизма.

Издание адресовано учителям и преподавателям истории и обществоведения, а также всем интересующимся отечественной историей в рамках концепции образования взрослых.

УДК 101.1:316
ББК 216.21,0

ISBN 978-5-7565-0904-5
© В. В. Гришин, 2020.
© ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», 2020

Введение

Основной тематикой данной монографии является научное исследование проблемы взаимоотношения человека и истории. Нас волнует не столько вопрос о приобщении человека к историческим знаниям, сколько проникновение самой истории в человека и ее влияние на формирование личности как социально-культурного феномена своего времени. Если первый процесс происходит во многом субъективно, человек сам принимает решение, на каком уровне его интересует история и интересуется ли вообще, то во втором случае историческое взаимодействие происходит по объективным законам, которые тем не менее могут, при определенных условиях, а именно когда общество и государство ставят перед собой задачи перспективного развития, то есть заявляют о себе как о субъекте истории, быть субъективно изменены.

В истории было много попыток обуздать историю, обмануть ее, уничтожив или подчистив архивы, поставить ее на службу государства, но все они завершались победой последней, истории, как стихии, как самодостаточной воли в понимании Шопенгауэра, породив тем самым пессимизм перед будущим в одном случае и оптимизм веры в технический прогресс — в другом. Представители оптимизма, современные либералы, надеясь на саморегуляцию и свободный выбор человека в мультикультурном политическом пространстве, фактически запустили процесс «дезообъективации как истины, так и

субъекта»¹. Так, в США сносят памятник генералу южной конфедерации, провозгласив права человека как вечную ценность, и все, что подвергает ее сомнению, выхолащивается из истории.

Из философского нарратива исчезают понятия «личность» и «субъект истории», а возникшую лакуну стали заполнять постмодернистские расщепы субъекта и бытия, складки и лингвистические посылы, что на фоне европейского благополучия в эпоху «конца истории» и «конца философии» не вызывало протеста. Но время «концов истории и философии» завершилось концом благополучия и безмятежности и концом концепции «конца истории». Новые вызовы истории — международный терроризм, религиозные и межнациональные конфликты, экологические проблемы, борьба за ресурсы — требуют адекватного ответа. Как в свое время эпохи Возрождения и Просвещения не оправдали надежд на восстановление гармонии между человеком и Богом, человеком и Природой, а Марксизм между человеком и человеком, так и Постмодернизм и Либерализм (первый отказался от Истины, второй от Долга) не создали свободного человека в мультикультурном мире. Философия получила старо-новый запрос на теоретические изыскания сущности современного человека, не столько его желаний и его потребностей, на что не прерывались академические маркетинговые исследования, сколько на мировоззренческие проблемы. Возникла острая необходимость активизации межпредметных связей, особенно истории и философии, для комплексного решения поставленной задачи. Современная антро-

¹ Бадью, А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. С. 59.

пология, особенно континентальная, настолько увлеклась человеком, что забыла об историческом базисе человека: «права человека» оказались «вечными и неизблемыми», а историческая наука в основном ее потоке игнорирует проблемы личностного бытия. Проблема соединения человека с историей, ее осмысление могут дать шанс человеку преодолеть забвение не просто бытия, но бытия исторического; выявить зависимость человека от прошлого, которое заставляет человека и общество в целом, бессознательно или помимо его воли, ходить по кругу. Если Аристотель утверждал, что круговое движение совершенно, что в мифологической парадигме объяснимо, то в линейном времени верно утверждение Августина — по кругу человека водит черт. Какую бы форму ни принимала современная цивилизация, обозначаемая как постиндустриальная, информационная, суть ее осталась прежней: стихийное развитие экономических сил в конкурентной борьбе, обостряющей все родовые конфликты, многие из которых до поры до времени протекают латентно. Так как социальная реальность показывает себя, говоря по-хайдеггеровски, «раскрывает свою истину из потаенности», то современным обществом, элитой, делается все возможное, включая манипуляции культурой, чтобы скрыть в потаенность реальные проблемы, прикрываясь старым лозунгом «искусство для искусства» и новыми юридическими постулатами об охране личной жизни и жизни корпораций с их корпоративной этикой, вразрез идущей как с религиозными ценностями, так и с пресловутой «протестантской этикой». Тем не менее в части общества происходит осознание надвигающихся глобальных кризисных явлений в ближайшей исторической перспективе.

Глава 1

ЧЕЛОВЕК, ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ

Несмотря на то что сейчас у нас гораздо больше средств, знаний и технических изобретений по сравнению с прошлым, люди в этом мире чувствуют себя более несчастными, чем когда-либо: они плывут по течению.

Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс

1.1

Проблемы современности и историческое бытие

Историческая наука и политология много сделали для разоблачения фанатических религиозных идей и тоталитарных идеологий. Тем не менее человек, осознающий пагубность воздействия тоталитарных идеологий, сам, во многом бессознательно, находится под воздействием идеологии, о чем непрерывно последние годы пишет словенский философ С. Жижек. Современный человек убежден в самодостаточности, что он самостоятельно строит свою жизнь и держит ее, несмотря надвигающие им страхи и скуку, под

1.1. Проблемы современности и историческое бытие

контролем, но в реальности это не так. Разорвать порочный круг пытается психология, но без учета исторических особенностей и философского обоснования эти попытки примиряют человека с самим собой, но не с реальной действительностью. Такое примирение дорого стоит как в материальном плане — плата за лечение и на покупку антидепрессантов и транквилизаторов, так и в духовном — безразличие и неведение — это постоянная угроза жизненной катастрофы, требование современной реальности, самой истории к человеку — быть личностью, а не соглашаться с тем, что есть. Отсюда возникла необходимость более детально рассмотреть проникновение в сознание и психику человека исторического бытия, в котором имманентно присутствуют религиозные идеи, идеологии, культура, родительские установки, формирующие облик человека. Историческое бытие также требует теоретической проработки, которая поможет выявить сущностные основания исторических событий и эпох, влияющие на развитие человека или закрепляющие заблуждения человека, которые в дальнейшем могут завести его в тупик истории. Восстановление связи человека с историей требует огромных усилий, в том числе и философского рефлексирования. Человек не просто познает историю, он живет в ней, в историческом бытии. В человека, в его сознание, психику вместе с рождением, воспитанием, общением проникает целостное бытие, сформированное исторически, бытие становящееся, то, что К. Марксом названо миром человека, Э. Гуссерлем — феноменом, М. Хайдеггером — вот-бытием. Как будет направлена активность сознания человека родителями, малыми группами, религией, идеологией, общественными отношениями, как будут раскрыты чувства человека, его сенсорные возможности, так он и будет формировать свои ценности, свое отношение к ним, традициям, истории, жизни. Но сам человек не формирует себя окончательно самостоятельно, исходя из своего субъективного опыта, он подвержен историческому процессу, которым пытались и пытаются управлять с помощью

религии, философии, идеологии. Так возникли проекты создания идеального человека — среди них античный, христианский, марксистский, советский, изучение которых позволит лучше понять механизм проникновения исторического бытия в человека, закономерности этапов реализации проекта и причины их крушения. С другой стороны, философский анализ указанной проблемы позволит определить позитивные и негативные стороны каждого проекта, что в дальнейшем даст возможность взять на вооружение тот материал, что необходим для формирования личности или конструкции субъекта будущего. Связкой соединения и ценностным ориентиром, по нашему мнению, должен быть принцип гуманизма, который в современных реалиях оказался размытым, политизированным, заезженным. Отсюда актуальны новые взгляды на проблему гуманизма, определение его роли в истории и влияние самой истории на развитие гуманизма. Во многом поиск своей истории, определение степени зависимости от истории играют смыслообразующую роль, для общества в целом такой поиск имеет прогностическое значение.

Современный человек живет в ускоренном темпе: мир меняется на глазах, вчера был пустырь — сегодня многоэтажный дом, деревня — подлесок, вчера сотовый телефон — сегодня смартфон, который завтра потребует замены, программные обновления компьютерных систем происходят ежемесячно, автомобиль с пятилетним стажем — уже старье, под мелодию классического рока 80-х годов прошлого века танцевали быстрые танцы, сегодня — под нее только медленный. Жизнь вещей ускоренно идет к их забвению, жизнь человека постепенно увеличивается, жизнь человечества неопределенна — поток информации готов смыть человеческий разум. В выигрыше остаются те категории людей, маргиналы, на которых в свое время возлагал революционные надежды Г. Маркузе, — молодежь и безработные. Теперь положение изменилось на 180 градусов: революционерами является основная масса населения, втянутая в рас-

ширенное производство и составляющая одновременно армию потребителей с дивизиями производителей, все вместе ускоряющие прогресс общества, и все остальные. Остальные — это та же молодежь (та ее часть, которая не попала в круговорот информационного поля) и безработные, добавим к ним пенсионеров, кабинетных ученых и созерцателей-одиночек, которые и являются хранителями бытия, — и не просто бытия, а бытия исторического.

1.2

Историческое бытие и сущность человека

Историческое бытие как совокупность всех форм социального бытия, культурных ценностей, всех видов взаимосвязей общества, как данный способ производства, как взаимосвязь природного и социального, как бытие свершившееся и как бытие становящееся проникает в человека через различные каналы: чувства, рассудок, бессознательное, сознание. Каждый канал имеет своих проводников. Человек не может полностью охватить многообразие исторического бытия, поэтому он пользуется теми артефактами, культурными достояниями, которые доставляют ему художники и музыканты, поэты и философы, историки. Мало кто может воссоздать в своем сознании целостную картину мира, поэтому многие полагаются на религию, философию и науку, но в последнее время взор людей обращен в другую сторону — на мифологию, эзотерику, на ничто. Начинается подлинная борьба за человека.

Огромное значение в этой борьбе играет гуманитарное образование, особенно классическое, которое, к сожалению, утрачивает свою общественную позицию, оставляя все больше простора бессознательному. Основным каналом связи

человека с историческим бытием по-прежнему остается бессознательное. Через установки родителей, поведенческие ориентации, ценностные ориентиры массовой культуры и исторические стереотипы формируется личность с его взглядами на исторический процесс. Этот процесс можно назвать как социализацией, так и культуризацией, в результате которой происходит становление человека общественного и исторического. Но на этом пути человека ждет много препятствий, искушений, в том числе и уже знакомых бэконовских идолов (безоговорочная вера в авторитеты, общественное мнение или свои чувства) и мифологизмов. Сегодня вся массовая культура, индустрия развлечений работает против человека — личности. В итоге уже в течение нескольких поколений воспроизводится тип массового, одномерного человека. Среди них есть и интеллектуалы, и деловые, компетентные во многих сферах люди. Но узкая специализация вкупе с массовой культурой дают обществу индивидуальность без личности. Большинство людей так и не стали полноправными субъектами истории: ее свидетелями, ее хранителями и ее сознательными деятелями. Многие не смогли стать хозяевами своей жизни. Чтобы стать личностью, необходимо решить экзистенциальную проблему свободы, нацелить себя на поиск смысла жизни и, чтобы не прожить бессмысленно, нужно твердо опереться на какое-то основание, которое в изменяющемся бытии само бы оставалось незыблемым. Для других таким основанием являются так называемые вечные ценности, которые в той или иной степени содержатся в философии: «Так я мало-помалу освободился от многих заблуждений, которые могут затмить наш естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума. Но, употребив несколько лет на такое изучение книги мира, на приобретение некоторого опыта, я однажды принял решение изучить также самого себя и употребить все силы ума на выбор путей, коими я должен следовать. Мне кажется, что это мне удалось гораздо лучше, чем если бы я никогда не удалялся из своей страны и от

своих книг»² и науки. Третьи таким основанием считают труд, ту деятельность, в которой человек раскрывает свои творческие возможности и приносит пользу обществу. Четвертые ищут свое призвание в служении обществу, пятые — Богу, шестые — природе. Однако та или иная деятельность без знания истории и философии может привести к субъективной самоуверенности и к отрыву от реальности, а в итоге — как к личностному, так и общественному кризису.

Практика малых дел, проповедуемая религиозными деятелями («благие дела»), писателями и общественными деятелями, несомненно, имеет под собой гуманистическую почву, но, без необходимой информации, включая знания о взаимосвязи между явлениями и событиями, может дать в перспективе обратный результат. Такую ситуацию сатирически описал Сервантес. Причина «чудачества» Дон Кихота кроется в его неосведомленности об исторической действительности. Начитавшись рыцарских романов, написанных в идеалистическом духе и не имевших ничего общего с реальностью, «рыцарь печального образа» воссоздал в своей голове описанную «действительность». Он освобождает из плена закоренелых разбойников, поверив их речам о невиновности, за что и был побит камнями «благодарными» пленниками³. Итог плачевен, но урок ясен. Необходимо знать историю того вида деятельности, которой человек решил посвятить свою жизнь. Но в истории нет четких границ сфер деятельности, есть единое историческое бытие.

Современный человек стоит перед историческим бытием как перед черным омутом. Чтобы плодотворно жить, он должен найти опору в историческом бытии, отыскать то порванное звено в цепи, что соединяет прошлое с настоящим, и, возможно, в этом поиске найдет смысл жизни.

² Декарт, Рене. Сочинения. Рассуждения о методе. СПб.: Наука, 2015. С. 98.

³ Сервантес, М. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. М.: Эксмо, 2005. С. 704.

Человек должен осмыслить историческое бытие. В ином случае он будет доверять свою историю тем специалистам, которые так упорно стараются воссоздать, а точнее, реконструировать, независимые, по их мнению, секторы исторической действительности в виде истории права, политологии, социологии, философии, истории культуры и т. д. Целостного исторического бытия не получается. Порой, прикрываясь постмодернистской парадигмой, люди игнорируют опыт прошлого: «Не случайно великие представители критики — французские моралисты и энциклопедисты, социалисты, а также персонально Гейне, Маркс, Ницше и Фрейд — так и остались посторонними для республики ученых»⁴.

Для того чтобы прыгнуть в омут истории, нужно надеть спасательный жилет и знать примерные ориентиры маршрута поиска. Таким жилетом может быть один из научных методологических методов исследования, в который обязательно должен входить принцип историзма, ориентирами — те поступки людей, как известных исторических личностей, так и простых людей, которые служат примерами гуманизма, несмотря на все негативные объективные условия. Вот здесь, в истории, человек может найти свое второе «Я», в соединении с которым он и приобретает опору в Бытие с перспективой подхода к вопросу о смысле жизни. Человек несет в себе историю, он часть ее, он часть человечества, и история дает ему возможность соединить себя со всеми. Об этом говорили Сократ и Августин Блаженный — познавая себя, познаешь Бога (Бытие). Разумеется, внутри человека, в его сознании, не содержится никакого платоновского мира идей. Но в сознании человека есть определенная априорная структура, которая при соответствующем направленном развитии может подвести человека к богатству той

 ⁴ *Слотердаjk, П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 40—41.

1.2. Историческое бытие и сущность человека

мировой культуры, которая накопилась в данную эпоху. Данный процесс назван Гегелем филогенезом. С этой точки зрения человек историчен и его гуманизм ограничен своей эпохой. Человек может и должен понять своего современника, мотивы и идеи прошлых поколений с точки зрения высшего понимания человечности и гуманизма своей эпохи. Но есть и другой познавательный процесс — онтогенез, когда, войдя в мир культуры, в мир истории, человек вносит в него нечто свое, индивидуальное, в котором также содержится и общечеловеческое. Каждый добавляет свою крупицу таланта, и лишь немногие (гении и таланты) поднимают культуру на более высокий уровень. Но, что характерно, многие гении, в частности писатели Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, своими учителями, которые помогли им раскрыть в себе свой талант, считали тех, кто мало был известен общественности. Великие писатели увидели в них нечто созвучное себе, они поняли то, что другим было недоступно. Так и в историческом исследовании стоит одна из важных проблем — проблема понимания. Увидеть в прошлом созвучное современному, увидеть в другом частичку себя. Соединив эпоху с человеком, мы создадим гуманистическую ось связи прошлого с настоящим. Человек историчен и, тем не менее, он всегда современен.

Р. Арон, развивая теорию об историчности человека, дает следующую классификацию:

«...а) человек как общественное существо всегда предстает только в историческом облике. Он несет на себе отпечаток того изменяющегося общества, к которому он принадлежит. Утверждение, что человек есть историческое существо, тождественно утверждению, что он существо социальное;

б) можно подчеркнуть тот факт, что социализация предполагает наложение отпечатка настоящего и прошлого на человеческий дух;

в) наконец, существует еще более глубокий смысл: человек историчен, потому что он способен думать о своем

прошлом, отрывать от него и представлять свое будущее. Термин “история”, понимаемый в более глубоком смысле, означает не просто изменение, а такое изменение, когда тот, на ком оно сказалось, осознает это и стремится его осмыслить»⁵.

История это не нечто внешнее, отделенное от нас временем и пространством, она имманентно присуща нам, она внутри нас, в генофонде, в человечности. Поэтому мы понимаем и можем понять не только искусство Нового времени, неразрывно связанного с современностью, но и культуру любой, в том числе и погибшей, цивилизации, понять поступки и мотивы людей разных эпох. Как только человек выразил свои мысли, они становятся достоянием человечества, и человек, выражающий свои мысли, уже несет в себе часть человечества. Антропологическая наука, вооруженная новейшей технологией, основанной на анализах ДНК и знаниях генетического кода человека, доказала единство человеческого рода, который формировался на Земле в конкурентной борьбе с представителями других родов (неандертальцев, пекинского человека, денисовского человека). Взаимопомощь, солидарность, сочувствие, сопереживание и, наконец, совесть — вот результат генезиса человеческого рода, и эти качества присущи каждому человеку, но в разной форме, на различной глубине человеческой души. Одним словом, все перечисленное можно назвать гуманизмом. Поиск гуманизма в истории одновременно есть поиск, раскрытие гуманизма в себе.

Таким образом, глобальной задачей человека, решая которую, он выходит на проблему смысла жизни, является поиск самого себя, собирание своего «Я», духовного перерождения. Способ решения этой задачи скорее психолого-философский, чем просто философский, и имеет свои лич-

 ⁵ Арон, Реймон. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 14.

1.2. Историческое бытие и сущность человека

ностные особенности. Но этот путь не должен развести человека с обществом, природой, с Бытием. В жизни, в истории много примеров, когда целостный человек через формы отшельничества, затворничества и прямого противостояния с обществом, с бытием заходил в жизненный тупик. Разлад, забвение бытия приводили к антропоцентризму, нарциссизму, эгоизму, в лучшем варианте, и в худшем — проступкам и преступлениям. Поэтому, решая задачу личного роста, духовного перерождения, гармонии, человек выходит на проблему Бытия: поиск соответствия своих ценностей с ценностями общечеловеческими, вечными, гуманистическими. Способ решения такой задачи философско-деятельный. Однако само Бытие — Бытие исторически-становящееся, человеку уже задан мир, но, чтобы его освоить, нужно обратиться к истокам, к истории. Гуманизм является одновременно связью всех этих методов (определенного рода методологией) и целью.

Глава II

СУБЪЕКТ ИСТОРИИ И ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

2.1

Личность и субъект

В данной главе рассматривается проблема соотношения личности и субъекта истории от Античности до современности. За основу взято классическое определение личности как человека, имеющего пять форм активности: переживание, деятельность, общение, поведение, самоуправление и проявление заботы как о себе так и бытие, что предполагает личностное отношение к истории. Современная философия вновь подошла к проблеме личности и субъекта, на которые возлагается ответственность за удержание и сохранение Бытия и Истории. Необходимо проанализировать недостатки и преимущества во взглядах на человека, полагающих, что сущность человека находится внутри или вне его. Отсюда и разные типы миропонимания.

Особую проблему, трагическую для истории, представляют взгляды на современного человека как на человека без сущности. Поиск смысла жизни есть утверждение свое-

го онтологического основания, позволяющего стать личностью, и стремление к становлению субъектом истории, начиная с истории личной, своей семьи, малой родины и т. д.

В советском прошлом вопрос о человеке как субъекте истории не рассматривался как спорный. В советской коммунистической доктрине четко прописано, что человек, освобожденный от капиталистической эксплуатации, становится хозяином своей судьбы. Именно свободная личность, вооруженная коммунистическим учением, имеет все шансы в сообществе с другими такими же людьми коллективно взять под контроль и управление социально-экономические процессы. От анархии экономического рынка советское общество стремилось перейти и отчасти перешло к планированию развития производства и на основе полученного совокупного продукта — к планированию социальной, культурной и даже семейной жизни. Если принять советскую доктрину за истину, то в двухполярном мире, который существовал в XX веке, одна его часть бесконтрольно развивалась под воздействием экономических сил рынка, другая — планомерно прогрессировала под влиянием коммунистической партии, но в целом, по законам логики, мировая история была неуправляема. После распада Советского Союза уходит в тень и марксистская модель человека как субъекта истории. Но проблема не исчезла. Глобализация породила и глобальные проблемы — ядерную угрозу, экологическую, демографическую, социальную, а также международный терроризм, затронувшие всех людей, что вновь вывело проблему субъекта истории. «“Спасти” означает: отвратить человека и Землю от уничтожения, которого в конечной технической фигуре своей судьбы бытие должно в качестве бытия себе желать»⁶, — провозглашает А. Бадью в своем «Манифесте». «Спасти» означает в данном контексте философски

▶ ⁶ Бадью, Ален. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. С. 27.

осмыслить человеческие возможности во взаимодействии с историческим бытием.

Вопрос о субъекте истории является наиболее трудным. Субъект истории тот, кто направляет свою деятельность, волю на объекты, представляющие собой людей, классы, общество, или на природу с целью достижения намеченных результатов, изменяющих историческое бытие. Субъект истории воздействует на объект не только напрямую, но и косвенно: через образование, воспитание, культуру, идеологию. Субъект истории может быть если не активным ее участником, то активным свидетелем и ее хранителем. К этой категории относится армия ученых и учителей. Субъектом истории рассматриваются как князья, поставившие цель создания централизованных государств (Н. Макиавелли), герои (парадигма Античности, герой творит историю — тезис эпохи романтизма, повторенный народником Н. Михайловским), так и личности, олицетворяющие прогресс (Г. Плеханов). Исторические философские школы видели субъектами истории тайные группы (теория масонского заговора), классы и народ в целом (советско-марксистский тезис), экономические силы (К. Маркс), бессознательную стихию (З. Фрейд, К. Юнг, А. Шопенгауэр) всеобщую волю (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо), индивидуальную волю (Ф. Ницше), мировой дух (Г. Гегель) и, разумеется, Бога (религиозная парадигма). Большой вклад в разрешение проблемы субъекта внесли В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс (социологическая школа), создав теорию элит как реальных субъектов истории.

Человек творит историю, но творит ее большей частью неосознанно, все его результаты недолговечны: «...мы, оглядываясь, видим лишь руины»⁷, историческое бытие и природа властвуют над человеком, как это было тысячелетия

 ⁷ Бродский, И. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. С. 213.

назад. Но человек живет будущим, порой его смысл жизни лежит в последующих поколениях, поэтому он хочет стабильности и предсказуемости. Возникла философская потребность на ретроспективный взгляд на проблему личности и субъекта истории и переосмысление роли самой философии в этой проблематике.

2.2

Личность и субъект истории в Античности

Античная философия не рассматривала проблему человека и истории, но пыталась выделить человека из мифологического мира или, по крайней мере, обосновать автономию человека от вездесущей власти. Так, Платон и Аристотель рассматривали человека уже не в контексте мифологии, а только отдавали ей дань уважения. Человек получил экзистенциальное время в отличие от мифологического круговорота: «...и что оно такое, и во скольких значениях говорится о “теперь”, и что такое “когда-нибудь”, “только что”, “уже”, “давно” и “внезапно”...» аристотелевская метафизика разрешила вопрос о человеке как субъекте, имеющем некую независимость от космоса, но зазор между человеком и историей небольшой, история властвует над человеком. М. Хайдеггер, окунаясь в античность, разводит человека и историю: «...неподвластное человеку и правящее им полновластие, правящее им и охватывающее его, человека, всегда уже изъяснившегося о нем. То, что человек понимает, — сколь бы таинственным и темным ни было оно в частностях, — он понимает, оно надвигается на него, несет и подавляет его, как то, что есть: “фюсис”, владычествующее, сущее... сущее в целом понимается не как приро-

да в позднем, новоевропейском смысле, то есть не как нечто, скажем, противоположное истории»⁸.

В философии истории развернулась дискуссия, предложенная А. Лосевым, о личности в Античности (такая же дискуссия была по поводу личности в Средневековье, о которой А. Я. Гуревич дает позитивный ответ). В психологии и философии под личностью понимают человека, имеющего пять форм активности: переживание, деятельность, общение, поведение, самоуправление. Добавим, что личность проявляется в заботе о себе, о других, о государстве, о бытии.

Так или иначе, человек по пути к личности должен разрешить проблемы, связанные с заботой или освоением своего тела, развитием сознания, отрегулировать свое бессознательное (инстинкты), стать открытым миру (Бытию, Богу), устанавливая связи с природой, человеком, культурой. Но человек, личность, формируется в развивающемся обществе, в котором действительность непрерывно уходит в прошлое, и если не зафиксировать уходящее в сознании, то произойдет отчуждение реальности от человека, не давая ему шансов стать личностью. Поэтому память, не просто быденная память, а память историческая, является конструктом, связывающим все компоненты в единое целое: «человек выражает себя таким, каким помнит, а не таким, каков он на самом деле»⁹.

Незнание истории или неверные знания, мифологические, искаженные, ложные могут дать сбой в личной жизни и жизни общества. Это касается не только античного человека, но и людей разных эпох, в том числе и современного

⁸ *Хайдеггер, М.* Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 59.

⁹ *Нуркова, В. В.* Свершения продолжают: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 8–9.

человека. Историческая память — это тот базис, наличие которого дает шанс не только на становление личности, но и на становление субъекта истории.

Историческая память человека античности была мифологическая, но рационально вписана в реальную действительность, а не противоречила ей. Мифологические боги и герои помогали формировать активную позицию греков-афинян, защищать свою родину, осваивать новые территории. Демократические полисы требовали рационально обоснованные решения и свободно высказываемые мысли и действия. Из сказанного вытекает, что в Античности, а именно в демократических и свободных городах государств, были все причины зарождения личности. Свидетельство тому — наличие философов, поэтов, скульпторов, политиков и многих тех, кто создавал свою судьбу, биографию в рамках мифологической парадигмы. Об этом утверждает и М. Хоркхаймер: «История индивида... в Древней Греции, которая создала не только понятие индивидуальности, но и ее типы для западной культуры»¹⁰.

В мифологическом сознании человек слит с себе подобным, природой. Но тем не менее Парменид, Гераклит и другие досократики, рассматривая человека, как и богов, подвластных судьбе, року, Космосу, дали ему орудие свободы — разум, позволяющий создавать свой внутренний мир. Неслучайно К. Ясперс назвал эту эпоху осевым временем, временем зарождения человека — личности. Критика человека, его пороков, доходящая до крайностей, как у Гераклита, не есть свидетельство недооценки роли человека в становлении социального бытия. Б. Рассел упрекает философа в нелюбви к человеку и человечеству — «презрение к человечеству заставляет Гераклита думать, что только сила мо-

► ¹⁰ Хоркхаймер, Макс. Затмение разума: К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. С. 150.

жет принудить людей действовать в соответствии с их собственным благом»¹¹, и не замечает, что Логос, огонь развивается по законам справедливости и, по словам Ф. Коплстона, солнце никогда не собьется с пути, а если это произойдет, то эриннии тут же его отыщут. Гераклит видит, как, впрочем, и его предшественник Гесиод, как далеки от совершенства, от космической гармонии их современники. Афиняне в переговорах с мелосцами, по свидетельству Фукидида, заявили, что они хорошо знают — при обсуждении людских проблем вопрос о справедливости встает только тогда, когда силы сторон примерно равны; но обычно сильные забирают себе то, что могут забрать, а слабые отдают то, что могут отдать, поэтому греческий пессимизм социальный и временный. Но в космологическом плане налицо их гуманизм: Гесиод верит в человечество, в способность человека с помощью способности к труду преодолеть все проблемы, то есть стать субъектом, а Г. Гегель утверждает — если считать, что судьба справедлива, поскольку всегда сохраняет для потомства только самое лучшее, то можно сказать, что оставшееся нам от Гераклита достойно быть сохраненным. Религиозные философы Ф. Коплстон, Т. Гомперц видят открытое Гераклитом единство Космоса и человека как духовное, как интуитивный поиск Единого, то есть Бога, что, на наш взгляд, является явной натяжкой, отказом от принципа историзма. С таким же успехом можно выдать теорию возгорающегося и потухающего огня как материалистическое объяснение происхождения Вселенной. Будучи философом, Гераклит не отказался от своих языческих богов, но уделял им не так много внимания, поместив их на периферию своего учения.

М. Фуко отмечает заботу античного человека о самом

 ¹¹ Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. С. 68.

себе. Работа как раз охватывает те стороны жизни, которые формируют личность. Философы учили людей ежедневным практикам совершенства — поиску истины и правильного образа жизни, что требует ежедневной практики: по вечерам вспоминать день, чтобы выявить ошибки, в том числе и нравственные, и наметить пути их исправления. По мнению французского философа, дальше всех в своих наставлениях продвинулись стоики и киники, которые призывали духовно преобразовывать «не только отдельных людей, но и весь мир»¹². Отметим, что забота о своем теле была доведена в античности до автоматизма.

Платон в своем идеальном государстве выделяет человека-субъекта: философа. Но философом человек становится не благодаря своим достижениям, а своему предназначению, что суживает понятие личности, лишая ее свободы выбора. Остальную часть общества идеального государства составляют воины, крестьяне и ремесленники — все те, кто является управляемым объектом. Таким образом, Платон был первым, кто нацелил общество на формирование субъекта истории — государства с его философской элитой. Взгляд Аристотеля на человека более сложен и противоречив. В «Физике» время, что может быть синонимом истории, существует только при наличии души человека. Отсюда логично вытекает, что человек в потенциале может подчинить себе время и историю.

В социальной плоскости грек — человек полиса не ставил перед собой задачу управления глобальными политическими и экономическими процессами. Он ограничивался рамками полиса, но в водовороте исторических событий был вынужден делать вызовы истории — борьба за независимость, доминирование на Пелопонесском полуострове, создание колоний. Полисная система не только обеспечива-

► ¹² Фуко, М. Мужество истины. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2014. С. 287.

ла социально-экономические функции, но и формировала самого человека. В проектах античного человека коллективу отводилась первостепенная роль. Полисное сознание древних греков исторически сменилось имперским сознанием римлян.

Александр Македонский попытался и довольно успешно прервал пространственное ограничение действия греческого субъекта, вырвался на мировое пространство. Сохраняя в себе культурный запас греков, он проводил политику эллинизации и гуманизации. Вопреки мнению своего учителя Аристотеля, Македонский выравнивал права греков и варваров, при этом не забывая подчеркивать свое личное превосходство, приписывая себя к божеству.

Древние римляне, создав огромную империю, ощущали себя подлинными хозяевами жизни. Сначала Рим, как имперский священный город, так и обобщенное понятие совокупности всех жителей империи, а потом и императоры ощущали себя субъектами истории. История должна подчиниться воле Риму. Но были и здравые рассуждения. Лукреций Кар предупреждал о тщетности борьбы за господство над историей:

Так человеческий род понапрасну тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслажденье истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море,
И подняло из пучин войны великие волны.
Солнце же вместе с луной — караульщика мира, — великий
Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя,
Людам внушили, что смена времен годовых неизменно,
Так же, как все во вселенной, свершается в строгом порядке¹³.

 ¹³ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997. С. 155.

2.2. Личность и субъект истории в Античности

В социальной плоскости поражение проекта имперского человека, по сути субъекта истории, потерпело крах, в чем и признается римский император Марк Аврелий: «Все, что видишь, скоро погибнет, и всякий, кто видит, как оно гибнет, скоро и сам погибнет». Рим в лице правящей элиты, сената, консулов, императоров, будучи субъектом истории Античности, в тактическом плане выигрывал, но в стратегическом проиграл: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Так, попытка античной философии теоретически обосновать пути возможности становления субъекта, независимого от мифа, богов, рока, потерпела крах. Но тем не менее история, особенно история позднего периода Античности, дала образец стойкости человека, поиска экзистенциального уединения и смысла жизни, ценности общения с природой, друзьями, а также с самим собой, времени и спокойствия — о чем и проповедовали стоики, среди которых был выдающийся философ М. Аврелий. Иронично его идею выразил И. Бродский в «Письме римскому другу»:

...Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
Лишь согласное гуденье насекомых...

Подлинными субъектами античного мира, свидетелями и хранителями истины бытия были не правители: цари, императоры — диктаторы и тираны, а историки Геродот и Фукидид, философы и мыслители, которые сохранили историческое бытие и передали эстафету поиска истины следующим эпохам.

2.3

Средневековье: христианский проект человека

В Средневековье вопрос о личности в философии и теологии не ставился. В Библии названа только одна личность, и имя ее Христос. Тем не менее, начиная с «Исповеди» Августина вплоть до сочинений русских религиозных философов, прослеживается мысль о наличии личности в христианстве: «Если мы не согласны называть ангела личностью в том же смысле, что и человека, если ангел — личность только через человека и в человеке...»¹⁴. Но личностью становятся только тогда, напоминают К. Ясперс и Г. Марсель, когда принимаешь Бога экзистенциально, а не принуждением, по традиции, незнанию. Многие современные философы, такие как В. Норманн, историки-медиевисты, среди них К. Моррис, из-за спорного понятия «личность» употребляют понятие «индивид». Ю. П. Зарецкий, анализируя феномен средневековой автобиографии, отмечает особенности индивидуализма средневекового человека, в котором «достаточно места для широкого спектра личностного проявления — от глубокого самоуничужения («я — ничто перед Его лицом») до неумной гордыни («Я — избранник Божий, ведь именно на моем примере жизни Господу угодно было открыть людям Истину»)»¹⁵.

Христианский проект человека, в отличие от античного и последующих проектов, имеет четкий образец идеала, строгие ценности (но в довольно часто меняющихся трактовках тех, кого можно с допущением назвать субъектами исто-

¹⁴ Карсавин, Л. О личности//Книга ангелов: Антология христианской ангелологии. СПб.: Амфора, 2007. С. 539.

¹⁵ История субъективности: Средневековая Европа. М.: Академический проект, 2009. С. 39.

2.3. Средневековье: христианский проект человека

рии, — церкви, духовенства, богословов, религиозных философов). Но подлинным субъектом истории, подчинившим всю общественную жизнь Европы, было христианство, исторический проект которого заключался в том, что «все люди должны принять божественное искупление во Христе и стать членами Церкви, общности, проводящей милосердие Божье»¹⁶. Реальная история поправляла идеи христианства: так, Августин в период упадка Рима выдвинул идею о граде Божьем, путь к которому противоположен историческому процессу. Но как только христианская церковь становится на ноги и подчиняет себе светскую власть, представление об истории меняется. Град Божий и град земной соединяются в единый центр, обычно совпадающий с резиденцией папы римского или двором могущественного монарха. Историей пытаются управлять, подчиняя себе тела и души людей средневекового общества.

Создается единое христианское общество, строятся новые отношения на основе христианских заповедей, новой морали. Так, человек по отношению к другому человеку может выступить как продолжение своего «Я», а в коллективе формируются долг, ответственность, самопожертвование, совесть. Еще нет расхождения между своим убеждением и внешними обязанностями, налагаемыми на человека верой и коллективом. В раннехристианских общинах человек в гласных покаяниях перед другими обнажал свою душу, желал принять смерть прилюдно, обращая последний взор на окружающих, прося их поддержки. Сакральная вещь становится не только воплощением Бога, но и олицетворением всего христианского мира (например, крестик — символ распятого Христа и принадлежности к общине верующих). Но о подлинной личности и гуманизме говорить не приходится: выйти за пределы христианского

▶ ¹⁶ *Стевенсон, Л.* Десять теорий о природе человека. М.: СЛОВО, 2004, С. 86.

мира (раздираемого военными, политическим, идеологическими противоречиями) человек так и не смог — мусульмане и язычники были непримиримыми врагами христиан, а позднее и христиане стали враждовать друг с другом. В постоянных войнах, которые вели христиане, использовались антигуманные методы. Работоторговля, грабеж, обогащение соседствовали с миссионерской деятельностью, дискредитируя идеи христианства и гуманизма, что отразили в своих трудах медиевисты Филипп Арьес, Арон Гуревич, Жак Ле Гофф.

В социальном плане человек средневековый — человек коллективный и во многом материальный. Об этом говорит Л. П. Карсавин, приводя слова богослова X века Ратхера, епископа Веронского: «Если, исполняя завет Христа, все уйдут от мира, кто будет возделывать поля; и может ли тогда существовать сам мир?»¹⁷ Вопрос немецкого богослова не риторический, а онтологический: мир обладает единой бытийностью, имеет единого создателя. Существование мира находится в зависимости от человека, человек и мир взаимосвязаны, но связь человека с миром осуществляется через церковь. Задача церкви в Средневековье, по мнению Л. П. Карсавина, — «развить свою небесную жизнь в Божью, живя “земной жизнью”»¹⁸. Земная жизнь предполагает развитие светских политических и общественных институтов, требующих и новых человеческих проявлений: свободы, ответственности, заботы. Свобода присуща человеку, является его онтологическим основанием, и постоянное насилие над человеком в средневековом обществе может привести к гибели общества или к экзистенциальному бунту, как сказал Гете, «трус, доведенный до отчаяния, может совершить подвиг».

¹⁷ Карсавин, Л. П. Культура Средних веков. М.: Книжная находка, 2003. С. 107.

¹⁸ Там же. С. 36.

2.3. Средневековье: христианский проект человека

В Средневековье закладываются социально-экономические и культурные условия жизни общества, при которых человек начинает рационально осмысливать свое присутствие на Земле. Постепенно ценности небес перемещаются на землю. В первую очередь это связано с развитием научных знаний, необходимых для развития сельского хозяйства, ремесел и военного дела. Светско-религиозная власть осознавала европейское отставание в науке от враждебной арабской цивилизации, в которой уже процветали университеты, особенно в Кордове со знаменитым медицинским факультетом, куда стремились многие христиане поправить свое здоровье. Ответом на такой вызов духовного конкурента является создание по всей Европе сети университетов с богословским, медицинским и философским обучением. Возвратились в научный обиход античные философы, многие произведения были переведены с арабского на латинский. Возникают и гуманитарные науки, такие как история, границы которой первоначально были определены рамками Священного Писания. Но европейские народы, получая все больше знаний, не могли не увидеть отсутствия своих корней, своей истории, даже косвенных намеков собственного присутствия в библейские времена, конструировать же определенную связь с греческим, а тем более с еврейским народом не представлялось возможным из-за религиозных противоречий. Римляне, принявшие христианство, вынуждены были отказаться от своего языческого прошлого. Таким образом, образованию национальных государств, легализации народного языка, развитию политических и культурных сфер стало мешать не только господство Римской церкви, но и складывающаяся ортодоксальная католическая религия. Религиозные богословы при низком уровне образования населения еще могли сдерживать такое развитие историческими нелепицами в виде скорого конца света или идеи космополитизма христиан, но с ростом самосознания народа, с развитием университетов и, главное, в связи с необходимостью идеологического обоснования национальной элиты

возникает потребность в научной истории. За образцы берутся истории Геродота, Ксенофонта, Полибия, Транквилла, Плутарха, Флавия и многих других античных историков, но научный подход в истории не означает объективного изучения прошлого с опорой на источники и соблюдения принципа историзма в современном понимании. Сам научный метод того времени должен рассматриваться с позиции историзма. Главным достижением средневековых историков и философов было их преодоление «августиновского» пренебрежения исторической действительностью.

Фоме Аквинскому в новых условиях ничего не оставалось, как признать рациональное мышление союзником религии. Но этот союз был вынужденным, и правильно отмечает М. Л. Абрамсон, что «к XIII веку наметились тенденции к высвобождению науки из-под власти теологии»¹⁹.

Как определенный противовес политике церкви, в народе с XII века все более привлекательным становится образ Христа как человека: «Мы — люди, созданные по подобию Христа, а нами помыкают, как скотиной»²⁰ — и святых заступников, отличающихся от других не просто подвигами и мученическими смертями за веру, а благочестивым образом жизни и помощью людям.

Совесь, рожденная в малых группах, начинает свой путь сближения с грехом, понимаемым как ответственность всего человечества перед Богом и как личная ответственность человека перед человечеством: «Те, кто способен отдать свою жизнь за друзей своих, достигнут самой высокой вершины любви»²¹. Здесь и зарождается народный гуманизм, который переходит в практическую плоскость с требованием социальной справедливости, что выливается в

¹⁹ Абрамсон, М. Л. От Данте к Альберти. М.: Наука, 1979. С. 49.

²⁰ *Августин* // Цит. по: Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 365.

²¹ Антология средневековой мысли. СПб.: Амфора, 2008. С. 359.

2.3. Средневековье: христианский проект человека

массовые крестьянские восстания, как, например, восстание бедноты в Англии под предводительством Уота Тайлера, идеологию которого выразил один из народных вождей Джон Болл:

В цене сейчас гордыня.
За мудрость — алчность ныне,
Распутству, грязи нет конца,
Коварство — доблесть подлеца,
Находит зависть оправданье,
А лень встречает почитанье.
Так отличи ж врага от друга.
Вскричи: «Довольно, будет вам!»
Твори добро и сей свободу —
Так говорю своим друзьям²².

В перипетии социально-экономических взаимоотношений человек Средневековья на фоне истории выглядит как целостная и в какой-то степени гармоничная личность. Он еще не задается гамлетовским вопросом «быть или не быть?», не ставит под сомнение религиозные догмы, права церкви и власть феодалов. Понятие долга сопряжено с личной ответственностью, с совестью. Человеку уютно в своем мире, обставленном иконами и другими сакральными вещами, он защищен от внешней опасности как малыши, так и большими коллективами, он свободен, как и единоверцы, жизнь без которых он не представляет. Тяжелая, брэнная жизнь компенсируется высоким стремлением души к чему-то возвышенному, и этим возвышенным, наряду с Богом, может быть «прекрасная дама» и долг перед родиной и своими товарищами. Но это был хрупкий и жестокий мир. Индивидуальность человека не поощрялась, а, скорее, наказывалась: «...в течение долгого времени за индивидом вообще не признавалось право на существование в его единичной

22 Поулсен, Ч. Английские бунтари. М.: Прогресс, 1987. С. 38.

неповторимости»²³, человек с особым мнением становился опасным обществу и подлежал наказанию. Даже героиня Франции Жанна д'Арк казнена по подозрению в колдовстве. Человек долга сужал до минимума свою личную свободу, творчество. Так, художник в своих произведениях не мог выйти за каноны иконописи и изображения библейских сюжетов, музыкант сочинить что-то другое, кроме церковных хоралов, ремесленник создать вещь, не предусмотренную уставом цеха, крестьянин посеять новые высокоурожайные сорта злаков, не нарушая правил севооборота. По мере разрушения феодального строя, его исчерпаемости как экономической системы, долг отрывается от сущности человека и становится его обузой, внешним принуждением. Процесс десакрализации долга, в результате которого долг и свобода человека разошлись в разные стороны, хорошо показан Мигелем де Сервантесом. Дон Кихот со средневековым понятием долга кажется смешным и нелепым, хотя его моральные качества намного превосходят окружающих. В романе Даниэля Дефо «Приключения Робинзона Крузо», наоборот, видим, какое значение для человека приобретает свобода, не обремененная условностями. Человек без общества, государства и церкви может существовать довольно продолжительное время. Наступает эпоха новых взаимоотношений, формируется новый человек.

Эпоха Средневековья проделала огромный исторический путь: от полного пренебрежения к земной жизни до полного ее принятия, оставаясь в рамках христианской парадигмы. Субъектом истории человек и не стремился становиться. История была отдана на откуп божественному предвидению, но быть соучастником, помощником стремились многие правители того времени. И все же они стали лишь свидетелями истории.

 ²³ *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 341.

2.4

Феномен эпохи Возрождения

Медиевисты отмечают Возрождение как время кризиса феодального способа производства, возникновения капиталистических отношений, роста торговли, городов, следствием чего является появление нового человека. Водораздел между старым и новым как раз и пролегает в различии понимания роли человека по отношению к своей судьбе, к истории, к бытию и Богу. Свобода «становится новой категорией человеческой сущности», — утверждают гуманисты, «человек — орудие божественного провидения», — дают отпор их оппоненты. На определенном этапе развития общества христианство и античность не могли больше развиваться таким образом, что одна система (христианство) использует по своему усмотрению другую (античность). Например, вырванные из контекста эйдосы Платона и логос Аристотеля заимствуются христианством, что приводит к искажению как платоно-аристотелевских идей, так и текста Священного Писания. Это отмечается Л. Шестовым, указывающим на несовместимость Афин и Иерусалима. Возможен, таким образом, только такой синтез двух систем, где качественно преобразуются обе. Но Античность — это прошлое, поэтому возможность к преобразованию может быть только у христианства, следовательно, логика развития должна привести к разрыву христианства и античности.

Эпоха Возрождения создала нового человека, творческую личность, и первым, кто об этом заявил, был Я. Буркхардт в «Культуре Италии в эпоху Возрождения». И с этим мало кто спорит, но ощущала ли эта творческая личность себя субъектом истории, вопрос открытый. Н. Макиавелли был не согласен с первым постулатом, но дал положительный ответ на второй: человек слишком слаб, зависим от страстей, чтобы стать личностью, но субъектом может быть,

если он из тех, кто, борясь за власть, овладеет психологией управления народом, разработанной флорентийским мыслителем, а для этого надо избавиться от всех религиозных предрассудков, именуемых моралью. Макиавелли подошел к человеку реалистично и прагматично: «...о людях можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся»²⁴. Показанные им негативные стороны человека компенсируются лестными одами тому же человеку Д. Пико делла Мирандолы, М. Фичино и других философов Возрождения, что показывает противоречивость и самой эпохи и самого человека. Н. Макиавелли, рассматривая людей как объекты для манипуляций, не жалует и субъектов — государей: «...народ грешит названными пороками ничуть не больше, нежели любой государь»²⁵. Таким образом, Н. Макиавелли раскрывает общечеловеческую природу, не приукрашивая и не возвышая ее, что никаким образом не согласуется с христианским проектом человека, который к этому времени дал серьезную онтологическую трещину. Ценности человека смещаются с неба на землю, от идеалов к прагматизму. Тем не менее прагматизм в политике и экономике дал полную свободу в творчестве. Создается идеал человека — мыслителя и атлета, поддержанный титанами искусства: Л. да Винчи, Рафаэлем, Микеланджело. В социальной действительности «ренессансный» человек — «жизнерадостный, аморальный, языческий индивид, ориентированный на этот мир и обращенный к при-

²⁴ *Макиавелли, Н.* Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 94.

²⁵ Там же.

роде»²⁶, что отразилось в творчестве Д. Боккаччо и Ф. Рабле. Как противовес такому человеку, реакция на Возрождение, создается обновленный христианский проект протестантского направления. Историческая стадия упадка христианства повторяет момент конца Римской империи, и снова становится актуальным Августин с теорией предопределения, которая становится утешением в трудные времена, выводя человека из социальной зависимости в трансцендентальную независимость. Человек отказывается от статуса личности и от статуса субъекта, объективно, выпуская на волю экономические силы, которые и являются подлинными субъектами истории. М. Лютер как богослов понимает опасность для христианства пути антично-христианского синтеза, на основе которого зарождается независимая личность. Вся его реформационная деятельность, по сути, есть стремление к возвращению в первоначальное христианство, на деле же — отрицание всей приобретенной культуры европейской цивилизации, стирание из исторической памяти шестнадцати прожитых веков, возвращение человека к доисторическому состоянию.

Однако пройдет немного времени и буржуазия опомнится — она захочет подчинить себе экономические силы, стать субъектом истории и вернуть статус личности. Но это будет уже Новое время.

В эпоху Возрождения рождается творческий человек. Творческий человек без опоры на социальную действительность, без заботы о бытие и о конкретных людях, и о Другом оказался в итоге антропоцентристом, титаном, подпирающим небо, но стоящим на зыбкой почве. Выдержать такое испытание смогли немногие, отсюда феномен Северного Возрождения, в котором человек представлен равным самому себе, а не олимпийским Богам и старозаветным героям.

▶ ²⁶ *Воге, Петер Норманн. Я. Индивид в истории культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 193.*

Н. Макиавелли предложил новую конструкцию субъекта — прагматичного государя, стремящегося к созданию сильного централизованного светского государства, пренебрегающего всей моралью, выработанной человечеством, а значит, историей. Личность и субъект расходятся в разные стороны.

2.5

Новое время и рождение субъекта

В Новое время произошла антропологическая декартовская революция. Родился новоевропейский субъект. Человек вступил в субъекто-объектные отношения. Декартовская «творческая интуиция» — нить, связывающая человека с Богом и через Бога со всеми людьми, создавала возможность конструировать самого себя, «заботиться о себе» не отрываясь от истории, культуры, религии. Но с каждым поколением эта нить будет все тоньше и тоньше, пока не порвется в наше время. В начале Нового времени она была еще крепка и человек, с одной стороны, был свободен от «идолов» Ф. Бэкона, но с другой — привязан к какой-либо религиозной общине. Церковь (религия) еще остается общественным институтом, ее влияние на общество осуществляется через своих — агентов общин, но уже не только религиозные убеждения связывают людей, но и социальные, культурные, психологические, педагогические проекты и проблемы. Общины объединяют в себе религиозное и светское мышление и практику. В Великобритании, США, Канаде роль таких сообществ в воспитании и социализации личности будет решающей вплоть до середины XX века. Искусство, особенно литература, раскрыла жизнь человека в западном обществе: от Ч. Диккенса до М. Твена в XIX веке, от А. Мердок до Р. Дэвиса в XX веке. Английская писатель-

2.5. Новое время и рождение субъекта

ница-философ и канадский писатель-историк показали процесс трансформации религиозных общин в культурно-социальные сообщества и на этом фоне бурный рост индивидуализма и эгоцентризма. В католических странах роль церкви оставалась более традиционной, но католические общины в протестантских странах приобретали социальные функции в ущерб религиозным. Теорию М. Вебера о роли протестантской этики в становлении капитализма разумно перенести и на католическую этику, что и делает П. Бергер. Р. Декарт, Ф. Бэкон, Д. Локк обосновали способность к познанию как онтологическую сущность человека. Знание становится орудием нового субъекта, поставившего цель покорить природу. К природе относили не только открытые и ранее недоступные земли, но и население, на них проживающее.

Субъектом истории становится европеец, образованный, воспитанный по системе кодекса джентльмена Д. Локка, просвещенный христианин, аристократ, взявший на себя миссию спасения мира. Под спасением понималась насильственная христианизация, повсеместное навязывание европейской культуры и экономическая экспансия. Так как европеец имел национальную окраску, то развернулась борьба государств-субъектов за присвоение общеевропейского статуса.

Таким образом, Декарт открыл европейского субъекта, Локк проложил дорогу к построению личности через воспитание по строгим правилам, готовившее буржуа ко всем неожиданностям новых рыночных реалий. Теперь личность должна обладать не только свободой, но и собственностью. Новоевропейский субъект — активная личность, проникающая во все уголки земного шара. Гегель сузил активность субъекта векторами следования мирового духа, который и был подлинным субъектом истории, в сторону Пруссии, где произойдет синтез объективного и субъективного субъекта. Система Гегеля при всей своей целостности и внутренней логике не избежала внутренних противоречий. Онтология и гносеология, антропология и аксиология, история и лич-

ность в совокупности не создали то единство, которое удовлетворило бы пытливые умы Европы, равнодушные ни к поискам истины, ни к жизни простого человека. Но философия Гегеля стала основной в Европе XIX века. Поэтому каждый философ, как бы критически к ней ни относился, вынужден отталкиваться от диалектики, от всей гегелевской системы в целом. Н. А. Бердяев прав, признавая, что в такой системе нет ни гуманизма, ни личности, а человек, его сознание, есть определенный этап в развитии абсолютного духа, при условии, что этот человек относится к историческому народу, германскому. Принцип историзма как логическое следствие диалектики духа подавляет всякого человека, делает историю прямолинейной и однолинейной, безжалостной как к личности, так и ко многим народам, оказавшимся на обочине исторического развития. Тем не менее Гегель показал реальную связку людей в классовом обществе в диспозиции раб—господин, в которой ни тот ни другой не имеют самодостаточной онтологической сущности личности. Впоследствии эта схема перешла в марксизм, и в трансформированном виде — в психоанализ и пост-модернизм.

2.6

Марксизм и ранний экзистенциализм — борьба за человека

К Маркс сохранил и продолжил развитие гегелевской системы, заменив дух на природу, прусское государство на коммунизм, конечную целесообразность на бесконечное развитие, отрешившись от мелочной регламентации и тотального детерминизма. Поставив диалектику на ноги, вся гегелевская система у Маркса получила новое понимание истории. Убрав божественную целесообразность, Маркс

придал истории гуманистический смысл, в котором свобода и борьба соединились в человеке.

За человека и его свободу, за гуманизм, заступает также С. Кьеркегор. Он не претендует ни на наследие Гегеля, ни на коррекцию его системы, ни на попытки создания альтернативных проектов. Однако при всей его критике гегелевской системы многие ее элементы так или иначе присутствуют и у Кьеркегора, но он непримирим к диалектике, которая призывает во всем увидеть момент тождества: «Для философов всемирная история закончена и подлежит примирению. Оттого-то в наше время и стало заурядным грустное явление встречи молодых людей, способных примирить христианство с язычеством, шутить с титаническими силами истории и в то же время не только не способных ответить простому человеку на вопрос, что ему делать, но и не знающих, что им делать самим»²⁷. Кьеркегор здесь видит опасность эклектизма, который становится массовым и очень удобным для манипуляции. Действительно, датский мыслитель акцентировал, но преувеличил и абсолютизировал момент тождества за счет борьбы противоположностей, так же как крайние марксисты преувеличивали роль борьбы противоположностей, игнорируя тождество (например, сталинский тезис о росте классовой борьбы по мере приближения страны к социализму).

Социофилософские, пронизанные духом экономизма, идеи Маркса кажутся полярными экзистенциальному тону кьеркегоровской философии. Но эта очевидная полярность при вдумчивом «вчитывании» в тексты обоих философов исчезает, несмотря на то что в основе их идей лежит различное понимание роли философии: если Маркс призывал изменить мир при помощи философии, то Кьеркегор — человека через философию. Пропасть между марксизмом и

► ²⁷ Долгов, К. М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. С. 8.

экзистенциальным настроем кьеркегоровской мысли не так очевидна и непреодолима. Это касается проблемы свободы как одной из сущностей личности.

И К. Маркс, и С. Кьеркегор рассматривали свободу в ее взаимоотношениях с религией. Кьеркегор выдвигал раскаяние вместо примирения противоположностей, вместо необходимости — свободу воли. Диалектику необходимости и свободы он не признает — одно исключает другое. «Борясь за свободу... я борюсь за будущее, за выбор или—или. Обладание им может возвеличить человека превыше ангелов»²⁸. Признание превосходства человека над ангелом уже есть косвенная критика господствующей религиозной системы и общественных отношений, сложившихся во времена Ренессанса. Пико делла Мирандола поставил человека выше ангелов, что не вписывалось в каноны католицизма, который к этому времени находился в кризисе, возникшем из-за протестантизма, и не желал в данный исторический момент ссориться со своими сторонниками²⁹. Кьеркегор показывает уже кризис протестантизма, ставшего точкой отсчета новых философских направлений, в том числе и экзистенциализма. Человек в силу своего умственного развития осознает свое рабское положение и переносит свое негодование на догматизм религиозного учения. Если в раннем Средневековье господствовала позиция, что «мы позорище для мира, для ангелов... Христа ради мы немощны, мы как сор для мира...»³⁰, то в последующую эпоху на арену исто-

²⁸ Долгов, К. М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. С. 30.

²⁹ Пико делла Мирандола, Джованни. Девятьсот тезисов. Тезисы 1—400: Четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 259.

³⁰ Ахутин, А. В. Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 168.

рии выступает активный человек, откинувший всех посредников: ангелов, чертей, демонов, — но еще не имеющий сил и воли, чтобы стать прочно на ноги. Отсюда и необходимость в Боге как в творческом начале, толчке, как в деизме, только на уровне микрокосма, который, по мнению Кьеркегора, не изменяет человека, не превращает его в другое существо, но лишь пробуждает и озаряет его сознание и этим заставляет человека стать самим собою. Отсюда гуманизм Кьеркегора дуалистичен и незавершен. Сильной стороной его учения является тезис: «Верующий бесконечно заинтересован в действительности другого. Для веры это является решающим фактором, и такая заинтересованность отнюдь не сводится к некоей толике любопытства, но представляет собой абсолютную зависимость от предмета веры»³¹. Человек должен жить не только для себя, но и для другого. Жить, по Кьеркегору, это экзистировать, экзистировать — это действовать. У Маркса действие, деятельность — сущность человека. Но у Маркса деятельность — это борьба за истину в объективном мире, у Кьеркегора «субъективность есть истина; субъективность есть действительность»³². Свобода, по Марксу, — «сущность человека, подобна тому как тяжесть — сущность тела. Человек призван быть свободным, она — само его бытие»³³. Человек должен бороться за свою свободу, свое бытие. Но и у Кьеркегора свобода дается нелегко, она есть мера ответственности и заботы о прошлом, об истории: «Чем больше свободы дано человеку, тем больше лежит на нем и ответственности, и в этом-то и заключается тайна блаженства; тот же, кто не хочет взять на себя грехи предков и раскаяться в них, выказывает если не тру-

³¹ *Кьеркегор, С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». — М.: Академический проект, 2012. С. 318.

³² Там же. С. 335.

³³ *Альтюссер, Луи.* За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 317.

ность, то малодушие, если не полное душевное ничтожество, то мелочность и недостаток великодушия»³⁴.

К. Маркс и Ф. Энгельс понимают, что бунт в религиозной сфере не разрешит социальные противоречия. Такой бунт завершается перераспределением статусов и ролей, мало что изменяя в жизни простого человека. Но если протестант, свободный от догм, бунтует против несвободы человека, то его бунт направлен против трансцендентального Бога и он бунтует не только против оков общества, но и против оков сердца, он борется за Бога человеческого, за Христа как идеал человечества. Чем больше людей будет охвачено таким экзистенциальным бунтом, тем более масштабные социальные перемены произойдут в обществе. Таким образом, Кьеркегор предполагал выход экзистенции человека в социальную плоскость бытия.

Если в метафизической области позиции Кьеркегора и Маркса полярны, то их философская рефлексия в области религии произвела одинаково значимые изменения в христианстве. К. Поппер утверждает: «Марксово отношение к христианству имело некоторые сходство с позицией его современника С. Кьеркегора, великого реформатора христианской этики, разоблачавшего официальную христианскую мораль как антихристианское и антигуманное ханжество»³⁵. Современные церкви учитывают весь критический опыт и, кроме традиционных наборов ценностей, разрабатывают социальные программы. Папа Иоанн Павел II продолжал исправлять «ошибки» своих предшественников. 12 марта 2000 года в ходе воскресной мессы в соборе Святого Петра папа римский попросил прощения и признал виновность церк-

³⁴ *Кьеркегор, С.* Несчастнейший: Сборник сочинений. М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2006. С. 155.

³⁵ *Поппер, Карл Раймунд.* Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. Чары Платона. Киев: Ника-Центр, 2005. С. 379.

ви в следующих грехах: в преследовании евреев, церковных расколах, религиозных войнах, крестовых походах и оправдании войн из-за богословских догматов, в презрении к меньшинствам и бедным, в оправдании рабства. Он и совершил покаяние за грехи сынов Церкви. Церковь постоянно запаздывает, и гуманистические порывы кажутся вынужденными, но тем не менее современная церковь, и католическая и православная, в эпоху разрушающих нравственность либеральных ценностей (однополые браки) становится защитником как религиозных, так и гуманистических ценностей.

Оценка роли труда в становлении человека что у Маркса, что у Кьеркегора одна и та же, а некоторые высказывания вполне вероятно можно приписать обоим.

Кьеркегор резко критикует пренебрежительное отношение к труду класса имущих. Он понимает бытийное значение труда в становлении человека. Высказывание Маркса о том, что труд это «целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме... составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм»³⁶, выводит на новый, онтологический уровень понимания человека труда. Кьеркегор и Маркс приходят к выводу о том, что труд есть предикат человечества, его сущность. Гуманизм не может существовать без понимания роли труда в становлении человека. Другими словами, праздный человек или человек лишенный возможности трудиться теряет свою сущность, деградирует. Таким же образом деградирует и общество, если его члены стремятся избежать естественной потребности к труду. Долг человека — зарабаты-

▶ ³⁶ *Маркс, К.* К критике политической экономии: Полное собр. соч. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 23.

вать себе средства к жизни трудом. Это его общечеловеческая обязанность, которая не ограничивает свободу, а расширяет человеческие возможности. Ведь именно труд, что по Кьеркегору, что по Марксу, освобождает человека, делает его господином природы; благодаря труду человек становится выше природы. Оба мыслителя понимают огромное решающее значение труда для воспитания человека. В современном мире явно намечается тенденция устранить труд из процесса воспитания и образования, физический труд вывести в потаенную сторону от общества, нацеленного на досуг и развлечения, возложив все заботы о хлебе насущном на «аутсайдеров» и гастарбайтеров. Классики марксизма прекрасно понимали различие труда по принуждению и творческого труда, но и они осознавали, что и в будущем технически развитом обществе человек должен будет трудиться не только по желанию, но и по необходимости. Человек будущего не только будет иметь возможность заниматься творчеством, «ходить на охоту и рыбалку», но и должен какое-то время «толкать тачку», поэтому они и предусматривали уже в школах не менее двух часов занятия полезным трудом.

Кьеркегор, как и Маркс, видит двойственность труда: общечеловеческий и конкретный, но он не переходит к экономическому анализу стоимости, оставаясь на метафизическом уровне анализа. Маркс, наоборот, связал через формы собственности духовные составляющие человека. Однако было бы неверно толковать о жестком детерминизме общественных отношений над существованием человека с его духовным миром. Маркс видит некоторую автономию духовных качеств человека. Достаточно посмотреть на некоторые высказывания Маркса, которые по своей эмоциональности, поэтичности и красоте схожи с кьеркегоровскими, например: «...Время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. В ней сосредоточивается вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств. Я вновь ощущаю себя человеком в полном

смысле слова, ибо испытываю огромную страсть»³⁷. Маркс сознательно отказывается от самостоятельной тематики экзистенциализма, подчинив все социальным вопросам преобразования, другими словами, интересы человека он подчинил интересам человечества. Раскрытие человеческого духа он полностью доверил писателям и поэтам: О. де Бальзаку, Ч. Диккенсу, В. Гюго, Г. Гете, не забывая восхищаться античными героями и философами, деятелями Возрождения.

За критикой гегелевской философии у Кьеркегора стоит требование низвести философию с небес на землю (поставить с головы на ноги — у Маркса). Чтобы она не витала в мире абстракций, а занималась бы теми проблемами, которые ставят жизнь и которые волнуют каждого человека. Такое требование к философии мы видим и у Маркса. У Кьеркегора и Маркса духовной сущностью человека, составляющей его экзистенцию, являются сознание, воля и труд, которые неразрывно связаны между собою в становлении личности, в борьбе за свободу. Все перечисленное и составляет человека в гуманистическом смысле. Кьеркегор, высоко оценивая роль сознания, прекрасно понимает, что оно несамодостаточно для человека, «что человек это синтез бесконечности и конечности, вечности и бренности, свободы и необходимости»³⁸.

Кьеркегоровская стратификация, выраженная тремя видами мировоззрения (эстетическое, этическое, религиозное), не является альтернативой ни марксистскому классовому делению, ни сорокинскому (Питирима Сорокина) делению

³⁷ *Маркс, К.* Карл Маркс — Женни Маркс, 21 ноября 1856 года: Полное собр. соч. Т. 29. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 435.

³⁸ *Долгов, К. М.* От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. С. 39.

на богатых, зажиточных, бедных. Она накладывается на социальное деление, вернее, внутренне проявляется в обществе через духовное состояние человека, но есть один момент, который корректирует сословно-классовое различие. Кьеркегор подвергает резкой критике мелкобуржуазность, банальную повседневность, где так не хватает существенных возможностей.

Мелкобуржуазность — это бездуховность, детерминизм и фатализм. Это духовное отчаяние. Кем бы ни был мелкий буржуа — пивоваром, лавочником или министром, — он лишен какой бы то ни было фантазии и не выходит за пределы банальной повседневности, банального языка, банального мышления и банального поведения. Его триумф в бездуховности. Те, о ком писал С. Кьеркегор, те, кого К. Маркс называл мелкобуржуазией, теперь составляют средний класс Европы. Но этот класс никак не может, по замечанию Кьеркегора, жить ни в этическом, ни в религиозном мировоззрении. История современной Европы показала правоту датского мыслителя.

Характеристика капитализма К. Марксом актуальна и в наше время. Человек труда, напротив, обладает огромным потенциалом для совершенства. Маркс, как известно, возлагал все надежды по совершенству общества на пролетариат, человека труда, чьи интересы совпадают с интересами всего общества. Он полагал также, что и часть буржуазии, не лишенная здравого смысла и совести, примкнет к рабочему движению. Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, которому принадлежит будущее. Вот почему «как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, а именно — часть буржуа-идеологов, которая возвысилась до теоретического понимания всего хода

исторического развития»³⁹. (Сталинская модель построения социализма исключила сознание и волю как определяющий фактор человеческого выбора, только классовая принадлежность определяла место человека в борьбе идей.)

Кьеркегор, как и Маркс, не замыкает человека в социальную касту. Сознание и воля через момент отчаяния дают возможность и лавочнику, и министру сделать такой внутренний выбор, который естественно приведет их к изменению статуса. «Душевно-телесный синтез в каждом человеке задуман с духовной перспективой», — заключает Кьеркегор. Такие случаи не редки и хорошо отражены всемирной литературой. Но массовый характер духовного обновления общества в истории очень редок и непродолжителен. Первые христиане стремились к духовному совершенству, как и первые реформаторы, и революционеры, и ради обновления общества общественные (партийные) интересы ставили выше личных. Но буквально через небольшой промежуток времени, когда общество, перестроившись, стратифицировалось и обрело стабильность, интересы (экономические, культурные) человека и его духовное совершенство оказывались на разных полюсах выбора. Религия становится традицией (прав датский мыслитель, утверждающий, что истинная религия не передается по наследству, а выбирается индивидуально), идейные убеждения привязаны к карьере.

Католический философ Ф. Коплстон, говоря о странном понимании христианства Кьеркегором, делает довольно справедливые замечания о внимательных читателях, которые могут сказать: «Да, я понимаю, о чем идет речь. Кьеркегор совершенно прав. Я и в самом деле не хочу им быть. Прыжки, страстное объятие объективных недостовернос-

▶ ³⁹ *Маркс, К.* Манифест Коммунистической партии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1989. С. 36.

тей — это не для меня»⁴⁰. Фраза Кьеркегора о том, что человек, отказавшись от Бога, берет всю ответственность за все происходящее на себя, является скорее гуманистическим призывом, чем предупреждением. Кьеркегор с некоторой завистью говорит о том, что античность не знала греха, появившегося только с христианством. Сократ верил в безграничные возможности разума в совершенствовании человека. Но чем больше Кьеркегор критиковал Сократа, тем больше, по меткому замечанию Л. Шестова, он попадал под магическое воздействие его философии с целостным пониманием человека. Но христианство с древом познания сделало разум амбивалентным, а человека слабым. Только под руководством веры человек имеет шанс на спасение (преодоление раздвоенности), поэтому Кьеркегор и говорит о том, что Бог — это смысл. Отсюда вытекает, что человек в христианстве, в отличие от античности, где человек обладал автаркией, потерял часть своей сущности: он отказался от своего разума. Ему постоянно нужна опора. Без этой опоры человек всегда двойствен (у Ф. М. Достоевского многоуровневый, но идеальный человек — взрослый ребенок, князь Мышкин, который живет естественно с единой духовной сущностью). Он не может выдержать ношу всемирного человеколюбия, отсюда тоска и отчаяние, которые преодолеваются прыжком в веру. Человек оказывается слаб для этической жизни и принимает религиозную. Кьеркегор, отказавшись от любви, выбрал наиболее легкий путь в своей жизни, он испугался ответственности за судьбы людей и нашел оправдание в религии (в своих дневниках свой выбор автор показал как тяжелейшую экзистенциальную муку, но она бы с точки зрения Кьеркегора, умножилась при выборе женитьбы). Позиция датского мыслителя и с позиции христианства не безупречна. Так, он приводит примеры из

▶ ⁴⁰ Коллстон, Ф. От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004. С. 395.

Библии об Аврааме, который совершил жертвенный поступок из-за любви к Богу, но Кьеркегор не видит, что присутствие на одном поле бытия человека и Бога не дает никаких альтернатив для выбора. Прометей выступил против богов, но они не были человеколюбивыми, бунт против них законен и естественен. Библейский Бог — отец человеку, и выступить против его решения равносильно тому, чтобы выступить против человечества или признать, что Бог — зло. Ни эстетический, ни тем более этический человек не живут во зле и не выбирают зло. В Новом завете есть та ситуация, которая могла бы стать опорой в схеме Кьеркегора: когда дьявол соблазнял Иисуса в подтверждение своего божественного происхождения прыгнуть с Иерусалимского собора, чтобы люди увидели чудесное спасение, и Иисус отказался, утверждая, что вера должна быть искренней. Тем не менее и в Новом завете многие поступки совершаются через принуждение или откровение (которое является завуалированной формой принуждения), как, например, случай с Савлом: именно его Иисус преобразил в Павла и из гонителей христиан сделал его хранителем.

Ф. Коплстон прав, когда говорит о том, что кьеркегоровское понимание протестантизма (в котором культивируется одиночество и эгоизм, бездуховность, равнодушие со стороны лютеранских священников) могло привести и приводило людей либо к католицизму, либо к атеизму, который воплотился в экзистенциальной философии, представленной именами Камю и Сартра. О своеобразном и противоречивом понимании христианства Кьеркегора говорит и Л. Шестов, отдававший предпочтение Сократу перед Лютером. Кьеркегор стал третьим философом, после Сократа и Спинозы, указывает Шестов, которые попадают под требование датского мыслителя — «жить такими категориями, которыми мыслишь». Так же как Маркс и Энгельс не отделяли теоретические разработки от практической деятельности.

Необходимым условием существования человека как личности должна быть возможность выбора. Если идеал всех

христианских конфессий — достижение полнокровного религиозного общества (в истории эта миссионерская задача оборачивалась религиозными войнами и нетерпимостью в обществе), то в концепции Кьеркегора ее составляющей частью является ситуация выбора. В обществе всегда должна присутствовать альтернатива выбора. Поэтому общество должно состоять как из эстетических, так и этических и религиозных людей, но они образуют не застывшие платоновские касты с непреодолимыми границами, а пластичные сообщества, где каждый имеет право и возможность совершенствования.

Еще никто до Кьеркегора не ставил с такой остротой и откровенностью проблему выбора человеком самого себя. В этом выборе, в этом «или—или» он видел и исходную отправную точку человеческой жизни, и одновременно отправную точку философии, как отправной точкой в литературе стал гамлетовский вопрос «быть или не быть?». Выбор или—или, по Кьеркегору, высоко поднимает душу человека, сообщает ей тихое внутреннее довольство, сознание собственного достоинства, которое также никогда не покинет ее всецело. Есть люди, считающие для себя величайшим счастьем встречу лицом к лицу с какой-нибудь исторической личностью и навсегда сохраняющие впечатление от этой встречи. Историческая личность остается жить в душе как высокий идеал, облагораживающий душу. Как, однако, ни знаменательна минута подобной встречи, она ничто в сравнении с минутой истинного выбора. В эти минуты кругом воцаряется тишина, подобная величавому безмолвию звездной ночи, душа остается наедине с собой, уединяется от всего мира и созерцает в отверстых небесах — небесах — не великий человеческой образ, но нечто высшее, недоступное обыкновенному взору смертного, созерцает самое Вечную силу, животворящую все и вся, личность же в эти минуты выбирает, или определяет себя. Тишина, безмолвие, неподвижность, раздумье, одиночество, образы природы с вплетенным в нее человеком или городским пейза-

жем, ставшим естественной средой, — все это станет атрибутами экзистенциальной литературы, драматургии, киноискусства. Независимо от знакомства или незнакомства творческой интеллигенции с трудами Кьеркегора, которые стали доступными для читателей лишь в конце девятнадцатого века, к проблеме человека датского мыслителя привела сама жизнь. Эмиль Дюркгейм реалистично показал положение человека в эпоху возникновения монополистического капитализма. Личность потеряла всякое ценностное значение для техногенной цивилизации с изощренной формой эксплуатации ⁴¹.

В Новое время, с XIX века претворяются в жизнь сразу несколько проектов человека: джентельменски-консервативный в Великобритании, просвещенно-либеральный во франкоязычных странах, прусско-юнкерский в Германии и общеевропейский романтически-литературный, берущий свое начало с времен идеализации рыцарства М. Сервантесом в Испании, «Бури и натиска» в Германии, подписанный Гете и Байроном, философски обоснованный С. Кьеркегором.

Марксистская интерпретация субъекта своеобразна, но логична в структуре теории экономических отношений. Законы развития истории открыты и в работе «К критике политической экономии» кратко изложены. Производительные силы — вот подлинный субъект истории. Но К. Маркс на этом не остановился, он дал надежду и попытался теоретически доказать, что, возможно, человечеству в лице пролетариата удастся взять эти стихийные силы под свой контроль и стать подлинным субъектом истории, соединив частные интересы со всеобщими. Ф. Энгельс пошел дальше, утверждая, что только тогда, когда рабочие возьмут власть в свои руки и будут строить новое коммунистическое общество, начнется подлинная история человечества, которая выступит как все-

▶ ⁴¹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 576.

общий субъект истории во взаимоотношении с объектом — природой.

Таким образом, объективный субъект истории (производительные силы) прошлого и настоящего уступит свое место в будущем субъективному. Человек сам будет творить свою историю, а человечество управлять природой и временем. Субъект истории диалектически связан с личностью. Личность, создающая самое себя в ходе революционной борьбы и становящаяся массовым явлением в новом бесклассовом обществе (в классовой эпохе возможны лишь отдельные личности), заменит индивида, порожденного стихийными экономическими силами, и синтезируется в субъекта истории. До этого произойдет процесс превращения класса «в себе» в класс «для себя», завершившийся выходом на авансцену истории пролетариата как субъекта истории. Субъектам истории, классам, присущи личностные характерные черты — «самосознание, иллюзии, установки, эмоции»⁴². К. Маркс и Ф. Энгельс, синтезировав личность и субъект истории, дали надежду человечеству изменить свою судьбу.

2.7

Личность и субъект в русской истории

Вопрос о субъекте истории русская философия почти не рассматривала, традиционно полагаясь на религиозную доктрину, по которой следовало, что есть только один субъект — Бог. Но в социальной плоскости субъект как выражение общей воли, направляющей усилия на покорение

 ⁴² Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 195.

2.7. Личность и субъект в русской истории

природы — Сибири, Дальнего Востока или освоение новых территорий, вошедших в состав Российской империи, борьбу за выход к морю и отражение агрессии, олицетворялся с князем, царем или патриархом до XVIII века и императором, начиная с Петра Великого. В. О. Ключевский отмечает: «Человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят человеческое общежитие»⁴³. Но довольно часто воля народа выходила из общего подчинения власти, субъекта, и на мгновение, которое, порой, длилось годами, сама становилась субъектом огромного пространства, пока логика истории не расставляла все по своим местам. Личность в Россию пришла с эпохой Просвещения и носила романтически-либеральный или революционно-демократический оттенок, делавший вызов всему традиционному укладу крепостнической России. Кризис обоих проектов показал И. С. Тургенев, введя в культурно-философский нарратив термин «нигилизм». Нигилизм Базарова есть пример усеченной личности, пытающейся стать субъектом истории, имеющей планы на будущее, но отказывающейся от своего прошлого. Такая личность, ставшая субъектом истории советской действительности, и такие политики, которые допускают возможность стать личностью без опоры на прошлое, хотя бы в виде знаний о нем, в 30-е годы XX века принесут много горя своему народу.

Н. Я. Данилевский, Н. О. Лосский и другие религиозные философы, пытаясь спасти человека от разлагающего воздействия буржуазной культуры декаданса, обратились к генезису русской истории, чтобы в ней найти те моральные черты русского человека, лежащие в основе личности, которые с конца XIX века стали утрачиваться. Отмечая всю противоречивость характера русского человека, они, тем не

▶ ⁴³ Русская историософия: Антология. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 256.

мене, увидели в нем мессианское предназначение — субъекта всемирной истории. В. Соловьев, следуя по стопам русских космистов, возвысил личность русского человека до вселенского масштаба, сделав его человекобогом: «понятие духовного человека предполагает *одну богочеловеческую личность, совмещающую в себе два естества и обладающую двумя волями*»⁴⁴. Забегая вперед, отметим, что в советский проект человека вошли и некоторые идеи В. Соловьева, разумеется, без упоминания авторства. Коренным отличием проекта личности В. Соловьева от советского проекта было то, что такие человеческие качества, как стыд, жалость, благоговение, являются основополагающими экзистенциальными чертами личности в ее стремлении к «реализации и индивидуализации всеединой идеи и одухотворению материи»⁴⁵. Советский проект был немного скромнее. Возвращаясь к сказанному, отметим, что и в русской религиозной философии не было единомыслия. Е. Н. Трубецкой предупреждал об опасности увлечения национальным мессианством, идущим от Хомякова и подхваченным Соловьевым, так как оно всегда в истории приводит к разочарованию и ответной реакции, и справедливо отметил: «Русское — не тождественно с христианским, а представляет собою чрезвычайно ценную национальную и индивидуальную особенность *среди христианства*, которое несомненно имеет универсальное, *вселенское* значение»⁴⁶.

В начале XX века, в период революций, остро встал вопрос о роли ответственности человека в истории, действия которого привели к разрушению Российской империи. Спор

⁴⁴ Русская историософия: Антология. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 302.

⁴⁵ *Гулыга, А. В.* Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. С. 157.

⁴⁶ *Трубецкой, Е. Н.* Старый и новый социальный мессианизм // Русская историософия: Антология. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 347.

2.7. Личность и субъект в русской истории

развернулся во всех философских и литературных направлениях, за исключением большевистских, имеющих свое мнение на происходящее событие. С. Н. Булгаков разводит в разные стороны интеллигенцию и народ. Логика проста: интеллигенция, взяв на себя роль субъекта истории, оторвалась от народа и под влиянием западной культуры становится антиподом народа: «наша интеллигенция, поголовно почти стремящаяся к коллективизму, к возможной соборности человеческого существования, по своему укладу представляет собою нечто антисоборное, антиколлективистское, ибо несет в себе разъединяющее начало героического самоутверждения»⁴⁷. Таким образом, русский философ вывел своеобразную диалектическую связь между субъектом и личностью: субъект без черт личности «творит историю по своему плану, он как бы начинает из себя историю, рассматривая существующее как материал или пассивный объект для воздействия»⁴⁸. Личность не творец истории, она через позицию «я верю» открывает историю в себе. Поэтому только личность, и личность религиозная, может быть субъектом истории, но историей уже сотворенной, и творцом которой является София.

М. О. Гершензон, не без влияния А. Шопенгауэра, субъектом истории считает не личность, а только ее одну черту — волю: «...живет и действует только центральная воля человека»⁴⁹. И эта воля негативна, она разрушительна, первая, кто пострадал от ее воздействия, — интеллигенция. Только опора на общественное сознание, так как «общее сознание человечества не заблуждается, личное же сознание в своих частных исканиях непременно заблуждается каждый раз, когда оно своевольно отвернется от лично-

⁴⁷ Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 47.

⁴⁸ Там же. С. 60.

⁴⁹ Гершензон, М. О. Творческое самосознание. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 62.

сти»⁵⁰, позволит человеку определить ложные и истинные цели. В целом, коллективистский дух и общественное сознание, безусловно, религиозное, являются истинным субъектом истории, личность лишь тот, кто осознает себя частичкой такого сознания и действует, что напоминает гегелевскую схему, в амплитуде общественного. Таким образом, Гершензон старается еще удержать под контролем человеческого разума и божественного духа всемирную историю, считая выпавшей из ее процесса Россию, но не до конца потерянной. Его поддерживает и В. В. Зеньковский, выдвигая тезис, что «современная ему европейская культура и донныне остается христианской по своему типу и основным задачам»⁵¹.

Русская мысль начала XX века попыталась сохранить религиозную картину мира, которая рассматривала только одного субъекта истории — Церковь, и логически обосновать такую структуру мировоззрения, в которой все отклонения от духовной жизни ведут к разложению личности. Лишь Н. Бердяев попытался возвысить творчество и творческую личность над Творцом, которому, по мнению философа, неподвластна свобода. Но этот тезис оказался несостоятельным в глазах русских религиозных философов и богословов. История развеяла оптимизм всей русской философии. Современная западная культура далеко уже не христианская, и не все русское общество вернулось в лоно Церкви. Для русской рефлексии начала XX века проблемы субъекта истории характерно то, что крестьянство уже не рассматривается как субъект истории, что было за правило у славянофилов и анархистов-бакунистов, исключение составляют лишь

⁵⁰ Гершензон, М. О. Творческое самосознание. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 76.

⁵¹ Коцюба В. И. Духовно-академическая философия в освещении протоиерея В. В. Зеньковского. Ч. 1. Определение философии и вопрос о соотношении религии и свободы // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 88—98.

остатки народничества, выраженные в идеологии партии эсеров и имеющие еще много сторонников в лице самих крестьян, но уже не интеллигенции. Романтизация крестьянства и народа в целом была свойственна и русской литературе, особенно в ее демократическом крыле: вспомним лирику Н. А. Некрасова с его посылом к народу — «ты проснешься ль, исполненный сил» — и признанием его исторических заслуг: «Все, что мог, ты уже совершил». Отмена крепостного права изменила крестьянский мир, масса обездоленных и озлобленных людей оказалась в городах под самым носом интеллигенции. И это произошло не под воздействием марксистской пропаганды, а сама история расставила все по своим местам. Теперь уже не требовалось хождение в народ, чтобы разбудить его от спячки, он сам, как шатун-медведь, шатаясь по всей стране в шинелях, рабочих робах, крестьянских зипунах, угрожал устоям общества и государства, взамен не предлагая ничего. Лишь благодаря огромному волевому усилию, Л. Н. Толстому удалось сохранить представление о духовности крестьянства и его возможности стать столпом общества у той части интеллигенции, которая по каким-либо причинам не вступала с ним, народом, в непосредственный контакт. Поэтому движение, названное «толстовством», не получило широкого распространения. М. Горький, А. П. Чехов, И. А. Бунин, В. В. Розанов, М. А. Булгаков дают нелицеприятную оценку крестьянству и народу в целом, но признают, что народная масса может стать и стала стихийным субъектом истории в годы революции, не обладая чертами личности. Лишь во второй половине XX века русские советские писатели, такие как Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, Б. Можжев, В. Шукшин, обратили внимание на крестьянство как на источник русской духовности, трудолюбия, нравственности, на все те элементы и фундаментальные ценности, что составляют сущность личности. Но это была уже другая историческая эпоха, когда только что возникшая технологическая цивилизация, творцом которой стал рабочий класс и ученое сообщество, интеллиген-

ция (на западе буржуазия), стала угрожать, сначала незаметно для большинства, разчеловечением общества, разрывом человека и бытия, потерей своих корней, а значит, своей сущности. Подлинный трагизм советских «деревенщиков» заключался в том, что крестьянство себя изживало и не могло стать субъектом истории, хотя бы только для того, чтобы спасти себя.

Л. П. Карсавин, изучая вопрос о роли личности в истории, верно отмечает, что споры об индивидуальности как субъекте истории или коллективности заводят в логический тупик, и предлагает свой вариант, который устраивает, в общем виде, различные, порой прямо противоположные школы. Он предлагает рассматривать субъект истории как «стяженную в личном его моменте всеединую индивидуальность, то есть так же, как и всякую коллективную личность»⁵². Эта мысль не совсем новаторская: в эпоху Возрождения Н. Кузанский, Д. Бруно утверждали о взаимопроникновении человечества в человека и присутствии Бога везде и во всем.

С марксистской позиции выступил Г. В. Плеханов, не отделившись, правда, от мистицизма, — история «делается общественным человеком, который есть ее единственный “фактор”»⁵³. Он прав в том, что, предприняв попытку раскрытия механизма взаимодействия личности и истории, указал на психологический фактор, ранее игнорируемый философской мыслью: «Влиять на социальную психику — значит, влиять на исторические события»⁵⁴. В дальнейшем этим направлением займется А. Грамши, включив психологию в общий культурологический фактор, позволяющий активно воздействовать на массы. Но остается неразрешен-

⁵² Карсавин, Л. П. *Философия истории*. М.: АСТ, 2007. С. 468.

⁵³ *Русская историософия*: Антология. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 234.

⁵⁴ Там же. С. 235.

мым вопрос о присутствии зла в истории, особенно в XX веке. Л. Шестову ничего не остается, как бежать от поиска истины: «Все знают, что история куда важнее, чем истина... истина есть то, что проходит мимо истории и чего история не замечает»⁵⁵, отказаться от общечеловеческого: «Но люди вовсе не одинаково устроены, и совесть не всегда и не для всех существует»⁵⁶, предложив человеку отбросить все социально-политическое, вернуться в бытие и в историю как личностное бытие-переживание.

Отметим следующее: русская философия придавала личности такие черты, как духовность, созерцательность, смирение, идущее от православия, и можно согласиться с Н. Бердяевым в том, что в глубине русского народа свобода духа больше, чем у народов Запада. Русская литература показала разнообразные переплетения этих и других черт в одном человеке, диалектику борьбы добра со злом и те глубины человеческих душ, которые не имеют однозначных оценок. Человек реальный и человек идеальный в русской философии и русской литературе не обозначает человека положительного и человека отрицательного, человека, стремящегося к духовному совершенству, и человека падающего.

Как раз, напротив, в человеке заложено всего достаточно, и негативные черты личности переплетены с положительными. Главный герой русской литературы или человек незавершенный, сомневающийся, мечущийся, или человек, который стал таковым под влиянием российской действительности. В раскрытии основных черт личности мы увидим ответ на вопрос о смысле жизни. Русская личность открыта историческому процессу и сама раскрывается

⁵⁵ Шестов, Л. Афины и Иерусалим. Соч. в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1993. С. 130.

⁵⁶ Шестов, Л. Власть ключей. Соч. в 2 т. Т.1 М.: Наука, 1993. С. 130.

в истории. Субъектом истории, или активным исполнителем божественного замысла, по мнению большинства русских мыслителей, может быть только личность.

2.8

Личность и субъект в новой и новейшей истории

Со второй половины XIX века на арену исторической действительности выходят огромные массы людей: монополии и их производственные коллективы, профсоюзы, общественные движения, политические партии, что и отметил Э. Дюркгейм в теории социальных факторов. На небольшом отрезке исторического пути организованные движения были реальными субъектами истории, влияя на социально-политическую жизнь людей, например, чартизм. Но впоследствии их роль стала падать, организованный олигархический капитализм взял вверх в этом противостоянии, единственным противником оказались марксистские и революционные партии.

В XX веке политические партии, претендуя на роль субъектов исторического процесса, будут основываться на тех проектах личности, на которые ориентирована их деятельность, но логика истории показывает, что тем сильнее субъект истории, в лице партии и государства, чем слабее личность (о чем говорили Ш. Ян, Т. Гоббс). В течение XX века партии и их харизматические лидеры, подчинив с помощью идеологии и силы общество, взяли на себя функции субъекта истории. К. Шмидт раскрыл основные положения полноправного субъекта истории, метафизически схожие с чертами сверхчеловека Ф. Ницше, в числе которых исключительное право нарушать законы, брать ответственность за введение чрезвычайного положения и другие. С таким взглядом

согласен и С. Жижек, приводя положительный пример тоталитарного правителя-субъекта Ленина. Тотальность государства и партий заведет человека в кризис потери идентичности, а тоталитарные государства, лидеры которых действовали по формуле Ф. Франко «я отвечаю перед Богом и историей», попадут под суд истории.

Экзистенциализм стал реакцией на вызовы истории, с которыми не справился человек XX века, — революции, фашизм, войны, вина за которые лежит на тоталитарных партиях и государствах. Экзистенциалисты попытались вытащить человека из исторического процесса, не сулившего ничего хорошего человечеству и поставившего под сомнение существование самой личности. Тезисы А. Камю об абсурдности целесообразности существования, Ж.-П. Сартра о стремлении к абсолютной свободе являются основополагающими для большинства экзистенциалистов-атеистов. В религиозном экзистенциализме человек становится человеком осознанного долга в поиске взаимоотношений с Богом. Попытка сделать человека свободным, автономным от исторического процесса оказалась неудачной. А. Камю своим творчеством признал провальным экзистенциальный проект человека. В раннем его произведении «Посторонний» главный герой показан равнодушным человеком, разорвавшим связь с матерью, родом, историей, но внутренне свободным от внешних условий. В последнем произведении «Первый человек» герой нуждается в истории — через поиск биографии своего отца, истории детства, родины он создает самого себя, становится личностью.

Попытка создания проекта человека М. Хайдеггера оказалась более удачной. Он вырвал из исторического процесса не просто человека, а человека с его вот-бытием. Человек получил подлинную автономию, но не свободу, так как теперь он должен быть «пастухом бытия», заботиться о нем, и особенность такой заботы связана с рефлексией бытия и сущности. М. Хайдеггер пытается вернуть человека в то состояние, в котором жили досократики, присутствовать

в бытие, а не имитировать это присутствие озабоченностью. Передав забвению бытие, со времен Аристотеля, по мнению М. Хайдеггера, человек и вся последующая философия оказались на ложном пути. Но сам он, отказавшись от выводов философии Нового времени, от ее диалектической связи и метода, принципа историзма, оказался не в лучшем положении во времена нацистской Германии. Как верно отметил Слотердайк, человек вот-бытия не может увидеть целостность всего Бытия, отсюда и такой опус: «Ну а какое дело Хайдеггеру до приличного общества?.. бытие — в центре, а явленное бытие, вот-бытие в качестве пастыря, хранителя, сторожа бытия — отодвинуто на край»⁵⁷. История наказывает за такое неведение.

М. Хайдеггер, отстаивая свой экзистенциальный проект человека вот-бытия, отрицательно относился к субъекту, полагая, и во многом справедливо, что, начиная с декартовского субъекта, идет процесс деградации человека, порчи общества, нигилизма и других катастрофических явлений.

2.9

Постмодернизм: расчеловечение

Во второй половине XX века начинается теоретический процесс разборки субъекта и обезличивание личности. По М. Фуко, «самость» человека «не имеет онтологического статуса»⁵⁸. С другой стороны, при отказе от философской

⁵⁷ Слотердайк, Петер. Солнце и смерть: Диалогические исследования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 157—158.

⁵⁸ Зарецкий, Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 178.

традиции, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, человеку приписываются новые сущности: язык, игра, бессознательное желание, анатомические особенности. Человек лишается активности, становясь жертвой властных отношений, случайных обстоятельств, биотехнологических экспериментов, генных мутаций. Отсюда шизофреники и безумцы получили философское обоснование на право стать субъектом истории, совершить последнюю попытку спасти человечество.

Особую роль в постмодернизме играет игра, она замещает подлинную реальность, сводит историю к бесконечным шарадам и лабиринтам. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить остроумные и интеллектуальные романы У. Эко. Игра уже как средство служит оружием не субъекта, а объекта, и это одна из главных особенностей постмодерна. Когда, по мысли Ж. Бодрийяра, «субъект признает дьявольскую гениальность объекта, превосходство его блестящего цинизма и переходит на сторону этого объекта, перебирая его хитрости и правила игры»⁵⁹. Человек и вещь становятся неразделимыми, так как мы «живем в эпоху вещей — находясь в их сплошном окружении и подчиняясь их ритму»⁶⁰. Заявляя о своем новаторстве и оригинальности, постмодерн вернулся в Средневековье, точнее, в тот его период, когда под натиском Ренессанса христианские ценности стали смешиваться с языческим мистицизмом, алхимией, астрологией. Многие авторы постмодернистских проектов, будь они философскими или литературными, сами не играют по тем правилам, которые они сочинили для других. Так, У. Эко, М. Фуко, Ж. Делез, помимо постмодернистских опусов, проводили аналитическую работу в публицистике, читали лекции классического типа, решали житейские

▶ ⁵⁹ Грицанов, А. А. Жан Бодрийяр. Мн.: Книжный Дом, 2008. С. 14.

⁶⁰ Там же. С. 47.

проблемы житейским умом. Все это говорит о двуличности эпохи, которая, прогрессируя долгие годы, стала заворачиваться в окружность.

В социальной плоскости проект «нового человека» репрезентируется в культуре, и не столько в массовой, сколько в элитарной, и выражается в политической практике через политкорректность, толерантность мультикультурного общества. Человек уже не пытается взять ответственность за свое бытие, за свою судьбу, судьбу своих близких, малую и большую родину. Он переложил эту ответственность на других — социальные и политические институты, органы власти, случай. С другой стороны, массовая потребительская культура создана «в нашу эпоху, эпоху “упадка Эдипа”», когда парадигматической формой субъективности оказывается не субъект, интегрированный в отцовский Закон путем символической кастрации, а «полиморфно-извращенный субъект, следующий приказу со стороны Сверх-Я “Наслаждайся!”»⁶¹. В такой парадигме мышления человек никогда не будет ни личностью, ни субъектом.

Но выделять постмодернизм, постструктурализм как единственное направление культурно-философской мысли в эпоху глобализации и глобальных проблем не следует. Претендуя на оригинальность, постмодернизм оказался сначала в мейнстриме культуры, а потом и на ее обочине. Причиной тому неспособность разрешить человеком метафизическую проблему поиска не столько идентичности, сколько основания в себе, сущности, на которой можно построить свою сознательную деятельность, тоска по «единому». Нигилизм как проявление постмодернизма завел человека в тупик. Отсюда попытки философии, особенно континентальной (англосаксонская и отечественная не очень поддались искушению постмодернизма), синтезиро-

 ⁶¹ Жижек, С. Шекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 332.

вать постмодернизм с экзистенциализмом и феноменологию в некое новое направление — постфеноменологию (Э. Левинас, М. Анри, Ж.-Л. Марион, М. Ришир, Р. Бернет, А. Мальдине, Ж. Бенуа). Историки Э. Доманска, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит, Е. Топольски, Й. Рюзен, в свою очередь, отметили современный период как историю после постмодернизма.

2.10

После постмодернизма — поворот к человеку

В современной философии термин «личность» замещается индивидуальностью или субъектом, подчеркивается его самобытность или, наоборот, отсутствие таковой при полной зависимости от Другого. Истерик — преобладающий психологический тип современности, всегда находится в позиции зависимости, и эта позиция «вечного и конститутивного (само)вопросания: чего хочет от меня Другой? Что я для Другого?»⁶²

История стала ускользать от бытия человека, подчинившегося техногенной цивилизации. Все неразрешенные в свое время проблемы вспыхивают с новой силой. Старая диспозиция метрополия—колония переворачивается: теперь метрополия ответит за все. Мультикультурная политика проваливается: «Для... субъекта, оторванного от своего традиционного образа жизни, — это травматическое потрясение, которое нарушает все его существование; заявление, что он наслаждается гибридностью и отсутствием фиксированной

► ⁶² Жижек, С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 332.

идентичности его повседневной формы жизни, фактом своего мигрантского существования, никогда не тождественного с самим собой»⁶³. Тем не менее, ведутся философские разработки «сборки субъекта», такими философами как В. Декомб, который, ссылаясь на Витгенштейна, показал всю сложность автономизации субъекта — что бы человек ни затевал, чтобы быть полностью свободным, он всегда должен принять правила извне. Мы говорим здесь об истоках суверенности, ибо на самом деле имеем в виду *власть, устанавливающую* самое себя. В соответствии с индивидуалистической точкой зрения эта власть имеет чисто индивидуальную природу: реализуясь коллективно, она выражает сумму индивидуальных решений. В соответствии с другой точкой зрения, социальной философии, которую мы можем вывести из социологии холистической, подобно витгенштейновской, «эта власть может стать индивидуальной лишь после того, как индивидуализируется. А это никогда не может в полной мере произойти»⁶⁴.

Субъектами истории выступают не отдельные личности, не политические системы, а группа промышленно развитых стран, капитал этих стран, которые под прикрытием демократии и прав человека прибирают к рукам рынки сбыта и источники сырья. Но капитал по-прежнему идет по неуправляемой траектории, анархия производства регулярно приводит к кризисам, современная мировая политическая система не способна взять под контроль ни один глобальный процесс: демографию, экологию, миграцию. В мире полыхают локальные межнациональные конфликты, процветает международная преступность, во многих странах

⁶³ Жижек, С. Шкотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 332.

⁶⁴ Декомб, В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 485.

высока социальная напряженность, не устранена угроза ядерной войны, и на этом фоне глобального отчуждения растет социальная база международного экстремизма. Человек рассматривается не как личность, духовное существо, а как товар, как определенная функция или многофункциональная особь, приспособленная к современным условиям. Отсюда явное неразрешенное противоречие: история в эпоху глобализации требует личность, соответствующую духу времени, как в эпоху Возрождения были востребованы титаны, люди с широким кругозором и разносторонними способностями, а в реальности современная культура и образование, идеология и политическая система порождают эгоцентричных индивидов, с клиповым сознанием, в котором история представлена дискретными фрагментами. Отсюда вытекает следующий вывод: если история развивается по своим логическим законам, которые формируют человека и его логику, то и познание истории есть необходимая сущность в стремлении стать личностью, в проекте которой заложен субъект истории. «Историческая дисциплина, должным образом следующая правилам исторической эпистемологии, может служить образцом честности и высокого интеллекта в исследовании человеческого мира»⁶⁵. В ином случае — конец истории.

Таким образом, мы обнаружили взаимосвязь истории, личности, субъекта. Под термином «личность» надо понимать не только единство пяти форм активности (переживание, деятельность, общение, поведение, самоуправление при наличии исторической памяти), но и целостное мировоззрение, отражающее все разнообразие исторической эпохи и привязанное к проекту человека. Личность стремится быть субъектом своей жизни, сделать свою жизнь, стать субъектом положения, события, но далеко не все стремятся быть

► ⁶⁵ Мегилл, А. Историческая эпистемология: Научная монография. М.: Канон+, 2007. С. 463.

субъектами истории. А. Я. Гуревич прав, утверждая, что «личность это человеческий индивид, включенный в конкретные социально-исторические условия; независимо от того, насколько она оригинальна, личность неизбежно приобщена к культуре своего времени, впитывая в себя мировоззрение, картину мира и систему ценностей того общества или социальной группы, к которым она принадлежит...»⁶⁶.

Субъект истории более сложное понятие, включающее и объективные силы экономики, и субъективные стремления, выраженные в «культе личности», «роли личности в истории», «толпе и героях». Как показала история, люди, возмнившие себя субъектами истории, оказывались халифами на час, их прямое воздействие на историю не длилось более времени исторического события.

Как история в форме исторического бытия проникает в человека и почему человек не способен стать субъектом истории, нам и следует рассмотреть.

Исходя из понимания сущности человека, вне ли она, или внутри человека, или полностью отсутствует, зависит та или иная парадигма мышления, различие в миропонимании человека, особенность его характера, менталитета. Либо он становится человеком долга, детерминированным внешней средой, лишаясь свободы, либо полностью свободным человеком, разорвавшим все связи с обществом и историей. В первом варианте мы увидим механизм создания проектов человека, речь о которых пойдет позже. Во втором варианте создаются предпосылки для становления субъекта истории. Возможны другие варианты. Отсюда и различные пути поиска смысла жизни: от трансцендентального — смысл жизни не в посюстороннем мире, а в потустороннем, и до поиска смысла жизни в самой жизни, «здесь и сейчас». Возможен и отказ от всякого поиска в парадигме постмодернистского мышления.

▶ ⁶⁶ Гуревич, А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. С. 41—42.

2.11

Современный человек : выбор между человеком без сущности или становлением личности

Сегодня человека во многом «создает» массовая культура: современный человек слеплен и пропитан ею. Еще в конце 40-х годов XX века М. Хоркхаймер предупреждал об угрозе массовой культуры: «Всеми доступными ей средствами массовая культура пытается усилить социальное давление на индивидуальность, стремясь помешать индивиду как-то сохранить себя перед лицом грандиозной техники современного общества»⁶⁷. В формировании массовой культуры задействован весь способ экономического воспроизводства, достигшего такого технологического уровня, который позволяет скрыть неприглядную сторону эксплуатации труда и сам процесс производства. Взаимоотношения в процессе труда (производственные отношения) и эксплуатация затеваются, но результаты труда: материальные продукты, информационные возможности и игровые затеи — гламурно представлены в обществе как знамение прогресса. Производство ушло на задворки. А офисы и бывшие конторы поднялись на небывалую высоту. Поскольку массовая культура заполнила все жизненное пространство человека, то дифференцированные социальные условия теперь сглаживаются под определенный стандарт поведения. Это не означает единообразия: все пользуются мобильными телефонами, ноутбуками, планшетами, многие имеют автомобили, однако разница в качестве товара для богатых, зажиточных и бедных существенна.

▶ ⁶⁷ Хоркхаймер, Макс. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон, 2011. С. 182.

Современный мир все-таки довольно пестрый: массовый человек не есть единственно возможная ипостась современного человека. Можно выделить категорию людей, глубоко осознающих собственный долг — долг либо перед Богом, либо перед человечеством, либо перед историей. Однако такой долг сегодня не есть общественный пример, он мало востребован в обществе. Долг и свобода стали категориями личного выбора. Материальные и виртуальные ценности, которые человек принимает под влиянием массовой культуры, становятся смыслом его существования. Бесконечная «озабоченность» вещами не позволяет человеку остановиться в потоке времени, подумать о себе, «заботиться о себе». Все лучшее, что было заложено природой в человеке — творческие способности, «эмоциональная открытость» миру, не реализуется, человек замыкается в себе и плывет по течению социума. Время и бытие разошлись в разные стороны.

С другой стороны, полное безразличие к вещам как кажущаяся противоположность вещизму имеет те же последствия: человек не знает и не хочет знать, сколько прошлого и настоящего труда, природных ресурсов вложено в те или иные предметы, поэтому игнорирование вещей превращается в их порчу. Свобода от вещей не свидетельствует о внутренней свободе человека. Жизнь превращается в позерство, игру, в пустоту, заполненную скукой. Но эта скука не является экзистенциальной скукой. Человек, чья духовная сущность лежит вне его личного существования, вне его экзистенции, становится вещью, предметом, объектом игры тех общественных и государственных институтов, которым он полностью доверился или стал их воспитанником. Человек без сопротивления попадает под влияние всепроникающей массовой культуры, порожденной культом денег.

В начале XX века Р. Музиль в романе «Человек без свойств» показал, как бюрократизация и милитаризация Австро-Венгерской империи на стадии ее угасания порождают плеяду людей без свойств. Он сравнил этот процесс с гибелью мухи,

2.11. Современный человек: выбор между человеком без сущности...

зацепившейся волоском за липучку, постепенно обволакивающую свою жертву. Появление человека без свойств происходит потому, что автономия человека и его мир разрушаются под натиском государства, а в нашем случае — массовой культуры. Человек не только теряет себя и предает свое творческое предназначение, но и социальное в человеке становится пустой формой, игрой, которая на самом деле скрывает грубые инстинкты (главный герой Ульрих вступает в кровосмесительную связь со своей сестрой), жажду наживы (Арнгейм — немецкий промышленник, за фасадом культурных прожектов скрывается заинтересованность в нефтепромыслах) и другие пороки. Человек теряет сущность, но приобретает свободу, свободу от нравственности, морали, долга. Немецкий профессор Х. Хофмайстер дает следующую характеристику такому человеку: «Свобода этого человека без свойств состоит в том, что он — возможность человека, который не связан ни прошлым, ни условиями времени, ни настоящим, ни жизненными целями, которые он ставит перед собой»⁶⁸. К такому положению человек пришел через всю историю. По Августину, именно из пустоты (ничто) Бог создал материальный мир, и лишь благодать позволяет человеку наполнить себя духовным содержанием, сущностью. В конце XIX века Ницше констатировал, что Бог умер, поэтому «умерло» христианское духовное содержание в человеке, осталась одна пустота, и сверхчеловек должен взять на себя роль Бога. В мире капитализма движение к ничто, обезличиванию идет давно. Еще в 60-е годы прошлого века Ж. Делез писал: «Личность — это Улисс, или собственно говоря, никто, производная форма, порожденная безличным трансцендентным полем»⁶⁹.

⁶⁸ Хофмайстер, Х. Что значит мыслить философски. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. С. 296.

⁶⁹ Делез, Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 158.

С ницшеанской философией в массовое сознание проникает парадигма постмодерна, в основе которой нигилизм как отрицание всего и вся — не только Бога, но и человека и бытия в целом. Гротескной иллюстрацией данной ситуации является «Чапаев и пустота» В. Пелевина, в котором манифестируются принципы: «Где — Нигде, Когда — Никогда, Кто — Не знаю». Между тем природа не терпит пустоты, люди заполняют себя всеми доступными их кошельку вещами, приносящими чувственное удовольствие и сохраняющими умственную энергию (энергию мозга), о чем постоянно напоминает московский биолог С. Савельев, утверждающий, что мозг современного человека уменьшается.

Проблема тотального одиночества становится доминирующей в обществе: «Ни на кого нельзя положиться, и я также не ощущаю абсолютную связь с другим. Кто не участвует в том, что делают все, остается в одиночестве»⁷⁰. В этих условиях рефлексирующий человек, не прерывающий связь с мировой культурой, отрывает эту культуру от истории, от человечества, возводит ее как бы в свою внутреннюю духовную сущность, в абсолют и, замыкаясь, выдает ее как сугубо индивидуальное творчество. Действуя по правилу: другой — это ад, человек становится свободным от внешних обстоятельств, отказывается от долга перед обществом, страной, историей. Экзистирующий человек, доведенный до предела, — это модель человека в эпоху глобального кризиса. В цивилизационном кризисе такой моделью был стоический человек с его чувством долга, переполняющим душу. Однако долг стоика выходит за рамки общечеловеческого долга, он имеет метафизическую основу, это долг жизни перед смертью — «жить несмотря ни на что», и все это — долг, в основании которого лежит история — история философии, берущая начало у стоиков с Гераклита,

 ⁷⁰ Ясперс, К. Духовная ситуация времени. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 146.

2.11. Современный человек: выбор между человеком без сущности...

долг, сохраняющий связь с общественным долгом. Например, стоик Хрисипп утверждал: «Мир представляет огромное государство с единым устройством и общим законом. В нем повелевает естественный разум, указывая, что следует делать, и запрещая то, чего делать не следует»⁷¹. А Марк Аврелий добросовестно выполнял все свои обязанности императора, в то время как его империя, очевидно, переживала закат. Стоики не только не прервали связь с историей, но сохранили достижения Античности. История должна продолжаться. В наше время такой передачи эстафеты не наблюдается. Массовая культура не передает ничего, так как ее содержание не имеет никакой духовной сущности. Но и массовая культура есть производное глубинных социально-экономических процессов, происходящих в нашем обществе.

Свобода от долга предполагает отсутствие чувства вины, что, по мнению фрейдистов и последующих психоаналитических школ, делает человека и общество здоровым, избавляет от комплексов (чувство долга также есть комплекс, так как порождает чувство вины). Но, де-факто, здоровое общество все дальше отодвигается в будущее. Современное общество проникнуто чувством гедонизма. Между человеком и бытием иллюзорная пелена благополучной Вечности. Культурные и социальные блага, созданные человечеством за всю всемирную историю, рассматриваются как данное, не задумываясь, какой ценой они достались человечеству. Забвение прошлого есть отказ от будущего. Человек без комплексов шагает по планете.

Это не означает, что все так безнадежно. В обществе есть неизменная категория людей, стражей времени, которые не подвластны массовой культуре. У них сформировано целостное мировоззрение и ценностный подход к жизни. Они напрямую связаны с природой и с капиталом духовных

▶ ⁷¹ Степанова, А. С. *Философия Древней Стои*. СПб.: Алетейя: KN, 1995. С. 222.

сокровищ, накопленных человечеством. Кроме этого, в каждом человеке заложен некий архетип человечности, гуманности, который может вырваться из глубин сознания, вывести человека из тьмы бездуховности. И, наконец, в инстинктах бессознательности есть страх, названный К. Ясперсом страхом перед жизнью, то есть жизнью в потоке массы, страх, который может трансформироваться в ужас. Подробнее этот процесс описывал Хайдеггер в «Бытие и времени»: преодоление ужаса вводит человека в новую ситуацию «или—или» (Кьеркегор), в которой человек получает шанс на второе рождение, обретение подлинной духовности и смысла жизни. Сущность такого нового человека как внутри себя, так и вовне — в культуре. И его жизнь никаким образом не замыкается на самом себе. Поэтому точку в мировой истории ставить все-таки рано, однако запятая уже напрашивается.

Глава III

ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕК – ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ С ПОРОЖДЕНИЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ

3.1

Ускользящий вихрь истории

Проблема свободы человека, его разумности и сознательности по отношению к истории несколько не продвинулась со времен Античности. Исторические прогнозы Гегеля, Маркса, Фукуямы оказались несостоятельны. История продолжает свое шествие, невзирая на сознание и волю людей пустить историю в искусственное русло. Исторические проблемы, до конца не разрешенные в свое время, вновь начинают беспокоить общество, проникая в индивидуальное пространство человека, туда же стремятся и новые вызовы истории, все больше сжимая поле человеческой деятельности, свободы. Э. Гидденс, рассматривая историю с точки зрения субъекта истории, его мотивации, объясняет это так: «Для того чтобы понять, что происходит, нам нет смысла обращаться к объясняющим переменным, за исклю-

чением тех, которые отвечают на вопрос: что мотивирует индивидов на участие в упорядоченных во времени и пространстве социальных практик и что из этого следует. Непреднамеренные последствия возникают постоянно, являясь своеобразным “побочным продуктом” традиционного поведения, рефлекторно поддерживаемого субъектами деятельности»⁷². Таким образом, даже в небольшом отрезке пространства, ограниченном по времени, человек не может реализовать свои планы и намерения, без их коррекции в лучшем случае. Кантовское объяснение такой ситуации лежит в онтологических свойствах человека, когда он одновременно стремится к общению и совместной деятельности и, не выдерживая длительного пребывания в коллективе, стремится к обособлению. Но дело не столько в человеке, сколько в истории. Гегель обожествил историю, сделав ее орудием мирового духа. У человека появился шанс или по рождению быть соучастником мирового движения Абсолюта, или, находясь на обочине истории, предугадать его движение. Маркс сблизил историю с человеком: у человека появилась возможность изменить историю, но при условии наличия объективных экономических предпосылок. Позитивизм в условиях новой научной революции выдвигает новые идеи обуздания истории. Но какие бы планы ни строил человек, какие бы прогностические проекты ни закладывало государство в свою политику, абсолютное большинство их не осуществилось. Ни одна советская пятилетка не была полностью выполнена, как первоначально предполагалось, ни один американский президент не сдержал свои предвыборные обещания. Стоит ли надеяться на стратегические планы развития региона, страны и мира. И дело не в сущности власти и ее коварстве, скорее, наоборот, большинство из лидеров искренне верили и верят в реальность воплоще-

72 Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2015. С. 55.

3.1. Ускользящий вихрь истории

ния своих программ, подкрепленных «научными» выкладками экспертных групп. В итоге многое обещанное остается обещанным, начатое — заканчивается крахом и лишь немного после тщательных котировок и, возможно, случайностей, воплощается в жизнь. Постмодернизм возник на обломках крушения всех теологических концепций истории, предлагая человеку жить без истории, но использовать ее культурное наследие в качестве смальты, украшающей человеческое бытие и ставшей поневоле центром мироздания. Вместо разноцветного мультикультурного общества гармонии и порядка, обещанного либерализмом и его философским представителем — позитивизмом, появился продукт постмодернистского общества: вавилонское смешение, анархия и хаос. История — это уже не роющий подземные ходы крот и не стрела, пущенная неведомо кем, это вихрь, закручивающий время и пространство, вихрь, окружающий со всех сторон человеческое бытие. Постмодернизм интуитивно ухватил его движение по его результатам. Но если мы рассматриваем историю через метафору вихря, то это означает еще и то, что нужно провести деконструкцию, чтобы понять источник вихря и ритмы его движения, чтобы подтвердить правоту Х. Ортеги-и-Гассета: «Будет неправильно утверждать, что история непредсказуема, ведь уже столько раз ход ее был предсказан»⁷³. Но для этого необходимо соблюсти одно из двух условий — либо самому оказаться в вихре истории, быть в Событии, либо на расстоянии найти тот фокус наблюдения «чтобы увидеть Клеопатру, но не разглядеть ее носа»⁷⁴.

История это не только прошлое, ускользящее от нас время, это и стремительно надвигающееся на нас будущее. История — это и наше будущее. Прав В. Беньямин, рассмат-

 ⁷³ *Ортега-и-Гассет, Х.* Дегуманизация искусства: Эссе о литературе и искусстве: Сборник. М.: Радуга, 1991. С. 81.

⁷⁴ Там же. С. 81.

ривающий историю как замкнутую цепь времени, объединяющую прошлое, настоящее, будущее. Вихрь истории то ускоряет свое движение, порой воплощаясь в смерч, сметающий все на своем пути, то замедляет свои скрученные потоки, вплоть до полного безветрия, что создает прекрасные условия для человеческой фантазии о незыблемости вещей и мировой гармонии. Но вечность и гармония сметаются вихрем в безвременье и хаос. Субъекты истории остаются без истории. Ни историческая наука, ни социальная философия, ни политология, заявляя о наличии в себе прогностической функции, не раскрывают ее в стратегическом масштабе. Историки проводят многочисленные исследования по поводу неуспешных и «околоуспешных» прогнозов будущего, предсказанных мыслителями. Какова бы ни была их погрешность, писатели-фантасты, утописты и антиутописты, поэты более точно нарисовали картину будущего. Во многом ошибка прогнозирования состоит в том, что философско-историческая рефлексия прямолинейно направлена от настоящего к прошлому, в котором, безусловно, находятся исторические причины будущих конфликтов и такие факторы, как наличие конкретного экономического потенциала, социальной структуры общества и многие другие, необходимые для прогностического анализа. Но линейный анализ развития этих факторов не является достаточным. Кто мог предположить в последней четверти XX века, что в XXI веке проснутся средневековые религиозные распри и те национальные конфликты, что ранее казались преодоленными.

Что же постоянно ускользает от рефлексии философов? И что является источником движения вихря истории?

Для ответа на поставленные вопросы нам надо вернуться в начало XX века, в дискурс аналитической философии, в которой возникла проблема, озвученная Б. Расселом и им не разрешенная: проблема универсальных логических построений, проходивших верификацию, что в итоге позволило бы проводить научные прогнозы. Б. Рассел споткнулся на

3.1. Ускользящий вихрь истории

старой, всплывшей, будучи вновь востребованной, философской проблемой — как определить границу вещей. Эту проблему постарался разрешить Л. Витгенштейн и в процессе длительной проработки вопроса пришел к выводу: «Не существует предмета, являющегося формой предложения, и не существует имени, являющегося именем формы. Соответственно, мы также не можем сказать, что отношение, которое в определенных случаях имеется между предметами, иногда имеет место между формами и предметами. Это идет вразрез с теорией суждения Рассела»⁷⁵. Л. Витгенштейн настаивал, что в силу логики точкой анализа должны быть не вещи как таковые, а события. Онтологический метафизический анализ универсален, поэтому он подходит и к историческому процессу, который является ни чем иным, как движением бытия. Но если мы вместо отдельных исторических факторов перейдем к анализу исторических событий, тут же всплывает прежняя проблема — проблема демаркации. На этот раз не вещей, а событий. Попробуем разобраться в этом вопросе. Для определения границ исторического события надо вернуться на уровень бытийности человека и посмотреть на границы его бытия. С этой задачей успешно справился М. Хайдеггер, введя в философский обиход понятие «das Dasein». Немецкий философ поясняет: «Здесь бытие — это сущее, сознающее себя в своем бытии и имеющее дело с этим бытием»⁷⁶. Другими словами, каждый человек устанавливает себе границу своей жизни по мере ее осознания, которое происходит не только через рационализацию, саморефлексию, но и через экзистенциальные чувства страха, ужаса, скуки, тревоги. Эти границы можно рассматривать как притязания человека на становление личности,

⁷⁵ *Витгенштейн, Людвиг. Дневники 1914—1916 гг.* М.: Канон, 2009. С. 171.

⁷⁶ *Хайдеггер, Мартин. Лекции о метафизике.* М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 52.

в коннотации которой происходит смещение основополагающих ее черт от образующего центра — заботы. Такая личность и есть субъект истории в тех границах, до которых распространяется забота. Здесь же намечается предел заботы-власти субъекта. В этом случае история в целом неподвластна человеку. Бытие поглощает вот-бытие. Марксизм, позитивизм, либерализм в данном контексте более оптимистичны.

Границы исторического события определяются не столько рационально, через позицию причинно-следственных связей, сколько эмоционально — чувственно. Причинно-следственная связь не учитывает сложность исторического процесса, его многовариантность, иррациональность. Напротив, чувства человека, эмоциональность общественного сознания, память создают предпосылки прорыва цепочки логического развития исторического процесса и придания нового импульса развитию истории. Рождается историческое событие, размыкается связь человек—бытие, рушится старая картина мира, нанося урон мировоззрению и всем ценностным установкам. На демаркационной линии исторического события происходят испытания общества и личности, ее разрушение и возникновение нового, закладывается фундамент под субъект истории, пространства и времени будущего исторического события. В таких случаях, когда историкам трудно определить границы между событиями, их объединяют в одно, например Великая революция 1917 года, но истина события кроется в самом Событии и те, кто рисковал жизнью за ценности Октября, за Февральскую — не отдал бы и палец. В историческом событии всегда в наличии присутствие иного события, иногда явно, но чаще латентно развивающегося и не поддающегося рациональной рефлексии, но чувственно улавливаемого настроением человека — тревогой, тоской, скукой, страхом. М. Хайдеггер абсолютизировал их как сущностные свойства вот-бытия. Немецкий философ определяет ужас и скуку как не сводимые ни к каким объектам качества, определяющие онтоло-

3.1. Ускользящий вихрь истории

гическую связь человека с бытием через ничто. Психоанализ в корне не согласен с такой трактовкой и «мистификации» страха и скуки, в свою очередь, определяя их как бессознательные позывы, имеющие конкретные, а не метафизические причины. Но если психоанализ и экзистенциализм ангажируют страхом и скукой, возведя беспокойство и тревогу во второстепенный уровень субъективности, то мы предлагаем обратить внимание на беспокойство и тревогу, которые постоянно, но в разной степени присутствуют в обществе, и их движение является важным индикатором жизни исторического События. Необходимо только уловить исходящую тревогу, чтобы понять вектор развития и категорию опасности. Эхолотами тревоги являются не столько психиатрические клиники и неврологические диспансеры, сколько культурные и образовательные институты, но подлинными индикаторами являются люди. Психоанализ и экзистенциализм проводят демаркационную линию, отделяющую свой мир, вот-бытие, от другого, будь то другое — другим человеком или отчужденным окружающим миром, руководствуясь чувствами либо сознанием, не выходя за рамки субъективности. Но исходящую тревогу необходимо искать в истории, а именно в историческом бытии, принимающем форму события.

3.2

Историческое бытие, историческое событие

Историческое бытие всегда рассматривается в контексте чего-то большего, чем является само по себе. Этот контекст — Бытие (пропишем его с большой буквы, тем самым укажем отличие от исторического бытия), в его многочисленных определениях, идеалистических, материалистичес-

ких, экзистенциальных, и в том числе религиозных, концепциях. Отметим то общее, что объединяет эти концепции в противопоставление с историческим бытием. Бытие всегда рассматривается через абстрактные категории, определяющие из которых: сущность, сущее, человек и их взаимоотношения. Историческое бытие всегда конкретное, и человек в нем понимается только через историю, религию, культуру, идеологию в конкретном времени и пространстве. Бытие же, даже в материалистической концепции, всегда идеально, так как является конструкцией философа, и человек в нем безличен, выступает в роли родового представителя без роду и племени. В философских концепциях Бытие конструируется так, что человеку задается установка на долженствование, то есть философ вкладывает свое идеальное видение человека настоящего с проектом на будущее. В историческом бытии все происходящее реально и философские концепции лишь задевают мощный поток человеческого общежития, в котором происходит верификация идеалистических проектов человека и проектов будущих идеальных обществ. Историческое бытие ограничено жизнью мировой цивилизации и зависит от судеб людей так же, как и люди от исторического бытия. Понятие «Бытие» объединяет философов и мыслителей прошлого и настоящего в их бесконечном споре о вечном, сущем и первопричинах в единый контекст мировой философии. Историческое бытие объединяет все человечество в единую историю, что отмечает еще Г. В. Лейбниц и подчеркивает Ж. Делез: «Каждое индивидуальное понятие выражает тотальность мира, но с определенной точки мира»⁷⁷.

Определенная точка зрения задается исторической эпохой: «Каждому заданному моменту нашего сознания соответствует определенное состояние мира, и последователь-

 ⁷⁷ Делез, Жиль. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 31.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

ность этих состояний составляет историю...»⁷⁸. Бытие безгранично и безучастно к судьбе человека.

Таким образом, историческое бытие, в отличие от «вечного» Бытия, начинает свое шествие с самосознания человека, своего бытия и своей истории, близко, но с разных сторон. К этому пониманию подошли Г. Гегель в «Диалектике духа» и К. Ясперс в теории осевого времени.

Историческое бытие проникает в человека, формирует не только его мировоззренческие ценности и ориентиры, но и восприятие, и ощущения. Но обычному человеку из глубин своего «Я» этот процесс не заметен, он рассматривает себя неразделимым с бытием, что дало повод экзистенциалистам убрать демаркационную линию между человеком и человечеством, человеком и природой, человеком и миром другого человека. Пространственное поле вот-бытия определяется всепроникающими, но ограниченными чувствами человека, принимающими форму тревоги, страха, трепета и т. д. Человек с детства присваивает те культурные ценности и морально-этические нравы, которые функционируют в семье, малых группах, социальных группах, обществе в целом. Но в реальности этот процесс идет намного сложнее. Человек в этом процессе больше пассивен, чем активен, и идет процесс не присвоения, а вторжения конкретных ценностей через религию, идеологию, нравы и обычаи, наконец, ДНК и гены, составляющих соответствующее историческое бытие, отсюда и знаменитое марксово определение человека как совокупность общественных отношений. Но каждый человек пропускает все эти отношения, ценности через свои чувства, эмоции, рассудок, жизненный опыт, поэтому здесь можно с определенностью сказать, что он в какой-то степени активно формирует свой мир. Поэтому человек и историчен и внеисторичен, в том

78 *Реймон, Арон. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ, 2000. С. 221.*

смысле, что его особенности — фобии, неврозы, фетиши и тотемы формируют своеобразный мифологический мирок независимо от того, в какой мировоззренческой парадигме человек находится. Здесь, безусловно, правы К. Юнг, Д. Франкл, А. Лосев, К. Левис-Стресс, утверждающие о внеисторичности мифологии: «Общество не может уцелеть, если у него нет абсолютной, безусловной связи с ценностями, которые, в свою очередь, обретают безусловный характер благодаря чувственному аспекту, он защищает их от разрушающей работы разума»⁷⁹. Как ни странно это покажется, но человеку разных классов, сословий, цивилизаций порой легче понять друг друга в поле пересечения их психологических и мировоззренческих особенностей, чем через доминирующие культурные ценности. Мифологический мирок в человеке в отличие от приобретенных и навязанных культурных ценностей является наиболее глубинным и интимным в структуре человеческого сознания. Можно согласиться с Д. Франклом в том, что «человек — это организм, обладающий способностью к самоэкстернализации. Человек может существовать как внутри себя, так и во вне. (То, что Гегель называл объективностью Бога или Духа, который может видеть глазами человека, есть проявление самоэкстернализации.) Человек может ощущать себя в вещах, которые он создает, и может, наоборот, отчуждаться от этих вещей и становиться по отношению к ним чужаком. Экстернализация — основа изготовления орудий труда и работы, анимизма, тотемизма, поклонения Богу и идеологий»⁸⁰.

Из сказанного выше вытекает следующее: историческое бытие многослойно, но в нем можно выделить два мощных пласта: культурно-социальный и мифологический. Один пласт

⁷⁹ *Левис-Стресс, Клод, Эрибон Дидье*. Издалека и вблизи. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 134.

⁸⁰ *Франкл, Джордж*. Археология ума. М.: АСТ, 2007. С. 52.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

мобильный, постоянно изменяющийся, диалектический, другой — глубинный, метафизический. Оба они вышли из одного корня — первобытной культуры. Первый постоянно подмывает второй, пытается его расколоть, но в результате получается подрыв самой культуры, но не без ущерба для мифологического пласта. Не следует искать мифологический пласт на бессознательном уровне человека, хотя по логике К. Юнга там он заложен в архетипах, а культурно-социальный — на его сознательном уровне. Здесь все переплетено историей, в которой человек и творец, и жертва исторического бытия. В данной работе мы рассматриваем историческое бытие как единое целое. Но это целое формируется и состоит, о чем будет сказано выше, из мегасобытия, исторического события, проекта человека и собственных личностных проектов. Человек имеет отношение не с историей в целом, а с конкретным историческим Событием, растянутым во времени, которое, с одной стороны, есть следствие деятельности субъекта истории, с другой — само формирует человека и его притязания на становление субъектом истории. Историческое событие проверяет на прочность проект человека, разрушает его и создает предпосылки для создания нового.

История общества, как и история человека, состоит из событий. Именно события в жизни человека составляют его биографию, события исторические формируют исторического человека и человека в целом. Историческое событие касается всех вместе и каждого в отдельности, оно проходит через все сферы общества, влияя на их функции и формы: «История становится историей форм предметности, которые образуют окружающий и внутренний мир человека, которыми он стремится овладеть умственно, практически, художественно и т. д.»⁸¹.

▶ ⁸¹ Лукач, Г. История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 271.

Историческое событие — это конгломерат разношерстных, но имеющих определенную сердцевину явлений, объединенных в единую многомерную систему, порой скрывающую свою многомерность и на поверхности выступающую как феномен — феномен войны, революции, кризиса. Историческое событие изменяет образ жизни людей, порой коренным образом, влияет на общество и государство, и это влияние, ослабевая, исчезает только с окончанием самого события. М. Хелприн, писатель-историк, в своем новом романе выразил похожую мысль: «Случившееся остается навсегда. Я никогда об этом не говорил, потому что верю, что события эти никуда не делись, независимо от того, буду я упоминать о них или нет. Я не боюсь умереть, потому что знаю: все, что я видел, не уйдет вместе со мной, когда-нибудь вырвется во всей красе из кого-то еще, еще не родившегося, кто знать не знал ни меня, ни мое время, ни тех, кого я любил. Я знаю это наверняка»⁸². Ему вторит историк Э. Калер: «Все, что однажды обрело бытие, уже не может исчезнуть бесследно; его можно подавить, на какое-то время отодвинуть на задний план, оно может слиться с другими явлениями, но со временем появится вновь, выступив в новом облики и с удвоенной силой»⁸³. Историческое событие вмещает в себя конгломерат факторов, имеющих причинно-следственную связь, и объективно-субъективно сведенное в единое движение, в результате которого происходит сцепка с другими явлениями и событиями. Историческое событие имеет свой алгоритм движения: оно возникает, возрастает как снежный ком, направляя вектор истории, затем его энергия затухает, движение замедляется: событие уходит из видимого присутствия, но еще оста-

⁸² Хелприн, Марк. Солдат великой войны. М: Эксмо, 2015. С. 49—50.

⁸³ Калер, Эрих. Избранное: Выход из лабиринта. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 47.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

ется в сознании общества (общественном сознании). Затем историческое событие уходит в предсознание. Позднее, на последнем этапе своего, уже невидимого, движения, но еще подающего рефлексии, историческое событие раскалывается и затухает в бессознательной сфере, архетипах, памяти отдельных людей, которые пережили событие, и их родственников, которые были если не участниками, то свидетелями или жертвами, а также всех, кто получил травму — следы от пережитых трагедий, несправедливости, падения. Травму получают не только отдельные индивиды, но и целые сословия, классы, народы, нации, она будет передаваться из поколения в поколение, а также те специалисты, историки, литераторы, художники, музыканты, которые, соприкоснувшись в своих работах с историческим событием, погрузились в него. Дух исторического события перемещается в артефакты, архивы, библиотеки, университеты, давая надежду на воскресение или, по крайней мере, связку исторических событий в единую Историю. Но все это перемещение не обходится без потерь: информация теряется, искажается, сознательно и не сознательно мифологизируется. Довольно часто люди по тем или иным причинам пытаются похоронить историческое событие или игнорировать вектор его движения, тем самым, незаслуженно приписывая себе статус субъекта истории, дезориентируют общество. Точку исторического события волюнтаристическим решением не поставить. Энергия исторического события сравнима с термоядерной, управлять которой до сих пор не научились. Борьба псевдосубъектов истории дорого стоит. Так, чтобы завершить междоусобную войну, вошедшую в историю под названием «Война Алой и Белой розы» понадобилось поголовное уничтожение аристократических представителей этих родов. Средневековые и новоевропейские войны составляют единую цепочку событий, и каждая сторона конфликта имеет множество исторических доводов для предъявления претензий. Наше время можно рассматривать как следствие таких незавершенных событий, как Вторая мировая война, раз-

вал СССР и другие, начало которых уходит в глубь веков и истинные причины которых еще предстоит выявить историкам. В 90-е годы прошлого века в некоторых национальных республиках всплыли в памяти события времен Ивана Грозного, таким образом, историческое событие XVI века себя не исчерпало. Как в известной сказочной повести, памятники в полночь сходят со своих постаментов, гуляя по ночному городу, прошлое живет в настоящем. Череда событий или событий череда не позволяют так просто открыть человеку свою историю, отделить одно событие от другого. Каждое событие — процесс, движение, развивающееся по законам диалектики. Начинается событие как с материальных, так и с духовных предпосылок, но оно всегда завершается духовным синтезом, памятью, традициями, утраченными ценностями, сохраняемыми в культурном поле бытия. Возьмем церковный раскол: начало движения, тезис — духовная борьба за старые обряды в богослужении; антитезис — материализация идеи в деятельность русского старообрядческого купечества и восстановление своих гражданских прав; синтез — старообрядчество как ценность, личностный выбор у одних и легенды у других.

Где же проходят границы исторического события и есть ли они вообще? Если мы откажемся от демаркации, то вся история превратится в безликий хаос, сознание человека станет синкретичным, картина мира мифологична, преступники и их жертвы — одно и то же. Определение границ исторического события и фазы его развития является важной актуальной задачей. Об этом говорит А. Бадью в интерпретации С. Жижека: «Для События важно, прежде всего, возведение эмпирического препятствия в трансцендентальное ограничение»⁸⁴. В рассуждениях Бадью—Жижека много спорного и порой шокирующего, но есть над чем задуматься. Например, События порождают субъекта, и, действитель-

▶ ⁸⁴ Жижек, С. Шекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 185.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

но, в некоторых событиях это явно видно: Октябрьская революция породила советского человека. Тезис, что Событие рождается из ничего — «ничего, которое было онтологической истиной этой предшествующей ситуации»⁸⁵, — тоже во многом справедлив. Как и у ребенка, у события есть родители, но в нем есть нечто свое, чего не было у них, и причина этого своего трансцендентна. У Октябрьской революции было множество причин, но то, что она произошла так, как произошла, по своему индивидуальному сценарию, рационально до конца не объяснить, и то, что осталось за пределами разума, и есть уникальность События, ее самость. Ничто — это условие для рождения уникальности События, как пустота для Демокрита, в которой есть место для движения атомов. Сколько бы причин мы бы ни называли, всегда найдется еще одна, которая, как апория Зенона о дихотомии, откроет путь в дурную бесконечность, прервать ее может только Ничто. Появление в наши дни международного псевдоисламского терроризма в таком контексте объяснимо: уход с мировой арены коммунистического движения и неспособность либерализма стать мировой идеологией образовали вакуум, пустоту, ничто. Из такого ничто и вышел ИГИЛ, который никаким образом не является мусульманским движением и не имеет отношения к фундаментализму (арабские завоеватели не уничтожали культурные ценности других народов). Таким образом, историческое Событие возникает в пространстве, где действует множество различных факторов, которые выстраивают конфигурацию причинно-следственных связей, но, чтобы событие состоялось как историческое Событие, должно быть нечто такое, чего нельзя до конца логично объяснить. Как каждый новорожденный ребенок уже имеет набор эмоционально-психологических качеств и в этом наборе есть сектор только своих качеств,

► ⁸⁵ Жижек, С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 191.

самость, не связанных с наследственностью, так и Событие возникает из приращения к причинно-следственным связям, нечто трансцендентальное, что и делает событие Событием.

Ничто свидетельствует о том, что предшествующие События мертвы или находятся в коме. «Вместе с тем кризис — это действенное ничто. Он ведет от одного акта к другому»⁸⁶. Ключевое слово в высказывании Анри Мальдине — действенное. Именно в ничто может зародиться следующий акт истории. Ничто имеет две формы проявления: Безмолвие и Хаос. Римская империя, Рим создавались в Безмолвии, Октябрьская революция в Хаосе. Октябрьская революция могла пойти по разным сценариям, могла и вообще не родиться, но она возникла тогда, когда историческое поле было хаотичным, что означает пустым, движение истории бурлило, но остановилось; та старая, императорская Россия умерла, ее Истина исчезла. У каждого События есть «одна и только одна Истина, которая, будучи артикулированной, высказанной, служит указанием себя самой и ложности области, подрываемой ею»⁸⁷. Поэтому на пустом месте, в Ничто, и зародилась Октябрьская революция, неся свою Истину. Бадью защищает Октябрьскую революцию как Событие-Истину, указывает на три способа ее предательства: простое отрицание, жить, ее не замечая; фальшивая имитация, представление как ложное событие, и, наконец, сведение революции к сталинизму, сведя ее к предсобытию. Похожее событие произошло в августе 1993 года, но было ли это подлинным Событием, вопрос спорный. Отметим, что если не признается в прошлом Событие-Истина, то подрывается онтологическая основа проживающего в данный момент События, так как ложное сознание, сформированное исто-

⁸⁶ (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. С. 169.

⁸⁷ Там же. С. 184.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

рическим незнанием, не позволит адекватно оценить текущее время и не стать полноправным субъектом своего исторического События. Произойдет разрыв между бытием и временем, человек окажется вне Истины события. Каждое Событие имеет Цель, осознанную, как Октябрьская революция, и неосознанную, вернее, не осознанную до конца, как технологическая революция. Жижек—Бадью указывают и на псевдоСобытия, такие как нацизм и фашизм, и с этим можно согласиться, так как в них не было Истины. Таким образом, в Историческом событии должна быть Истина и Цель. Если мы согласимся с такой трактовкой исторического События, то нам легче будет разобраться в современной России XXI века, так как она также зародилась в Ничто, которое пребывало в форме Хаоса, аналогичного времени Февральской революции 1917 года. Зная ритмы истории, можно предположить, с какими сложностями столкнется современная Россия и каким способом Истина Исторического события может быть упущена, если она присутствовала.

Историческое событие, по Бадью, и с ним можно согласиться, слаженно структурировано, но в отличие от марксистской и либеральной стратификации в основе события заложены идеальные структуры, каждая из которых имеет своеобразие, индивидуальность, свойственные только этому событию. И тем не менее эта своеобразность не должна заходить так далеко, потому что в итоге может завести в лингвистический тупик. Любовь, искусство, наука, политика — вот четыре компонента, *genériques*, события. С. Жижек подчеркивает схожесть позиций Альтюссера с Бадью, который предложил четыре модальности субъективности: идеологического субъекта, субъекта в искусстве, субъекта бессознательного, субъекта науки. Сходство двух мыслителей увеличивает шансы мысли на успех. Вернемся к Октябрьской революции: именно она наполнила, или искренне пыталась, любовь, искусство, науку, политику, обновляя содержание в одних случаях и меняя форму в других. Коллон-

тай, Малевич, Мичурин, Троцкий — это и авторы, и участники, и жертвы нового Исторического события, каждый в своем дискурсе и в своем ракурсе. Приближение к финалу Исторического события свидетельствует о существенных изменениях в указанных компонентах. Меняется мировоззрение человека, ставятся новые вопросы субъекту истории, создаются новые проекты. А. Бадью показывает такую трансформацию: любовь сводится к сексуальности, искусство — к администрированию культуры, наука — к «ноу-хау», политика — к манипуляции. Исторические события имеют свои причины, их породившие, но они всегда соприкасаются с историческими законами. К историческим законам можно отнести: постоянный рост потребностей человека, развитие производительных сил в долгосрочной перспективе, борьбу за ограниченные ресурсы и их распределение.

В пространстве исторического события всегда есть альтернативные варианты решения, которые впоследствии забываются, так что «задним числом (то есть в исторической перспективе) каждая последовательность событий выглядит так, словно иначе быть не могло, но это «оптическая или, вернее, экзистенциальная иллюзия: ничего никогда не происходило бы, если бы действительность, по определению, не уничтожала все прочие возможности, заключенные в любой данной ситуации»⁸⁸. Историческое событие, как и проект человека, не должно войти в противоречие с развитием производительных сил (политика КНР догнать и обогнать Великобританию по выплавке стали — большой качок, ни один проект не должен призывать к постоянному аскетизму (политика Кальвина в Женеве), ни одна политика не должна строиться на гуманистических принципах солидарности, без учета фактора ресурсов и борьбы за них (политика СССР

 ⁸⁸ *Арендт, Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 358.

3.2. Историческое бытие, историческое событие

в 70-е годы помощи странам, вставшим на путь «социалистической» ориентации). Вступить в противоречие этим законам — обречь событие на гибель. Нельзя также искусственно прервать событие через его забвение (игнорирование в СССР процесса «Большого террора»). История жестоко наказывает такое забвение.

Подводя итоги, отметим в духе М. Хайдеггера, что историческому событию, как всякому существованию, чтобы стать действительным событием, требуются условия. К этим условиям относятся экзистенциалы человека, на которых держится Истина. К ним необходимо отнести Любовь, Долг, Страх, Тревогу, Любовь, Скуку и другие. Это не простое проявление человеческих чувств, это то, с помощью чего создаются границы и очерчиваются контуры исторического события. Событие и есть событие, когда к бытию прилагается соучастие, что в итоге порождает неразделимое Событие. Экзистенциалы, возможно, и порождаются скрытыми желаниями человека, что постоянно подчеркивают фрейдисты и последователи неопрейдиста Лакана, но все же заметно проявляются в наличии и хорошо фиксируются искусством и рефлексированы философией. По мере развития исторического события происходит перемещение экзистенциалов, одни замещаются другими, создавая разные причудливые комбинации, делая историческое событие уникальным. Например, полет Юрия Гагарина в космос никого не оставил равнодушным, и чувство любви народа к первому космонавту не омрачалась чьей-то ненавистью, хотя любовь и ненависть ходят вместе. Именно поэтому поэты, чувственные люди, имеющие дело с чувствами, и могут предсказать то, на что не способны историки и философы, а именно, очертания будущего своего События, фантасты же в отличие от них описывают совершенно новые События. Есть закономерность, что рождается Событие на Любви и Долге при постоянном наличии Страх, но угасает Событие на умирающей Любви и забытом Долге, при нарастающей тревоге, скрываемой Юмором, уходя в Ничто...

3.3

Субъект и истина исторического события

Проблема истины является ключевой в истории философии и в истории событий. Онтологическое решение проблемы, устраивающее всех, не представляется возможным, но то, что истина должна соответствовать реальности, бесспорно. Историческую реальность формирует, конструирует событие, отсюда, она объективно-субъективна и, как реальность, амбивалентна. Движение исторического бытия происходит через борьбу людей в обществе за ресурсы и удовлетворение своих потребностей и желаний. Историческое событие предлагает свою конфигурацию ценностей в бинарной шкале изменчивой иерархии: добро—зло, красота—уродство, любовь—ненависть, свобода—долг, материальное—духовное, творимое—сотворенное, естественное—искусственное, жизнь—смерть. Вектор движения События, проходя через свои координаты, принимает форму ломаной, но есть некая, часто невидимая, граница, пересечение которой Событию несет гибель. Так, общества древности погибали, когда нарушался баланс между естественным—искусственным.

Цивилизация острова Пасхи ради сакрального, требующего бесконечного изваяния статуй, нарушила соотношение естественного—искусственного, что привело к гибели человека. Схожая ситуация произошла с племенем майя, древними кхмерами и другими культурами. Нарушение баланса между жизнью и смертью, абсолютизация культа смерти, привело ацтеков к изоляции, в итоге немногочисленные испанцы в союзе с индейскими племенами, ненавидевшими ацтеков, полностью разгромили их. Трудно представить, что современное общество построено на ненависти и лжи, но в древности были народы и города, в которых все люди ненавидели и обманывали друг друга, о чем сви-

3.3. Субъект и истина исторического события

детельствует Библия, показывая их гибель в нравоучение будущим поколениям. Общество, которое изначально выбрало путь к уничтожению других народов, прокладывает путь к своей гибели. Истина события такова, что в нем должен быть заложен позитивный импульс, позволяющий, пусть даже на йоту, дать творческий толчок к духовному развитию человека, эмоционально пережить экзистенциальное присутствие своего исторического события. Об этом и говорит К. Ясперс: «Истина существования есть функция сохранения и распространения существования. Она подтверждается пригодностью на практике»⁸⁹. Истина и экзистенция человека напрямую связаны друг с другом. Истина поддерживается человеком. По словам Бальзака, и с ним можно согласиться, «человеку необходимо изведать сильные чувства, чтобы в нем развились благородные свойства, которые расширили бы круг его жизни и смягчили эгоизм, присущий всем созданиям»⁹⁰.

Событие экзистенциально переживается субъектами, оно, если действительно Историческое, травмирует, по мысли Жижека, реально заставляет человека по-новому его переосмыслить. Событие вносит в жизнь человека весь набор экзистенциальных переживаний, принуждая его цепенеть или действовать, но в любом случае это будет включением в бытие. Субъект истории порождает событие, и энергия всех участников поддерживает поле События. К. Шмидт, немецкий философ и правовед, прав в том, что экзистенциальный враг или друг, в отличие от абстрактного, есть показатель выживания политической системы, в нашем случае и События. Отсюда и различие между мировыми войнами: в первой — враг был абстрактный, во второй (убей немца) конкретный для каждого советского гражданина.

 ⁸⁹ Ясперс, К. Разум и экзистенция. М.: Канон, 2013. С. 202.

⁹⁰ Бальзак, О. Человеческая комедия: Соб. соч.: В 15 т. Т. 5 // Турский священник. М.: Художественная литература, 1952. С. 52.

Когда чувственность Субъекта уходит в личную жизнь и в остатке только прагматизм житейского ума на фоне интеллектуальных игр элиты, которые в кризисные времена приобретают чуть ли не вселенские размеры, примером может быть Рим во времена упадка или СССР в перестроечные годы, Событие затухает. Слово, как и многие символы, теряет свою сакральность, действие теряет волю. В какой-то степени Бадью прав, утверждая, что Истина есть до тех пор, пока есть некое сообщество, ее поддерживающее. Во многом схожи и теория этногенеза Л. Гумилева, в системе которого приведена классификация антисистем, обществ, религий (манихейство), философских систем (гностики), отказавшихся от ценностей реальной жизни, от истины. М. Фуко верно отметил правильное направление в кинизме, которое увидело истину в «другой по сравнению с традиционной жизнью людей, включая философов, а истинная жизнь — одновременно и форма существования, выражение себя, изваяние себя, но также доказательство, убеждение, уверение посредством речи, — призвана показать, будучи совершенно иной, что как раз другие и впадают в инаковость, в ошибку, находятся там, где не следует»⁹¹. Если мы проанализируем время, в котором проповедовали киники, то увидим, ретроспективно, закат античной цивилизации, но в то же время неоощуаемый абсолютным большинством населения. Именно киники увидели, что истины в обществе более не существует, общество духовно разлагается, рабовладельческий способ производства более не развивается. Но М. Фуко пошел дальше, он в духе марксизма рассматривает киников как частный случай исторического процесса, который сам по себе двойственный, и истинность этого процесса всегда находится в тени реальности. Х. Арендт правильно отметила, «что политическая

91 Фуко, М. Мужество истины. Управление собой и другими II. СПб.: Наука, 2014. С. 286.

3.3. Субъект и истина исторического события

сфера в силу самой своей природы противоборствует истине во всех ее формах»⁹².

Кто же является субъектами События? Бадью называет их: Господин, Истерик, Университет, Мистик. Он так расшифровывает этих субъектов: Господин обеспечивает непрерывность события, при этом он «всегда самозванец: основополагающая иллюзия Господина состоит в том, что он является Господином вследствие присущей ему харизмы, а не благодаря случайному занятию определенного места в структуре»⁹³. Действительно, во многих исторических событиях вождями, диктаторам, руководителями, правителями оказывались люди, не имеющие никаких выдающихся способностей, такие как Александр I, Александр II, Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Горбачев, но, занимая высокие посты, «ведомые рукой Истории», они оставили в ней свои следы. Такие лидеры выполняют желания Другого — буржуазии, чиновников, либеральной интеллигенции, криминала. Истерик — поддерживает двойственное отношение к событию (это не то, это не то), Университет — стремится объяснить событие через причинно-следственные связи, Мистик — вводит событие в ранг исключительности, мистифицирует его. Например, Октябрьская революция: Господин — партия большевиков и ее вожди, в частности Ленин; Истерик — меньшевики, интеллигенция; Университет — марксистская теория, Ленин, Бухарин; Мистик — Сталин, вспомним его трактовку партии как ордена меченосцев. Лакан добавляет нового члена субъекта События — Аналитика, признавая События «генератором, порождающим ядром, вокруг которого будет вращаться символическая производительная

⁹² *Арендт, Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 353.

⁹³ *Жижек, С.* Киногид извращенца: Кино, философия, идеология. Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 128.

деятельность субъекта»⁹⁴, — вся советская идеология и методология. Жижек рассматривает субъекты событий с точки зрения интерпретации психоанализа Лакана, добавляя в психоаналитический дискурс положение Канта о ноуменальном факте свободы, что позволяет манипулировать указанными именами в сторону их произвольного толкования, но и при таком подходе контуры субъектов сохраняются. Другими словами, все цели События сводятся к Свободе, но в субъективной интерпретации участников События. Не будет противоречием к названным субъектам прикрепить политические имена: Революционер, Консерватор, Либерал, Наблюдатель (Посторонний — типаж, раскрытый Камю, человека потерявшего «вкуса» жизни, эмоционально замкнутого, плывущего по течению). Комбинации типов от такого синтеза увеличатся, но и окраска События историками будет ярче, понимание глубже. Например, тип Наблюдателя (характеристика его во многом схожа с человеком без сущности, но не применима для всех) стал доминирующим в августовском событии 1991 года, что в целом привело к краху Советского Союза. Поэтому изучения Наблюдателя, его появление на сцене советской действительности, ареал обитания и место, как в повседневности, так и в культурной сфере, помогут более детально определить причины крушения советской цивилизации. Следует добавить к галерее портретов исторического События персонаж Жертвы. Кто пострадал от События, показывает на его истинность или ложность. Каждое событие открывает новые горизонты социальной стратификации, закон которой гласит о взаимосвязи перемещения людей в обществе: кто-то поднимается, кто-то опускается, возникают одни социальные группы и уходят в прошлое другие. Этот закон присущ всем историческим событиям, дело только в масштабах. Соединение

 ⁹⁴ Жижек, С. Шекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 230.

3.3. Субъект и истина исторического события

психоанализа с политологией и социологией может вывести нас к алгоритму исторического События, в котором можно выделить все этапы его развития, пик события, упадок, кризис.

Таким образом, история хранит в себе много персоналий и фактов, вошедших в различные учебники как исторические события, но подлинных событий, критерии которых мы указали, не так уж и много. Одно событие несет в себе множество проявлений, и некоторые из них принимают форму самостоятельного исторического события, по сути им не являясь. Например, принятие конституции в 1977 году в СССР было псевдособытием, так как не вызвало никаких экзистенциальных переживаний и не содержало в себе истины. Но как факт это псевдособытие оказало воздействие на ход истории, а именно, укрепило иллюзию в народе и, особенно, в элите, о превосходстве советской системы во всех сферах общества. Отметим: истина события заключается в сопричастности действительного и реального, псевдособытие в отрыве действительного от реального. Настоящее Событие открывает горизонты развития человека и общества, но, как правило, оно связано с Трагедией многих судеб, сопричастных Событию. Поэтому Событие всегда трагично, даже светлая дорога в космос, проложенная Гагариным, окроплена кровью космонавтов и астронавтов, а также уничтожением орбитальной станции «Мир», гибелью проекта «Буран». Исследование исторических событий всегда связано с исследованием трагедий. Но довольно часто трагедии очищают человека, возвышают общества, указывают на истину События и Истории. Через трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида и других авторов греки проходили духовное возрождение — катарсис.

Кроме конкретных исторических событий в виде войн, революций, кризисов, есть мегасобытия. К ним можно отнести зарождение христианства и других мировых религий, возникновение капитализма, возникновение марксизма и тех философских направлений (фрейдизм, ницшеанство),

которые кардинально изменили мышление человека, изобретение интернета и внедрение новых технологий. Именно они оказывали и оказывают влияние на судьбы людей и мировое сообщество, направляют историю в свое русло, создавая иллюзию рукотворного процесса. Мегасобытие имеет подлинного Господина — субъекта истории. К ним относятся все духовные лидеры — Христос, Магомет, Будда и другие, а также те личности, которые своей волей, усилиями дали человечеству новое — Платон, Аристотель, Спиноза, Декарт, Маркс, Ленин и другие. Мегасобытие имеет время рождения, но не имеет видимого окончания. Но если раньше эти мегаявления напрямую воздействовали на исторические явления, то теперь они служат фоном, на котором разворачивается множество других событий. Мегасобытие является одной из главных пружин исторического движения и напрямую связано с человеческим бытием. Оно связывает макрокосм с микрокосмом, и элементами связи являются необузданные человеческие потребности, страсти и пороки, отсюда живучесть мегасобытия. Оно размыкает человеческое бытие, разрушает структуры бессознательности, освобождая от прежней зависимости от Другого, традиций, истории. Но открытость горизонта не дает человеку возможность полностью оценить новые перспективы, порождаются новые страхи неизвестности, создается новая структура бессознательности, человек начинает замыкаться в сферу, и это замыкание порождает события. Так, христианство породило нового свободного от мифологии язычества человека, который впоследствии не выдерживает испытания свободой, сковывает себя догмами, укрывается в социальной системе церкви, замыкая свое личностное бытие. Процесс замыкания и является источником исторического события, если он принимает массовую форму. Чрезмерное замыкание приводит к деградации человека и общества, поэтому замыкание становится неизбежной формой продолжения существования человека, требует своего исторического события. Примером могут послужить процессы Возрождения,

3.3. Субъект и истина исторического события

отрицающие аскету Средневековья и дающие человеку естественную реализацию потребностей в удовольствиях.

Как только одно из мегасобытий начинает противоречить другому, одно входит в орбиту действия другого, начинается конфликт, в результате которого зарождаются многие исторические события. Например, мегасобытие — христианство со своей системой ценностей, оно сталкивается с той социальной реальностью, которую породили буржуазные отношения. Так возникли лютеранство, кальвинизм, англиканство, которые можно назвать историческими событиями со своими субъектами, среди них: Господин — Лютер, Кальвин, Генрих VIII, свои Жертвы — католики, а также Мистик — Франсуа де Саль, Революционер — Т. Мюнцер, Наблюдатели, которых было не так уж много, что показывает на динамизм и масштабность события и т. д. В марксизме, который можно рассматривать как мегасобытие, — раскол на большевизм и меньшевизм порождает свое историческое событие со своими авторами-субъектами. В момент конфликта мегасобытий и порождения События происходят процессы массовой мобильности общества и создается возможность переоценки ценностей человеком — его духовным возвышением или падением. В разрыве мегасобытий одни явления уходят в тень, в культурные артефакты, в общественную память — библиотеки, в глубины человеческого сознания, другие остаются на поверхности, третьи имеют только видимость исторического явления, его форму, сущность которого давно переместилась в другое пространство или вообще исчезла. Эти процессы хорошо отражаются в языке, который тоже трансформируется, нарушается код языка, смысл слов становится иным, иногда прямо противоположным, как цинизм, вертеп, или становится пустым звуком, как незатейливая дежурная фраза «Как дела?»

Историки довольно часто раскручивают одну или несколько линий (пластов) события, не замечая множество других и, главное, влияние на изучаемое событие мегасобытия. Например, причины Первой мировой войны сводят-

ся к субъективным факторам, «к агрессивной деятельности Тройственного союза, ментальности напыщенного романтика-выскочки Вильгельма, легкомысленности графа Бертольда, безответственности русских генералов»⁹⁵, как пишет Э. Каллер, не замечая главного — конкуренцию империалистических стран как способ жизни капитализма. Если бы мир избежал войны, эта было бы заслугой субъективного фактора, как это стало позже во времена «холодной войны». Вывод из вышесказанного прост — обществом управляет история, но не наоборот. Единственно, чему научилась правящая элита, — создавать иллюзию, что все под контролем, выдавая «золотые» годы как годы без войн и кризисов, экономического подъема, за свое достижение, за бесконечное время счастья и покоя. Но сценарий События уже написан Историей, уже назначены действующие лица, хор и готовятся декорации.

Историческое событие это непрерывный процесс исторических явлений, протекающих как в материальной, так и идеальной (духовной) плоскости. Между материальными и идеальными процессами несомненно есть диалектическая связь. Вернемся к Первой мировой войне — она начинается сначала как психологическая, в виде ультиматумов, потом происходят активные физические (военные) действия, сопровождающиеся идеологической борьбой. Окончание военных действий, заключение перемирия, а затем мирного договора являются официальным фактом окончания войны, но не исторического события. Пока не похоронен последний солдат, война еще не закончена — этот афоризм не метафора и не некая условность. Событие войны живет, когда есть память фронтовиков о ней, когда информация о войне, полученная из книг, кинохроники, кино, воспоминаний, переживается человеком и, главное, когда в памяти

► ⁹⁵ Каллер, Э. Избранное: Выход из лабиринта. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 104—105.

3.3. Субъект и истина исторического события

человека, общества или ее части всплывают и живут чувства обиды, тревоги, ненависти. Но тревога заложена не только в памяти, она уже разлита по всему жизненному пространству, заполненному травмированными людьми. Эта тревога экзистенциальна, но, с другой стороны, она есть порождение незавершенности войны — несправедливым мирным договором, репарациями, аннексиями, вынужденным переселением населения. Политически грамотные и чувственно одаренные люди, а также невротики, каждый своим способом, предчувствуют и предсказывают надвигающееся событие — новую войну, как некое стремление к завершенности события. Как тишина перед смертельным боем, так и беззаботность перед надвигающимися бедствиями: «Тот самый длинный день в году, / Тот самый долгий, самый лучший, / Когда плохого я не жду. / Тот самый синий, голубой, / Когда близки и достижимы / Успех, и дружба, и любовь...»⁹⁶ — называется стихотворение «21 июня». Но за этой тишиной и безмолвием страх общества, затаившийся в глубинах сознания. Причину этого страха можно осознать, что и делает советский молодой поэт Павел Васильев. «Чутье великого поэта работало безошибочно. В зените сверхзадачи и в “нижней бездне” подсознания он чуял подступающую войну, новую мировую — Великую Отечественную»⁹⁷.

Рассвет по ромашкам шел к мужицкому дому
Поглядеть в окошко, как мужику спится.
Как мужику спится?
Плохо мужику спится.
Все какая-то птица к нему садится
И начинает разговаривать по-худому.

Павел Васильев

⁹⁶ Слуцкий, Б. А. Лошади в океане. М.: Эксмо, 2011. С. 62.

⁹⁷ Аннинский, Л. А. Красный век. Эпоха и ее поэты: В 2 кн.: Кн. 2. Звездный полк. Мальчишки державы. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 85.

Тревога в данном случае выражена поэтом через образ птицы. Историческое событие имеет своих агентов, репрезентирующих свою сущность, — поэтов, музыкантов, художников. Оно будет окончено только тогда, когда исчезнет поле тревоги и искусство обесценится и обесцветится. Но сама тревога уже формирует настоящее. Могут исчезнуть все социально-экономические предпосылки, но настоящее формируется оторвавшимися от реальности и залежавшимися наперед чувствами, в марксистской терминологии — опережающим отражением. Субъектам и объектам истории События трудно провести границы времени самого события — прошлого, будущего, настоящего, так как будущее и прошлое могут находиться в одной точке, образованной пересечениями исторических явлений и человеческими чувствами, забежавшими далеко вперед. Они окрашивают настоящее так, что общество оказывается в плену прошлого, где будущее уже предсказано. В такой ситуации судьба общества predetermined, а история выбирает себе жертву среди индивидуумов. Вихрь истории затаскивает в свой круговорот людей, не причастных к тому или иному событию, ломает их планы и намерения, заряжает прошлым-будущим эмоциональным настроением, если даже большинство старались сохранить спокойствие и рассудительность. Гегель выразил такую ситуацию через действия Абсолютного духа, Арнольд Тойнби через деятельность творческого меньшинства, увлекающего инертное большинство, Лев Гумилев активностью пассионариев. Ярким примером могут быть события на Украине, где меньшинство, зараженное национализмом, диктует свою волю большинству населения и общественное мнение становится управляемым. В Прибалтике и Западной Украине из сундуков достают нафталиновые фашистские мундиры и медали — Вторая мировая война не закончена.

По своей внутренней структуре Событие неоднородно, каждое явление связано с другими, по мере разворачивания своего внутреннего содержания происходят сцепки с другими явлениями, приводящими ко всевозможного рода

3.3. Субъект и истина исторического события

диффузиям и травмам. Развиваясь по своим алгоритмам, событие может вступить в резонанс с волнами мегасобытий, из-за чего может наступить финал, смерть той системы, в которой и происходили данные явления. Иллюстрацией к сказанному является Первая мировая война, которая обнажила все противоречия экономических и политических систем начала XX века, в итоге разрушила последние остатки феодализма в Европе, раскрыла сущность капитализма и связанную с ним систему просвещения, изрядно пошатнула христианство и дала начало абсолютно новым историческим событиям. Еще раз отметим, что идеи, идеологии стали опережать по времени фактические события. В итоге получается, что сознание прошлого уже формирует контуры будущего и человек настоящего становится заложником прошлого-будущего. Его судьба предопределена, но не определена, так как между настоящим и будущим есть зазор.

Зазор между настоящим и неопределенным будущим и есть то, что М. Хайдеггер и назвал вот-бытием, или здесь-бытием: «Здесь-бытие онтологически принципиально отличается от всего окружающего. Его “состав” основывается не на субстанциональности некой субстанции, но на “самостоятельности” себя самого, бытие коего понимается как беспокойство»⁹⁸. Вот-бытие захватывает ареал психологической жизни человека с того момента бытия, в котором функционирует поле тревожности (беспокойства), рожденное прошлой ситуацией, пронизывающее человеческую жизнь. На авансцену этого бытия выходят два субъекта: желание и тревога. И то и другое человеку до конца не подвластно. Человек идет либо на поводу своих желаний, либо загоняет их внутрь своего существования, но они проявляются во всех деяниях человека. В человеческой жизни, в его вот-бытие

▶ ⁹⁸ Хайдеггер, Мартин. Лекции о метафизике. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 53.

действуют не только его личные истинные желания, но и желания Другого, которые подавляют, управляют, становятся Господином последнего. Получается некий парадокс: человек в своей внутренней жизни, проживаемой, как ему кажется, свободно, и уж где, как не наедине с собой, быть свободным, является заложником внешних и внутренних сил. Его желания не подвластны ему, а некоторые, живущие в глубинах сознания, подлинно и не выявлены. Человек проживает жизнь, но жизнь как по чужому сценарию. Сценарий, который написан родителями, социальными малыми и большими группами, массовой культурой, идеологией, заставляет человека повторять одни и те же ошибки, водит его по кругу. В сценарии, как правило, заложен и финал. Такое же хождение по кругу делает общество, государство, народы, культура в целом. Тревога внешняя, идущая от анархии исторического процесса, соединяясь с внутренней, порожденной озабоченностью за свою личную жизнь, превращает жизнь человека в трагедию на фоне исторической драмы. Сценарий написан и обществу. Если человек может изменить, при определенных условиях, в которые входят осознанность, образованность, мотивация, воля, свой сценарий, то обществу для такого прорыва, кроме перечисленных факторов, необходима солидарность и гуманизм или в худшем, но спасательном варианте, огромная воля субъекта — суверенна.

Продолжительность исторического События зависит от многих факторов, но в целом оно находится в зависимости от экзистенции участников события. Событие имеет начало, активную фазу, когда участники события являются одновременно и его авторами и жертвами, то есть непосредственно его переживают, продолжительность этой фазы не более жизни 2—3 поколений, далее события поддерживаются уже воспоминаниями активных участников, мемуарами, искусством, которые были в активной фазе или созданы по ее следам. Следующий этап — фаза забывания: в жизнь вмешиваются другие факторы, переживания становятся эпи-

3.3. Субъект и истина исторического события

зодическими, по праздникам, датам, урокам, прочитанной книге или просмотренному фильму. Событие, казалось бы, уравнилось, из синусоиды движения перешло к движению по прямой, но эта стабильность очень опасна, так как порождает иллюзию о вечности такой безмятежности, субъекты или участники события связаны с идеалами только рационально-прагматично, Герои превращаются в Обывателей, на сцену выходит Посторонний. Далее идет затухание события, которое может сопровождаться его критикой, гиперкритикой, фальсификациями, цинизмом, высмеиванием прежних ценностей и сбрасыванием с пьедесталов прежних героев или просто забвением. Событие может погибнуть во время кризиса или мирно умереть, но в любом случае смерть будет призрачной. Событие уходит в тень — в архивы, артефакты, культуру, университеты, бессознательное...

Для того чтобы более подробно анализировать то или иное историческое Событие, создадим оси координат, в которых по одной оси заложены Любовь—Ненависть, Добро—Зло, Красота—Уродство, Свобода—Долг. На другой оси — Искусство, Наука, Политика. Определив контуры пространства исторического события, выявляем действующих лиц и движущие силы, субъектов События, таких как Господин, Жертва, Мистик, Наблюдатель, и политические типы — Революционер, Либерал, Консерватор, которые накладываются на вышеперечисленных. Историческое событие формирует историческое бытие, имеет своих субъектов истории и действующих лиц на время действия события, создает предпосылки для создания и реализации проектов человека или ее модификации, если такой проект уже создан. Каждое событие поддерживается человеческими чувствами и, соответственно, ими познаются. Событие существует, пока в нем присутствует личность. В историческом событии человек объективирует свой духовный мир. Человек одновременно является субъектом и объектом события. Историческое событие можно рассматривать как макровот-бытие общества.

3.4

Человек и историческое бытие: шаги навстречу

Мы подошли к той группе проблем, которую Н. Гартман озвучил следующим образом: «Наша собственная жизнь с ее познанием встроена в историю. Мы знаем ее наивным образом только в своей непосредственности, принимаем ее формы за абсолютные и только себя — за объективных судей. Но каким образом мы сами, включая наше историческое понимание, обусловлены исторически? Как оптически построена наша собственная историчность? И как мы в качестве познающих и понимающих выходим за пределы собственной исторической обусловленности?»⁹⁹

Каким образом человек познает не просто бытие, а бытие историческое? Каким образом у него складывается отношение к прошлому своего рода, страны, цивилизации? Может ли человек изменить свое бытие? С этим кругом вопросов мы и продолжим работу.

Можно обнаружить три уровня проникновения исторического бытия в сознание человека, которые имеют и временной континуум. Первый уровень связан с наследственностью, когда генетически передается определенный код рода, в котором заложены этнические особенности. Второй уровень связан с формированием родителями «Я» ребенка на бессознательном уровне в виде установок, в которых имманентно присутствуют оценочные отношения к прошлому. На третьем уровне включается активная работа сознания человека по отбору исторической информации из потока всех видов информации. Если ее должным образом не структурировать, то, по утверждению Винера, она несет угрозу

 ⁹⁹ Гартман, Н. Проблема духовного бытия: Антология. Логика культуры. СПб.: Университетская книга, 2009. С. 772.

3.4. Человек и историческое бытие: шаги навстречу

нервной системе человека¹⁰⁰. Поэтому существует острая, почти биологическая необходимость в систематизации, усвоении истории и выработке отношения к прошлому.

Рассмотрим первый уровень подробнее. Связь человека с историческим бытием предопределяется рождением. Родители ребенка передают ему генетический код, определенный набор хромосом, в которых заложена информация, сюда входят и некоторые национальные черты, создающие предпосылки к формированию характера человека. Современная медицина доказала, что многих болезней, передаваемых наследственным путем, например эпилепсии, можно избежать, если знать болезни своих родов. Другими словами, медицина нас отсылает к составлению генеалогического древа, к истории. Не успел человек родиться, как он уже несет в себе историю — историю своей болезни. Определенный набор болезней является бичом божьим для некоторых народов. Известно, что многие северные народы, а также североамериканские индейцы, страдают алкоголизмом по биологическим причинам — из-за отсутствия ферментов, расщепляющих алкоголь. Как утверждают генетики, человеку в наследство передаются не только типы нервных систем, но и отдельные черты характера. Чаще передаются негативные черты — агрессивность, раздражительность, апатия. Но есть один бесспорный факт, который дает надежду поверить человечеству в человечность, в его гуманность — последние эксперименты на современных «детекторах лжи» говорят о том, что ложь биологически несвойственна человеку. Другими словами, история человечества, его генезис, выживание привели к такой взаимосвязи и солидарности в среде первобытных людей, что социальные качества, ставшие сейчас во многом абстрактными, включены в биологи-

▶ ¹⁰⁰ *Винер, Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине // Информационное общество / Сост. А. Лактионов. СПб.; М.: АСТ, 2004. С. 135.

ческую структуру человека. Г. Гюнтер в «Наследственности и воспитании» пишет, что воспитание не может изменить суть человека, но оно может изменить в лучшую или худшую сторону воздействие этой сути на окружающих. Г. Лебон в своем исследовании психологии народов сделал следующий вывод: «Через наследственность, воспитание, среду, подражание и общественное мнение люди каждого века и каждой расы получают известную сумму средних понятий, которые делают их похожими друг на друга, и притом до такой степени, что когда они лежат под тяжестью веков, то по их художественным, философским и литературным произведениям мы узнаем эпоху, в которой они жили»¹⁰¹. К. Юнг также отрицал детерминированность опыта, обучения, воздействия общества на личность, так как «человек не рождается тотально новым созданием, но всегда повторяет пройденные и достигнутые ступени развития, то всякий из нас содержит — бессознательно как априорную возможность — целую психическую структуру, которая развивалась постепенно в ряду его предков по восходящей или нисходящей линии»¹⁰². В каждом человеке, считал он, есть несколько уровней бессознательного, в том числе семейный, групповой, национальный. Таким образом, если человек и заброшен в этот мир, то вместе со своим родом. Человек исторически предопределен, в том смысле, что при рождении он получает приписываемый статус, независимый от самого человека. Процесс рождения может внести и даже изменить некоторые свойства человека. Именно на этом спекулирует учение Л. Рона Хаббарда, как и вся современная астрология, абсолютизируя момент рождения, при котором любая случайность является закономерностью, имеющей кармическое значение. На самом деле момент рождения,

¹⁰¹ Лебон, Г. Психология народов и масс. М.: ТЕРРА, 2008. С. 100.

¹⁰² Юнг, К. Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, 1998. С. 441.

3.4. Человек и историческое бытие: шаги навстречу

который одновременно является и смертью плода, — стрессовый, он вносит коррективы в нервную и психическую системы человека. Прошлое и настоящее встречаются в рожденном человеке, но в любом случае у человека есть возможность изменить свое биологическое предопределение в виде болезней, слабой нервной системы и некоторые черты характера. В этом отношении будущее побеждает прошлое. Современная медицина и психология постепенно очищают от мистики ту область исследования, которая связана с наследственностью. Научно доказано генетическое единство человеческого рода и то, что многие способности и возможности человека заданы ему предками. Надо сказать, что тяжелые или преждевременные роды, роды в необычных и чрезвычайных ситуациях порождают людей с такими отклонениями нервной системы, которые делают их наиболее чувствительными к восприятию бытия. «Да зачем нам художники и поэты, — с трагической иронией спрашивает Герцен, — зачем эти нежные, нервные организации, которые не могут выносить воздуха передней, дерзостей дворецких, образованности фельдфебелей?»¹⁰³ Получается некий парадокс — человек, травмированный родами, в будущем неврастеник, становится творчески одареннее тех своих родственников, роды которых прошли нормально. «Этот образ болезни не есть болезнь в медицинском смысле слова (хотя предполагается минимум “благоприятных” в кавычках, медицински описуемых обстоятельств, то есть сама болезнь), а есть образ культуры, в котором болезнь выступает как некое привилегированное состояние, в котором можно испытать, увидеть, почувствовать нечто такое, что в других состояниях нельзя»¹⁰⁴.

Второй уровень, на котором происходит связь истории

¹⁰³ Желвакова, И. А. Герцен. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 414.

¹⁰⁴ Мамардашвили, М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2012. С. 101.

с человеком, — это уровень подсознательного восприятия ребенком установок своих родителей по отношению к жизни, бытию. Психологи называют этот процесс процессом «написания проекта жизни». Так как у ребенка наиболее чуткая нервная система, еще не блокированная социумом, но в определенной степени намеченная штрихами прошлого, он впитывает в себя все, что помогает ему адаптироваться к внешним обстоятельствам, поддерживать комфорт и избегать опасностей. Именно в раннем детстве ребенок, как всасывающаяся губка, впитывает в себя чувственные импульсы, идущие от своих родителей. Именно чувственные импульсы, а не произнесенные слова раскрывают подлинное отношение родителей к жизни, которое порой скрывается, сознательно или бессознательно, за маской общепринятой морали. Этот процесс назван психологом Ф. Перлзом интроспекцией: «Интроспекция — это невротический механизм, посредством которого мы принимаем в себя нормы, установки, способы действия и мышления, которые в действительности не являются нашими собственными»¹⁰⁵. Чувственный мир родителей, их собственная история начинают процесс воспроизводства нового поколения. Одни с детства воспитываются к труду и трудом (марксистское воспроизводство рабочей силы), другие, пренебрегая трудом, обретают холодную надменность, становясь аристократами. История входит в бессознательную жизнь человека. В традиционном обществе или в обществе вековой стабильности воспроизводится один и тот же тип классово-сословного человека. Но тем не менее, каждое поколение имеет нечто свое, отраженное в сознании изменчивым бытием, нюансы, которые соединяют—разъединяют поколения в зависимости от особенностей своего времени. Так, можно и нужно говорить о советском типе человека, но существующие в нем доми-

▶ ¹⁰⁵ Перлз, Ф. Практика гештальттерапии. М.: Академический проект, 2008. С. 195.

3.4. Человек и историческое бытие: шаги навстречу

нантные структуры наличествуют с переменными. Поэтому советский народ мог состоять из сталинистов, людей военного поколения и послевоенного, шестидесятников, семидесятников и прочих «десятников», но, тем не менее, объединял их всех определенными чертами.

Если установки родителей, их отношения и взаимоотношения на сознательном уровне совпадают с бессознательными установками, тогда ребенок изначально будет их воспринимать без внутренних противоречий, а при полном совпадении темпераментов родителей с ребенком складываются идеальные условия передачи исторических традиций, знаний следующему поколению. Так, еврейский народ, проживая в различных языково-культурных обществах, сохранил свои традиции, обычаи, запреты, веру, определенный набор профессиональных навыков. Сильны традиции и в мусульманских семьях. В тех малых группах, в сообществах, которые сумели себя изолировать от влияния больших социальных групп и общечеловеческих ценностей, в группах, в которых сохранился эмоциональный мир и нравственная атмосфера, имеется одинаково настроенная тональность общения, слова, поступки и личное поведение не расходятся между собою, а составляют единое целое. Дети воспроизводят культуру, обычаи, воспринимают традицию настолько глубоко, что внешним культурным ценностям, в том числе и гуманистическим, трудно пробить брешь — весь мир для них враждебен. И эта враждебность заставляет их еще больше сплотиться, и скорее изолируется не общность, а время. Вот почему так устойчивы касты, секты, преступные сообщества и нижние страты общества, общечеловеческая культура для которых в лучшем случае представляет форму. Таким образом, родительское воспитание и атмосфера детства в целом имеют огромное значение для формирования личности в целом и политических убеждений в частности. Неудивительно, что многие коммунисты (члены КПСС) так легко отказались от своих убеждений: с детства они воспитывались в мещанских традициях, на установке приспо-

собленчества, отсюда и вступление в партию было следствием такой установки, данью времени. Если в семьях при детях говорится одно, например, о равноправии и толерантности, но в тоне пренебрежительном или ироническом, то ребенок за основу восприятия возьмет не значение слов, не общий смысл, а тон, его оттенки, эмоциональную основу, которая содержит свое, иное от слов, содержание. Этим фактором можно объяснить парадоксы, когда во внешне благополучных семьях, считающихся в обществе интеллигентными, дети вырастают националистами. Отсюда живучесть тоталитарных убеждений в Германии, авторитарных в России. То, что заложено в раннем детстве, очень трудно будет развеять в старшем возрасте. Обратимся к Декарту: «Первая и главная причина наших ошибок — детские предрассудки. Вторая же в том, что мы не можем забыть эти предрассудки...»¹⁰⁶. Германская военная машина, а затем нацистская идеология результативно использовали психологическое зомбирование детей с помощью образовательной системы, и в результате сознание человека становится некритическим, восприимчивым к различного рода мифологизмам. Поэтому немецкое население до последних дней войны оставалось верным Гитлеру. Бруно Винцер, служивший в рейхсвере и гитлеровском вермахте, анализирует в своих мемуарах этот феномен. В Веймарской республике во всех классах пели гимн, строчки из которого таковы:

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего будет в мире.
Надо только сплотиться по-братски
В обороне и наступлении.

Еще до прихода Гитлера к власти в школах учили, что Германия оказалась жертвой заговора, «что кое-кто считал

▶ ¹⁰⁶ Хоружий, С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. С. 49.

3.4. Человек и историческое бытие: шаги навстречу

Германию слишком большой и сильной, она вытеснила англичан с мирового рынка, немецкий труд и культура всюду получили признание, поэтому союзники объединились, окружили Германию и втянули нас в войну»¹⁰⁷. Реваншистские взгляды, а затем нацистская идеология оказались успешными только потому, что то, «чему нас учили в школе о потерянных германских владениях, совпадало в основном с тем, что мы слышали дома»¹⁰⁸. Так, с детства на бессознательно-сознательном уровне в Германии воспитывались будущие солдаты Третьего рейха. Согласно Дж. Локку, «ум детей воспринимает от своих родителей, нянек и вообще от окружающих положения, которые, будучи внушены их доверчивому и непредубежденному разуму и постепенно утвердившись там, в конце концов (независимо от своей истинности и ложности) от долгой привычки и воспитания укореняются настолько прочно, что невозможно вырвать их оттуда»¹⁰⁹. Поэтому и предупреждает В. Райх человечество: «Нам постоянно нужно обращать пристальное внимание на то, что именно говорят фашисты»¹¹⁰.

Историческое бытие в сознании человека преломляется через призму негативных установок, выстраивая такие мифологемы, которые живут по своим собственным законам. Взрослый человек с таким сознанием будет идти на поводу у этих сконструированных легенд, которые питаются разнообразными историческими и псевдоисторическими фактами, отвергая все разумные доводы. Отсюда, история «волочит на помочах» человека, у которого своя виртуальная и дискретная история в голове, лишая его возможности быть субъектом истории.

Есть такие фундаментальные психологические установ-

¹⁰⁷ Винцер, Б. Солдат трех армий. М.: Вече, 2010. С. 34.

¹⁰⁸ Там же. С. 35.

¹⁰⁹ Локк, Дж. Об управлении разумом: Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1985. С. 192.

¹¹⁰ Райх, В. Психология масс и фашизм. М.: АСТ, 2004. С. 164.

ки, генезис которых связан с человеческим родом, и остальные родительские установки так или иначе будут связаны с ними, образуя различные узоры в общей картине «жизненной программы». Это отношение человека к другим (Я и Ты, Я и Они). Если в отношениях Я к Ты, Они, а также к Трудю прослеживается «–», негатив, то восприятие человеком исторического бытия будет искажено. Российский психолог М. Литвак, подробно рассматривая указанные комбинации (позиции «+», «–») Я, Ты, Они, Труд, отмечает, что «следует подчеркнуть отличие позиции от самооценки. Первая формируется в раннем детстве и зачастую не осознается. Она достаточно стабильна, тогда как самооценка довольно часто обусловлена конкретной ситуацией, наличием или отсутствием достижения и т. п.»¹¹¹. Человек будет следовать ущербной родительской установке, понапрасну растрачивая свою жизненную энергию, но, тем не менее, субъективно считая себя полнокровным субъектом, несущим истину в одном случае, и в другом — быть в состоянии подавленности и раболепства, теряя шансы стать личностью и полноправным субъектом. Таким образом, на человека воздействует не только историческое бытие, но и проект человека данного общества и государства, а также и тот проект, «жизненный сценарий», что создали родители, механизм которого детально прописан К. Хорни: «В основе психических расстройств лежат бессознательные стремления, которые получают развитие, поскольку позволяют человеку справиться с жизнью несмотря на его страхи, беспомощность и одиночество»¹¹². В результате искаженного представления о реальности и самом себе человек не может открыться бытию и его вот-бытию

¹¹¹ Литвак, М. Е. Неврозы: клиника, профилактика и лечение. Ростов н/Д.: Феникс, 2012. С. 43.

¹¹² Хорни, К. Самоанализ. М.: Академический проект, 2009. С. 25.

3.4. Человек и историческое бытие: шаги навстречу

есть искаженное как «Я», так и бытие. С каждым годом в мире и в нашей стране растет число невротических и психических заболеваний, что в целом влияет на общественное сознание. Если мы посмотрим на установки, «жизненные сценарии», отмеченные К. Хорни, то не будет удивителен тот факт, что христианский проект в Соединенных Штатах терпит крах. Сценарий никак не согласуется ни с проектом, ни, что самое пагубное, с реальностью. Та же история произошла и с Советским Союзом.

Поведение человека, класса, народа во многом зависит от бессознательных негативных установок. Культурный слой, гуманизм — слишком тонкая «материя», которая постоянно рвется в критические моменты жизни человека и общества. Вот как описывает такую ситуацию писатель-гуманист Томас Манн в романе «Доктор Фаустус»: «...но верно и то, что народ всегда остается народом, во всяком случае, в его существе имеется архаический пласт, который побуждает жителей с улицы Медников, в день выборов опускающих в урны социал-демократические бюллетени, приписывать что-то бесовское бедной старушке, прозябающей в подвале, и, завидя ее, хватать своих детей, чтобы уберечь их от ведьминого сглаза. Если бы такую женщину теперь предали сожжению, — у нас это вполне возможно, разве, что причину подыскали бы другую, — они бы стояли у костра, воздвигнутого перед магистратом, глазели, но о бунте бы не помышляли. Я говорю о народе, хотя такой пласт есть в каждом из нас, и скажу откровенно: я не считаю религию тем средством, которое не позволяет ему прорваться наружу. Здесь, по-моему, может помочь только литература, проповедь гуманизма, выдвигающего идеал свободного, прекрасного человека»¹¹³.

Австрийский писатель Роберт Музиль вывел девять

▶ ¹¹³ Манн, Т. Доктор Фаустус: Роман. М.: АСТ: Апрель, 2009. С. 43—44.

характеров человека: «профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический, половой, осознанный, неосознанный и еще, может быть, частный; он соединяет их в себе, но они растворяют его, и он есть, по сути, не что иное, как размытая этим множеством ручейков ложбинка, куда они прокрадываются и откуда текут дальше, чтобы наполнить с другими ручьями яму»¹¹⁴. Человек пассивно складывается из перечисленных статусных наборов, но, по мнению Р. Музиля, можно фантазией воплотить новый характер, не зависимый от всех предыдущих. Но фантазия, уносившая человека от реального бытия и уже переходящая в грезы, может сослужить негативную роль, как это случилось с героем Э. Канетти, который считал, что «каждому человеку нужна родина, не такая, как понимают ее примитивные ура-патриоты, и не религия, вялое предвкушение родины на том свете, нет, а родина, смыкающая почву, работу, друзей, отдых и духовный мир в одно упорядоченное целое, в собственный космос. Лучшее определение родины — библиотека»¹¹⁵.

Изучение истории, на наш взгляд, дает человеку шанс к формированию рационального и научного мировоззрения, если он не потеряет связь с современностью, с реальными, а не книжными героями или людьми из далекого прошлого. Рассматривая проблему вхождения человека в историческое бытие, мы должны отойти от категории абстрактного человека и перейти к анализу представителей классов российского дореволюционного общества и советского. Советская система не являлась полностью новаторской, она во многом есть логическое продолжение истории России, а может, и ее завершение. Именно история сформировала менталитет русского человека.

¹¹⁴ Музиль, Р. Человек без свойств. М.: Эксмо, 2008. С. 29.

¹¹⁵ Канетти, Элиас. Слепленение. СПб.: Симпозиум. 2000. С. 83—84.

3.5

Особенности менталитета русского человека

Крестьянина воспитывал сельский мир, впитавший в себя покорность и стихию, трудолюбие и бесхозяйственность, хитрость и «авось», — отсюда и многообразие типов русского характера, его непредсказуемость, прописанные русской классикой, а также, «по мнению ученых-психологов, у русских есть особые способности к интуиции и предчувствию, у них больше восточной иррациональности, чем западной рациональности, эмоции всегда преобладают над разумом, а страсти — над материальными интересами»¹¹⁶. В передаче исторической информации важно отметить следующее: исторические личности рассматриваются в контексте «свой—чужой». «Свой» — это человек, заступник крестьянского мира. Диспозиция свой—чужой и обязательная принадлежность к какой-либо группе людей долгие годы, вплоть до нашего времени, будет определяющей в социальной структуре общества. Деревня на деревню, улица на улицу, двор на двор — через эти противостояния проходила социализация человека, и не только крестьянина. В советское время, когда изменилась, благодаря вертикальной мобильности, стратификация общества, через это прошли почти все советские люди. «Основной вопрос в России — **чей?** Оказавшись теперь “**ничей**”, человек ощущает, будто стержень, и тягу, и смысл жить из-под тебя выбивают»¹¹⁷.

Время, когда крестьяне жили в благочестии, «золотое время», навсегда в прошлом. В истории не было периода,

¹¹⁶ *Сергеева, А. В.* Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2018. С. 292.

¹¹⁷ *Гачев, Г. Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2008. С. 25.

когда крестьяне были бы довольны своим настоящим положением. Крестьяне всегда скептически к переменам и недоверчивы к другим сословиям, особенно горожанам. С детских лет они унаследуют одну из главных установок, подтверждаемую впоследствии личным опытом, — «надейся только на свои руки и на близких». Близкие — это прежде всего родственники и соседи, люди из одной общины, деревни. Сельская община не сделала человека коллективистом, как и не сделали этого позже колхозы — он был и оставался собственником, единоличником, его двор — крепость, все свое — дороже; внутренний мир закрыт для других, но с виду может выглядеть простецки открытым. Проявление солидарности, помощи он рассматривал как взаимовыручку, как доброе дело, за которое непременно кто-то расплатится (общество, судьба, Бог), но не как самопожертвование, и тем более не как бескорыстное человеколюбие. Классическая литература, проза деревенщиков полна примерами из народной жизни, в которой происходит конфликт человека с коллективом, и правда порой на стороне первого. Именно трудолюбие, семейная взаимопомощь или мысли о близких (в этом и заключается забота о Бытие) позволили пройти такому человеку через все испытания: войны, революции, коллективизацию, индустриализацию.

Крестьянский мир, община — сложное амбивалентное явление российской истории. Крестьянский мир может совпадать с интересами государства, тогда «своим» в контексте славянофильства и официального народничества становится добрый царь. Славянофилы видят идеальные отношения между властью и народом в допетровской Руси, официальные народники — и в императорской. Сами же крестьяне идеализировали тех правителей и народных героев, которые, по их мнению, были заступниками от боярского (помещичьего) засилья и негативно относились в целом к правящей элите. Об этом свидетельствуют былины — жанр народного устного творчества, в котором без искажений, без цензуры передаются подлинные чувства. По ним и выяв-

3.5. Особенности менталитета русского человека

лены отрицательные характеристики князей и бояр, в том числе былинного князя Владимира. Так, в отрывке былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» чувствуется насмешливое отношение богатыря к князю, которого он упрекает за то, что «при княжеском дворе все угодничают перед Тугариным»¹¹⁸. Иван Грозный в русском фольклоре отражен больше положительно, чем отрицательно: «Народ любил Грозного, поддерживал его борьбу. В одном из рассказов царь казнит воеводу за то, что тот взял взятку — гуся, начиненного золотом, в другом говорится, что Грозный — царь из мужиков»¹¹⁹. В контексте векового противоборства власти и народа объяснима любовь народа (крестьян) к Сталину — все репрессии можно представить и как борьбу против врагов народа, и как борьбу против бюрократии. Подлинными героями были Разин, Пугачев, местные бунтари. От восстания Кондратия Булавина осталась поговорка «Кондратий пришел», как напоминание богатым о расплате за свои деяния.

Мир истории входит в сознание ребенка вместе с колыбельными песнями, былинами, сказками, образуя подлинную народную культуру мифологического типа. Народная культура во многом была оппозиционна официальной, тем более дворянской. Мы солидарны с марксистским пониманием культуры, в контексте которого наряду с общенациональной культурой в обществе есть и элементы и целые концепты классовой культуры, субкультуры, существующие как параллельно-нейтральные, так и пересекающиеся, конфликтующие друг с другом. Жизнь, связанная с постоянным взаимоотношением человека и природы, дает ему возможность развивать свой чувственный мир, ощущать единство с природой, развивать творческие способности. Но эти взаимоотношения строятся через труд. Труд, а не земля, становится

▶ ¹¹⁸ Очерки русской культуры XVII века. В 2 ч. Ч. 2. Духовная культура. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 93.

¹¹⁹ Там же. С. 97.

смыслообразующим для крестьянина, его онтологической основой. Отрыв крестьянина от земли не означал ни потери человеческой самости, ни тем более его гибели. Труженик крестьянин и в солдатской шинели, и в рабочей робе. Но лишение человека способности или возможности к труду расчеловечивает его, лишает опоры в жизни и лучших позитивных качеств.

«Неоспоримо, в нашем крестьянине есть много доброго; есть такие светлые стороны, которые, будь они развиты и направлены правильно, сделали бы его лучшим крестьянином в свете. Но все это покрыто такой грубой корой невежества, так задавлено всею его житейской обстановкой, что много нужно трудов и усилий, дабы добраться до того, что скрывается в глубине души его»¹²⁰, — было отмечено в XIX веке. Верно это высказывание и сейчас. Отрыв человека от земли, лежащей под ногами, к звездному небу, преодоление собственнических инстинктов и эгоистических интересов, приобщение к общечеловеческим интересам и мировой культуре приводят к рождению великих и неприметных, гениальных и творчески способных людей с новым гуманистическим мировоззрением. Ученый М. Ломоносов, поэт С. Есенин, философ А. Зиновьев, писатель Ф. Абрамов — в бесконечном списке выдающихся людей, вышедших из крестьянских семей.

Многие века крестьяне были носителями и хранителями исторического бытия России. Их созерцательный образ жизни сослужил для истории России добрую службу в деле сохранения огромного пласта народной культуры. Историческая наука имеет огромный запас информации, фольклорных текстов, материальных артефактов, научных исследований. Но историческая память современного человека, чьи неда-

 ¹²⁰ Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 510.

3.5. Особенности менталитета русского человека

лекие предки были крестьянами, да и память самих крестьян, уже не несет в себе своего прошлого. Большинство людей указанной категории, особенно молодых, не знают имена своих прародителей. Произошел разрыв человека со своим историческим бытием. Исчезновение крестьянства как класса, сословия, имеющего свою уникальную культуру, меняет облик России, превращает ее в безликое пространство.

Рассмотрим дворянское сословие с точки зрения носителя, хранителя и передатчика исторической информации. Историческое бытие, входящее в жизнь дворянина, было одновременно и целостным и расколотым. Такой двойственный феномен бытия начинается с самого детства.

Воспитание дворян было двухуровневым. На первом уровне (первичная социализация) огромную роль играло домашнее воспитание с приглашением иностранных гувернеров и учителей при сохранявшейся связи с народом, осуществляемой кормилицами, няньками, дядьками. Происходило одновременно знакомство с классической культурой и народной мифологизированной культурой, через систему взаимоотношений (посещение деревень, совместное богослужение, соблюдение обрядов и праздников), существующих в «дворянских гнездах». Второй уровень (вторичная социализация) — это государственная, во многом казенная, система обучения в гимназиях и университетах, здесь европейская культура вытесняет народную. Зазор между уровнями был настолько большой, что одна часть дворянства так и не смогла адаптироваться к социальной жизни общества и замыкалась в своих имениях, другая же, наоборот, разрывала все связи с русской традицией, переходя на европейский образ жизни и на французский язык (не только при общении, но и при мышлении). Большинство дворян сумели втиснуть в свое мирозерцание два, во многом противоположных, мира, так что не замечали никаких противоречий. Отсюда постоянная двойственность в мышлении и поступках, отмеченная русской классикой. С одной стороны — честь и достоинство, с другой безынициативность

и покорность судьбе, высокие мечты и мелкие деяния. Противостояние между дворянством и крестьянами, между дворянством и другими сословиями, между дворянством и народом в целом имело экономическое и политическое основание, но оно было закреплено и нравственно в тот момент, когда вошел в жизнь указ «О вольности дворянства», подписанный Петром III и осуществленный Екатериной II. С этого времени дворянское понятие долга и чести стало расходиться. Долг перед Отчиной, государством, народом стал не обязательным, а честь трансформировалась в гипертрофированное чувство собственного достоинства. Теперь народ должен выполнять обязанности перед обществом, а дворяне эти обязанности могли выполнить по желанию. Желание с годами уменьшалось, дворянство паразитировало, раскол в обществе усиливался.

Так как образование в России в большей степени было гуманитарным, классическим, то и культурный уровень дворянства в целом был на высоте. Феномен «золотого века» русской культуры как раз лежит в сфере воспитания и образования. Авторитарная система самодержавия прямо не вмешивалась в личную жизнь человека. С другой стороны, не слишком глубокой была и религиозность. Однако огромное влияние имели абстрактные идеи Просвещения и Гуманизма, которые порой перебивали аристократические традиции родителей и приближали человека с «голубой кровью» к народу. И это уникальный случай в истории, когда образование, основанное на достижениях классической культуры, западной философии, на идеях Просвещения, дало импульс к зарождению нового сословия людей — интеллигенции, синтезирующей народную и аристократическую культуры. Освоив дворянскую культуру, люди разных сословий становились интеллигентами. Этому отчасти способствовал и Табель о рангах, позволяющий на определенной ступени службы стать дворянином.

Представители других слоев населения царской России также несут в себе отпечаток раздвоенности, незавершен-

3.5. Особенности менталитета русского человека

ности. Мещанство как образ жизни, ранговая система, коррумпированность и взяточничество — вот она, российская действительность, что породила тип русского чиновника с позицией «как бы чего не вышло». А зарождающуюся буржуазию Ленин назвал трусливой и несамостоятельной, и можно с ним согласиться, зная ее непоследовательную политику, завершившуюся крахом во время Февральской революции.

Таким образом, про русского человека в целом можно сказать, что он «существо с ускользающей сущностью»¹²¹. М. Хайдеггер пояснил, что ускользающая сущность возникает в результате не до конца разрешенного вопроса о сущем, его бытие и границах этого бытия, другими словами, игнорирование основного вопроса философии, нахождение на границе веры и безверия. Вот как описал такое состояние С. Хоружий: «Рождается особая, весьма специфическая структура сознания: сознание в подвешенном состоянии, специально затягиваемом состоянии выбора, причем выбора онтологического, между двумя бытийными стратегиями. Определяющая черта этой структуры та, что в сознании одновременно присутствуют два взаимоисключающих и онтологически различных полюса, два мира, между которыми надо сделать выбор: онтологическая замкнутость и онтологическая открытость»¹²². Добавим, что сказанное относится только к лицам гамлетовского типа, саморефлексирующим, какими, безусловно, были представители дворянства, интеллигенция, а также представители власти, например Иван Грозный, Павел I. Основная часть населения вынуждена находиться в «подвешенном» состоянии, следуя выбору власти и ориентируясь на духовную элиту. Сущность такого че-

¹²¹ *Гиренок, Ф.* Абсурд и речь: Антропология воображаемого. М.: Академический проект, 2012. С. 8.

¹²² *Хоружий, С. С.* Фонарь Диогена: Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2010. С. 253.

ловека внутри и вовне. Русский человек всегда будет неполным без государства, религии, без другого.

Крещение Руси заставило сменить парадигму сознания древних славян. Изменение канонов православия при патриархе Никоне произошло без согласия на то православных, то же — с введением и отменой патриаршества, в XX веке люди (при жизни одного поколения) несколько раз вынуждены были менять свое мировоззрение. С. Кьеркегор так обозначил такое состояние человека — «язычество внутри христианства», «христианское язычество» как бездуховное. «Поскольку развитость, интенсивность страха прямо соотносится с высотой духовной организации, то страх в бездуховности — недоразвитая «скрытая» формация, где страх словно выжидает или маскируется. Страх присутствует и в бездуховности, но он тут скрыт и нем, и от своего маскарада он, быть может, еще ужаснее»¹²³. Советская система, как показала история, во многом держалась на людях в масках коммунистической идеологии, которые сами не верили в коммунизм, но заставляли верить других. Человек, за которого решен основной мировоззренческий вопрос, утрачивает свою сущность, но экзистенциальный страх будет подстерегать его на каждом поворотном этапе жизни. Страх может дать толчок к духовному перерождению, но может загнать человека в угол, в котором защитой от страха будет оккультизм, магия, колдовство и прочая эзотерика с мнимыми и реальными идолами и героями в лице харизматичных лидеров.

В целом можно сказать, что историческое бытие в авторитарно-тоталитарных условиях, где постоянно ощущается угроза существованию, привело к такой ситуации, о которой поэт сказал — «Народ безмолвствует». Но всякому без-

¹²³ *Хоружий, С. С.* Фонарь Диогена: Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2010. С. 253.

3.5. Особенности менталитета русского человека

молвствованию есть предел. перейдя Рубикон, народ становится субъектом беспощадного бунта («трус, доведенный до отчаяния, способен на любой подвиг» у Гете), во время которого отвергаются оба онтологических мира (человек нарушает все правила общественной и религиозной жизни). В «черном бунте» народ ощущает эмоциональное удовлетворение. В условиях административной системы тот, кто имеет огромный потенциал к активной деятельности, может дать ей выход, но в большинстве случаев через нарушение законности, разрушение каких-либо устоев (вспомним Чичикова). Толчком к позитивному пробуждению, по мнению философов и психологов, занимающихся данной проблемой, должно быть обращение к самому себе, к рационализации бессознательности, с одной стороны, и с другой — к правовой возможности применения активности человека в социальной сфере.

В наше время положение с воспроизводством ценностных ориентиров коренным образом не изменилось. Люди, особенно сельские жители, по-прежнему воспитываются в традиции русского крестьянства, воспроизводят свою псевдоисторию, сформированную в диспозиции «свой—чужой», при этом государство, независимо от его сущности, внутренней политики, выражает позицию «своего». Отсюда — Сталин есть и будет народным героем, что и подтверждают социологические исследования, и никакие «Иваны Денисовичи» не смогут переломить общественное сознание, так как народное сознание — это чувственное сознание, живущее по своим законам и не воспринимающее рациональные аргументы. В лучшем случае, сознание может совместить два концепта абсолютно разных представлений исторического события в единое мифологизированное, как в русских сказках один и тот же зверь, например медведь, может быть то добрым, то злым. Только рационализация сознания в целом, смена мировоззренческой парадигмы, изменение общественного поля воздействия могут изменить это положение.

История Отечества XX века, революции и войны, встряхнувшие все общество, изменив его стратификацию, выявили в наше время еще одну серьезную проблему. Человек стал забывать свои исторические корни. Для многих генеалогическое древо завершается уже дедушками и бабушками. Глубже — пустота. Положение усложняется демографической ситуацией, характеризующейся снижением народонаселения; неблагоприятной социальной обстановкой, что в совокупности порождает кризис семьи, выраженный большим процентом разводов, неполных семей, брошенных детей. В этой ситуации ребенок объективно не может узнать историю своих предков. Ребенок вырастает индифферентным к истории своего рода, но становится восприимчивым к тем историческим и псевдоисторическим фактам, которые могут наполнить смыслом его существование. Отсюда возникает объективная потребность общества в истории «золотого века», компенсировавшая убогое настоящее и отсутствие личной исторической памяти. История «золотого века» может быть только мифологизирована. Но не всем так плохо в настоящем. Огромный слой людей — представители чиновничества, бизнесмены, шоу-звезды, богема воспринимают современную историю как предоставленную возможность проявить свои явные и мнимые способности, почувствовать себя хозяевами жизни, Бытия. Этому способствует и психологическая установка, данная родителями. К. Хорни определила их следующим образом:

- ▶ как «стремление к господству над другими»;
- ▶ преданность делу, долгу, ответственность хотя и играют определенную роль, но движущей силой все же не являются;
- ▶ неуважение других людей, их индивидуальности, достоинства, чувств, стремление подчинить их себе;
- ▶ наличие с разной степенью выраженных деструктивных элементов;
- ▶ преклонение перед любой силой и презрение к слабости;

3.5. Особенности менталитета русского человека

- ▶ боязнь неконтролируемых ситуаций;
- ▶ боязнь беспомощности»¹²⁴.

Обратная сторона такой установки, ее необходимое дополнение, есть невротическая потребность в эксплуатации других, не мытьем, так катаньем добиваться для себя преимуществ:

- ▶ «оценка других людей, прежде всего с точки зрения того, можно или нет их эксплуатировать и извлечь выгоду;
- ▶ различные сферы эксплуатации — деньги (накопление денег становится болезненной страстью), идеи, сексуальность, чувства;
- ▶ гордость своим умением эксплуатировать других;
- ▶ боязнь самому подвергаться эксплуатации и, таким образом, оказаться в “дураках”»¹²⁵.

Надо отметить, что указанная жизненная программа (установка) характерна западному обществу с вековой традицией предпринимательского духа. В России она все больше находит благоприятную почву для реализации в последние десятилетия. Но с 90-х годов прошлого века предпринимательство у нас приняло уголовный оттенок, и то, что было характерно для Европы в Новое время, описанное К. Марксом в «Капитале», стало реальностью в современной России.

Современная шоу-элита, состоящая из «звезд» массовой культуры, богемы, активно внедряет в жизнь своего окружения невротическую потребность в восхищении собой, куда входят раздутое представление о себе (нарциссизм); потребность в восхищении не тем, что человек представляет собой на самом деле или чем он обладает в глазах окружающих, а воображаемыми качествами; самооценка, целиком зависящая от соответствия этому образу и от восхищения этим образом других людей; боязнь утратить восхищение (оказаться «униженным»).

▶ ¹²⁴ Хорни, К. Самоанализ. М.: Академический проект, 2009. С. 36.

¹²⁵ Там же. С. 36.

В менталитете русского народа есть главная доминанта, выработанная историческим процессом, — выжить в любых сложных условиях, приспособиться к любому режиму власти, но только на время, пусть и длительное. Сама жизнь в условиях российского бытия считается страданием, но, в отличие от буддизма, русский человек не бежит от нее, где героически, где мученически переносит страдания, в коротких перерывах между ними окунается в разгул, пьянство, порой в разбой. И так из века в век страдания сопровождают жизнь человека, отражаясь в русской литературе, искусстве и философии. Психологи утверждают, что адаптационные возможности человека безграничны и к страданиям человек привыкает, вписывает их в свой образ жизни и, возможно, находит в них некоторое удовлетворение. Пессимизм, навеянный страданиями жизни, присущ определенной части населения, которая несет свой крест до конца жизни, но большинство населения научилось компенсировать страдания радостями тех сторон бытия, которые имманентно несут в себе красоту, как, например, природа. Человек заполнял свой духовный мир сказками, играми, песнями, искусством, мечтами о счастливой жизни в будущем. Но лишь в советское время люди поверили в возможность сказку сделать былью. Человек, который нашел в многообразии бытия светлые стороны жизни, и страдания, связанные с трудом, переносит легче. Труд, который в российской истории был и есть напряжением всех физических и духовных сил, воспринимается населением по-разному. Одна категория людей добровольно возлагает труд на себя и несет как крест, долг, другие бегут от него. Отсюда и две противоположные установки в различных вариациях: надейся только на себя, на свои руки, на работу — первая, и вторая — ищи себе лучшего будущего где угодно, только не в труде. Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Эти две позиции по-разному проявляются в типах мировоззрений — созерцательном и активистском. В первом труд — средство к существованию, во втором труд — цель жизни. Если на бессознательном уровне

3.5. Особенности менталитета русского человека

человеку вкладывают негативное отношение к труду, то его отношение к бытию в целом будет также негативным, хотя отдельные люди с достатком и могут прожить в «феодалных» замках, отгородившись от проблем общества, но можно ли такой образ жизни назвать жизнью?

Историческое бытие в сознании человека преломляется через призму негативных установок, выстраивая такие мифологемы, которые живут по своим собственным законам. Взрослый человек с таким сознанием будет идти на поводу этих сконструированных легенд, которые питаются разнообразными историческими и псевдоисторическими фактами, отвергая все разумные доводы. Отсюда, история «волочит на помочах» человека, у которого своя виртуальная и дискретная история в голове, лишая его возможности быть субъектом истории.

Есть такие фундаментальные психологические установки, генезис которых связан с человеческим родом, и остальные родительские установки так или иначе будут связаны с ними, образуя различные узоры в общей картине «жизненной программы». Это отношение человека к другим (Я и Ты, Я и Они). Различный образ жизни сословий — рабочих, крестьян, интеллигенции вырабатывал свои приоритеты.

Крестьянская патриархальная семья, рабочие семьи, связанные родственными связями с деревней, держатся на принципе взаимопомощи. Установка (речь идет о негативных установках) родителей своим детям в таких семьях: «держишься за своих и не доверяй чужим». В советское время она была ослаблена коммунистической идеологией и социальной действительностью (высокой мобильностью), но в настоящее время снова возрождается, подчас принимая уродливую форму, выраженную непримиримой враждебностью ко всему чужому. Диаспоры, национальные товарищества, малые народы этот принцип сделали вековым укладом, стратегией выживания.

В рабочих семьях, в семьях чиновников, военнослужа-

щих жизненный план более благожелателен по отношению к далеким и не содержит иллюзий по отношению к близким. Солидарность впитывается в сознание людей историческим развитием, соответственно, многие родители создают атмосферу уважительности к людям труда. Вот как описывает жизнь рабочих 30-х годов XX века русский писатель-эмигрант Г. Газданов, трудившийся на парижской фабрике: «Не смотря на то, однако, что я был совершенно чужд этим моим товарищам по работе — фрезеровщикам, сверловщикам, слесарям, — у меня с ними были прекрасные отношения, и в чисто человеческом смысле они были, во всяком случае, не хуже, а часто даже лучше, чем представители других профессий, с которыми мне пришлось сталкиваться, и, во всяком случае, честнее. Меня поражало, мне не могло не imponировать то веселое мужество, с которым они жили. Я знал, что то, что мне казалось каторжным лишением свободы, было для них нормальным состоянием, в их глазах мир был иначе устроен, чем в моих; у них соответственно этому были изменены все реакции на него, как это бывает с третьим или четвертым поколением дрессированных животных...»¹²⁶. С проницательностью художника он сделал важное сравнение воспроизводства рабочих, их воспитания с дрессировкой, которое, как мы знаем, основано на бессознательных рефлексах. Воспроизводится отношение к труду, жизни, мироощущение в целом. Современные французские рабочие живут в иной обстановке, у них время на досуг, который необходим для формирования личности, увеличилось. Прервалась ли та нить истории, связывающая рабочий класс в единую историческую целостность, или новая социальная общность сохранила все традиции, — вопрос открытый. В России сильнее сохраняются негативные традиции, нежели позитивные.

▶ ¹²⁶ Газданов, Гайто. Ночные дороги: Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: ЭллисЛАК, 2009. С. 30—31.

3.5. Особенности менталитета русского человека

В рабочем классе параллельно действует и такая установка, как «классовое чутье», — доведенная до вульгаризма, но имеющая реальную почву, — негативное отношение к людям из других социально-классовых групп и страт. Похожая установка в религиозных семьях — позитивная к единоверцам и негативная ко всем остальным. Напомним, что установка «живет» на бессознательном уровне: при вербальном и формально поведенческом стиле толерантности передается реальная духовная атмосфера семьи. Знаменитая фраза Пушкина «Народ безмолвствует» может означать только одно: на бессознательном уровне он уже принял решение. (Научно доказано, что принятое решение и осознание этого принятого решения происходит в интервале шести секунд.) Или, что будет точнее, бессознательное, основанное на страхе, выработанном всей предшествующей историей, руководит настоящим. Поэтому все крестьянские бунты можно рассматривать как бунт не столько настоящего, сколько прошлого, историю как сублимации векового терпения и страха. В истории довольно часто прошлое настигает настоящее и наказывает не всегда тех, на кого копилась обида.

Рабочие, занимающиеся техническим трудом, очищают свое сознание от разного рода верований и традиций, свойственных крестьянам, развивают рациональное сознание, становясь более свободными. Станет ли свобода полностью осознанной, как хотел Маркс, солидарность органической, по Дюркгейму, — вопрос открытый. Вот точка зрения российского писателя-эмигранта: «После того как я прожил несколько лет среди различных категорий людей, и в частности, после ужасного фабричного стажа, позже, в университете, когда я слушал лекции профессоров и читал книги, необходимые для курса социологии, который я сдавал, меня удивляло глубочайшее, неправдоподобное несоответствие их содержания с тем, о чем в них шла речь. Все без исключения теоретически социальные и экономические системы — мне это казалось очевидным — имели очень особенное представление о так называемом пролетариате, который был

предметом их изучения; они все рассуждали так, как если бы они сами — с их привычкой к культурной жизни, с их интеллигентскими требованиями — ставили себя в положение рабочего; и путь пролетариата представлялся им неизбежно чем-то вроде обратного их пути к самим себе. Но мои разговоры по этому поводу обычно не приводили ни к чему — и убедили меня лишней раз, что большинство людей не способно к тому титаническому усилию над собой, которое необходимо, чтобы постараться понять человека чужой среды, чужого происхождения и у которого мозг устроен иначе, чем они привыкли себе его представлять. К тому же я заметил, что люди очень определенных профессий, и в частности ученые, профессора, привыкшие десятки лет оперировать одними и теми же условными понятиями, которые нередко существовали только в их воображении, допускали какие-то изменения лишь в пределах этого круга понятий и органически не выносили мысли, что к этому может прибавиться — и все изменить — нечто новое, непредвиденное или незамеченное ими»¹²⁷. Газданов отметил все болевые стороны социологии, политологии, политической экономии, изучающих социальные группы, в особенности пролетариат и его роль в истории.

Если Маркс в своих теоретических трудах и программных заявлениях опирался на эмпирические данные, предоставляемые другом и соратником — Энгельсом, фабрикантом, знавшим жизнь рабочих, то впоследствии как марксисты, так и их оппоненты больше оперировали абстрактными понятиями, чем фактами. Но тем не менее и Маркс упрекается Бердяевым в слабой гносеологии. «Маркс и Энгельс — дети буржуазии, вышли из нее и унаследовали навыки ее мысли. Они не выразители мысли самого пролетариата, который никакой особенной мысли не обнаруживает и скло-

▶ ¹²⁷ Газданов, *Гайто*. Ночные дороги: Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: ЭллисЛАК, 2009. С. 65.

3.5. Особенности менталитета русского человека

нен повторять зады буржуазного радикального просветительства, они создатели мессианской идеи пролетариата, совсем не похожей на пролетариат эмпирической»¹²⁸. Философ сделал свой вывод, опираясь на теоретические изыскания, писатель (Газданов) — из эмпирических наблюдений, теория подтвердилась на практике. Ленин, перенося марксизм на русскую почву, обнаружил в нем антропологический разрыв и отсюда его программное заявление о внесении социализма в рабочее движение. Миссией становится не пролетариат, а коммунистическая партия (авангард рабочего класса). Но для этого необходимо очистить сознание от религиозных предрассудков и нацелить его на освоение теоретического марксизма, диалектику, обогащая «культурным багажом человечества». Идея Ленина логична, но, что в принципе он и не отрицал, для ее реализации необходимо наличие высокообразованных и высоконравственных членов партии и наличие фактора времени. История показала дефицит того и другого. Антропологический кризис постиг саму партию. Рабочий класс так и остался классом «в себе», не познанным ни советской философией, ни ущербной социологией, что позволило сказать А. Зиновьеву: «Если раньше философы только объясняли мир, то теперь они не делают этого»¹²⁹. Коммунистическая идеология, направленная на сознание рабочего, для Леха Валенсы оказалась слабее подсознательных установок его родителей на восприятие католических ценностей. Э. Фромм правильно отметил проблему: «Предпосылкой освобождения для Фрейда было осознание неосознанного, а для Маркса — осознание социально-экономических сил и классовых интересов. По мнению обоих, предпосылкой освобождения должно быть не только

¹²⁸ Бердяев, Н. А. Рецензия на книгу: В. Ф. Асмус «Очерки истории диалектики в новой философии». М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 342.

¹²⁹ Как это было: воспоминания и размышления. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 399.

осознание, но также активная воля и готовность к борьбе»¹³⁰. Но как синхронизировать два акта освобождения в единый порыв? Что должно быть толчком к кардинальному переосмыслению своих внутренних мотивов поступков, отрицанию «программы жизни» и созданию новой? Кто является носителем рационального сознания и гуманистических ценностей? З. Фрейд до конца жизни не смог освободиться от комплексов, К. Маркс в зрелые годы стал более скептично относиться к пролетарской революции в Европе. Парадокс рабочего класса в том, что он создает историю, является двигателем прогресса, но сам плетется в хвосте истории, не в состоянии ее осмыслить самостоятельно. Тем не менее у рабочего класса есть все потенциальные возможности, выработанные рациональной деятельностью, что может позволить ему освободиться от предубеждений и негативных традиций действительности прошлого, которые проникают в него в виде установок своих родителей.

В семьях потомственной интеллигенции, как правило, нуклеарных, психологические установки столь различны, что трудно выделить главные, определяющие. В целом, в таких семьях передается позитивное отношение к людям, к человечеству (что является признаком интеллигентности). Сама атмосфера свободомыслия, наличие книг, общение с умными людьми помогают этому, компенсируя иногда отсутствие должного внимания к своим детям. Но если между поведением родителей и их словами возникает трещина, несоответствие, то возникает благодатная почва для цинического восприятия как исторического, так и наличествующего бытия.

Интеллигенция тонко восприимчива к бытию, она открыта миру всеми своими чувствами и в зависимости от своей психологической организации рассматривает определенную сторону бытия, ее грань через свою индивидуаль-

 ¹³⁰ Фромм, Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 91.

3.5. Особенности менталитета русского человека

ную особенность. В таком человеке две противоборствующие противоречивые черты, которые являются его внутренним двигателем, — это восприимчивость какой-либо идеи и творческое приобщение к себе ее так, чтобы в ней присутствовало что-то личное, оригинальное. Это лично-оригинальное постоянно находится в напряжении с догматическими учениями. Соотношение новаторства и консерватизма может быть критерием дифференциации интеллигенции, позволяющим выделить из нее три группы. Первая характеризуется чрезмерной восприимчивостью к идее за счет потери своей оригинальности, идея полностью поглощает человека, лишая его критического анализа, но усиливая до фанатических пределов волю ради ее проповедования и воплощения. Источником такого подхода может быть как психологическая установка в семье, так и, наоборот, противоборство диктату установки, действие от противного. Многие революционеры вышли из дворянских семей, из духовенства. Возможен и сознательный выбор, когда человек, проникнувшись какой-либо идеей, воспринимает ее как руководство к действию, наложив табу на ее критику. Учебники по истории КПСС советского времени являются свидетелями такого подхода к теориям и идеям. Ко второй группе относятся те, кто ценит свое «Я», боится полной идентификации с какой-либо группой, как правило, это люди с завышенной самооценкой и заниженной самокритичностью. Если это не гениальные люди, философы и ученые, создавшие оригинальные системы, то, не встретив достойную критику или не прислушавшись к ней, могут довести любое учение, идею до абсурда. Если эта идея затрагивает интересы общества, а их носитель обладает властью или может влиять на нее, то их деятельность может представлять определенную угрозу. В большом искусстве этот слой людей должен быть преобладающим, в ином случае она превращается в массовую культуру. Третий вид интеллигенции — люди, постоянно имеющие рациональный контроль, готовые отстаивать принятые или выработанные идеи, но не за счет потери

своего «Я», не за счет нравственности и гуманистических ценностей. В развивающемся мире они сами развиваются и готовы принять новые идеи, они всегда в поиске. Не все достигают гармонии с миром идей, многие переходят на нигилистические позиции, но нигилизм у них также различается. У одних это волевая позиция человека, не допускающая абсурда внутрь себя (Камю, герои Газданова), у других — это вечные компромиссы, истерика, разрушающие духовность человека (Клим Самгин). Русская философия, являясь порождением европейской культуры, занималась саморефлексией, выявила все положительные и отрицательные черты русской интеллигенции. Отметим те, что напрямую связаны с историческим бытием и современностью.

По-прежнему продолжается противоборство изменивших свою форму, но не суть, западников и славянофилов. По-прежнему актуальны вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Среди интеллигенции нет единой точки зрения ни по одному важному вопросу исторического прошлого, ни по одному политическому деятелю. История — вечное поле битвы, и, к сожалению, не столько интеллектуальное, сколько идеологически-политическое. Интеллигенция непримирима не только к своим оппонентам, но и к своим единомышленникам, как из-за ревности, так и из-за психологических особенностей характера.

В целом отметим следующее: человек с рождения вступает в историческое бытие. Носителями этого бытия первоначально являются родители или лица, их замещающие. Именно они дают жизненные установки, как на сознательном, так и бессознательном уровне. Детские представления являются наиболее эмоциональными и яркими и их трудно развеять в будущем. Человек желает воспринимать те сведения из истории, которые вписываются в его «жизненную программу», тем самым лишается объективности, что не позволит ему стать подлинным субъектом истории.

В России слова летописца Нестора: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Да поидете княжит и владе-

3.5. Особенности менталитета русского человека

ти нами» — являются архетипом русской истории. Чтобы было более понятно, разобьем фразу на составные части. Земля богата и обильна (более поздняя вариация «земля Божья — земля ничья»), отсюда — можно не экономить и не заботиться о ней, вырубать леса, истреблять зверье, не заботиться об отходах производства; к богатству стали относить и людей — отсюда «лес рубят, щепки летят», человек такой же объект эксплуатации, как и природа. Последствия налицо — по экологии, по уровню безопасности жизни, по культуре поведения Россия в мире занимает далеко не первое место. Слова летописца, что порядка нет, стали негласным правилом. Человек привык к тому, что беспорядок это норма. Слова императора Николая I об одном из самых красивых городов: «В Нижнем природа сделала все, чтобы украсить город, а люди делают все, чтобы его испортить»¹³¹ применимы ко многим городам России, историческим и современным. Человек изначально привыкает к неустроенности, к хаосу, в котором есть островки порядка и культуры. И, наконец, «идите и правьте нами» — выражается отношение к власти. Она, власть, при любой форме правления (исключение — несколько лет советской власти) считается чужой, наделенной демонической силой, живущей по своим законам. Отсюда, вопреки логике и очевидным фактам, повсеместно употребляемая в обществе фраза «от меня (от нас) ничего не зависит». Человек и государство, человек и человек, человек и власть — постоянно находятся в тотальном отчуждении в изменяющемся историческом бытии. Выход, на наш взгляд, один — просвещение и рационализация сознания. «Следовало бы начать с воспитания, организовав последнее так, чтобы сделать истинное благо и истинное зло как можно более ощутимыми, преобразуя для этого абстрактные понятия о них в наиболее соответствующие им

▶ ¹³¹ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 625.

факты»¹³². Мы рассмотрели ситуацию, в которой историческое бытие проникает в мир человека, в его сознание, становится частью его самого, вот-бытием. История входит в человека через ощущения, восприятия, связывающие человека с бытием. С раннего детства человек впитывает в себя духовную атмосферу, царившую в семье. В свою очередь, семейная духовная атмосфера это не столько явление, возникшее в результате уникальных взаимоотношений членов семьи, сколько естественные отношения, выработанные подлинной историей в кругу людей, в обществе, куда входят представители семей. В семье взаимоотношения людей в наибольшей степени откровенны, они освобождаются от стандартов, застывших правил норм, официоза; здесь культура общества предстает обнаженной, как внезапно открывшаяся «вещь в себе». Если еще и существует вербальное прикрытие поступков человека, то его настроение, фон поведения, эмоциональную напряженность, все, что составляет духовную атмосферу, скрыть нельзя. Именно она, духовная атмосфера семьи, как индивидуальный продукт истории, начинает на бессознательном уровне формировать ребенка, его духовный мир, в том числе и отношение к истории. «Мировоззрение является не столько чем-то индивидуальным, но берет свое начало в традиции, являясь *органическим* поражением тех сил, которые и определяют соответствующий облик цивилизации»¹³³.

Человек осваивает историческое бытие, проникает в историю своими органами чувств, ощущениями (мироощущение), восприятием (мировосприятие) и рациональным освоением.

 ¹³² Лейбниц, Г. В. Новые опыты о человеческом разуме: Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 187—188.

¹³³ Эвола, Ю. Люди и руины. М.: АСТ, 2007. С. 155.

Глава IV

ОЩУЩЕНИЕ ИСТОРИИ

4.1

Мироощущение и история

Историческое бытие как совокупность культурных ценностей, связей в обществе, как определенный способ производства, как взаимосвязь природного и социального, как бытие становящееся проникает в человека как через его рассудок и сознание, так и чувства, бессознательное. Тем не менее каждому человеку в отдельности сложно полностью охватить многообразие исторического бытия. Человек живет в бытии настоящего, а историческое бытие вследствие его временной удаленности, его отсутствия здесь и сейчас оказывается ускользающим. По большому счету исторического бытия нет. Что же делать? Одним из способов обращения человека к бытию истории является искусство. Искусство онтологично (поскольку связано с бытием) и исторично (оно есть квинтэссенция связи современности и прошлого). Произведения искусства бережно хранят в себе историческое бытие и транслируют его будущим поколениям.

Искусство по своей природе больше субъективно и эмоционально, чем объективно и рационально, оно есть в боль-

шей степени мироощущение, чем мировоззрение: оно «мыслит» образами и чувствами и воздействует на чувства человека, вызывает некий эмоциональный разряд в душе человека. Отсюда и историческое бытие, «спрятанное» в искусстве и постигаемое посредством искусства, не столько рационально осмысливается, сколько чувственно переживается.

Однако в гносеологии статус мироощущения, в отличие от мировоззрения, явно принижен. Полемика между эмпириками и рационалистами в философии Нового времени завершилась вроде бы дружеским союзом обеих позиций, в котором, что вполне логично, разум явно главенствует над чувствами. Если быть более честным, значение чувственного в познании, как правило, незаслуженно умалялось: человек громогласно заявлял о рациональном осмыслении мира и забывал говорить о собственном миропереживании и мирочувствовании. Рационалист Лейбниц, например, уподобил чистого эмпирика животному, только разум, по его мнению, достоверен, чувственное — лживо. Между тем историки, политологи, философы не имеют права не прислушиваться к ощущениям человека и общества в целом, тем более что эмоциональный фон общества, отображенный искусством, формируется не только прошлым и настоящим, но, что не менее важно, ожиданиями будущего. Здесь будущее и историческое прошлое пересекаются, поскольку только исторический опыт поможет расшифровать сигналы будущего, и направить вектор будущего без понимания настоящего и знания прошлого невозможно.

Мироощущение человека обусловлено как объективными факторами — историей, культурой своей страны и ментальностью народа, к которому он принадлежит, так и субъективными — событиями, которые он или уже пережил, или еще переживает. Взаимосвязь объективных и субъективных факторов формирует духовный мир человека, в котором отражен эмоциональный настрой общества в целом. Этот настрой помогает развиваться одним чувствам, блокирует

другие и создает общее настроение. Вот что утверждает В. Виндельбант по этому поводу: «Наши мысли повсюду произвольно приспособляются к нашим потребностям, причем это последнее отнюдь не всегда осознается нами. Это яснее всего обнаруживается при наблюдении детского сознания, в котором в течение долгого времени могут укрепиться лишь представления, стоящие в каком-либо благоприятствующем или неблагоприятствующем отношении к чисто физическим потребностям этого периода; и так как все дальнейшее развитие опирается на начальное состояние, то уже по этой причине оно заранее подчинено бессознательной воле»¹³⁴.

Итак, понимание исторической эпохи происходит не только посредством ее рациональной научной аналитики исторических фактов, но и посредством обращения к самому человеку, к его ценностным ориентациям, духовному миру, посредством выявления отношения человека к бытию и того, как бытие раскрывается к человеку. При этом необходимо учитывать диалектику истории и стадий развития данного исторического явления, которое переживает человек — кризис, спад, подъем.

4.2

Пессимизм и оптимизм в истории

Ироникновение исторического бытия в человека происходит с первых дней его жизни. Поэтому, чтобы понять все перипетии исторического явления, важно изучить детство человека: как встречают рожденного ребенка родители и родственники, малые и большие социальные группы,

¹³⁴ Виндельбант, В. Прелюдии. М.: Гиперборея, 2007. С. 400.

к которым принадлежат родители, общество в целом, государство, историческая эпоха, все то, что мы подразумеваем под словом бытие. Если ребенок нежеланный, то и отношение к нему далеко не доброжелательное. Он получает первый шок, сбой нервной системы, сбой полноценной работы органов чувств. Семейные отношения окрашивают детство в серую краску, создают нерадостные предпосылки для взрослой жизни и пессимистического видения бытия и истории бытия в целом.

Прочувствование исторического бытия человеком не происходит вдруг и с чистого листа: опыт проживания бытия истории одним поколением передается последующему. Между тем необходимо учитывать, что новое поколение «существует» в пространстве качественно иных социокультурных условий. Здесь прошлое и настоящее сталкиваются в человеке. Трагизм настоящего состоит в том, что прошлое тормозит, уродует прогрессивные тенденции, не дает раскрыться подлинному гуманизму, обрекая объективные законы развития принимать субъективные метафизические формы.

Если в обществе начинают преобладать лишние люди, лишённые возможности реализации своего творческого потенциала, то общественное сознание приобретает пессимистическую окраску. Пессимизм порождается и другими причинами — надвигающимися экологическими и экономическими катастрофами, эпидемиями, войнами, социальными неурядицами, приближением конца света и т. п. В итоге «граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии»¹³⁵.

 ¹³⁵ *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 800.

Таким образом, в обществах в разные периоды его развития господствует то пессимизм, то оптимизм. В каждом народе появляются люди, сумевшие преодолеть пессимизм своего времени или, наоборот, сквозь оптимистический настрой общества увидеть негативные стороны бытия, надвигающиеся опасности. Ф. Ницше, например, преодолел пессимизм, навеянный как временем, так и своей болезнью. Вот как он объясняет свое «выздоровление»: «Я сам взял себя в руки. Я сам сделал себя наново здоровым: условие для этого — всякий физиолог согласится с этим — быть в основе здоровым. Существо типически болезненное не может стать здоровым и еще меньше может сделать себя здоровым; для типически здорового, напротив, болезнь может даже быть энергичным стимулом к жизни, к продлению жизни. Так фактически представляется мне теперь этот долгий период болезни: я как бы вновь открыл жизнь, включая себя в нее, я находил вкус во всех хороших и даже незначительных вещах, тогда как другие нелегко могут находить в них вкус, — я сделал из моей воли к здоровью, к жизни мою философию... Потому что — и это надо отметить — я перестал быть пессимистом в годы моей наименьшей витальности: инстинкт самовосстановления воспретил мне философию нищеты и уныния...»¹³⁶. Здесь Ницше утверждает, что философская рефлексия может стать способом восстановления радости жизни, а пессимизм свойствен слабым людям или эпохам, в которых власть держится на слабости человека. Шопенгауэр, наоборот, по жизни был жизнерадостным человеком, но его философия пессимистична. Выражала ли она разочарование общества просвещением либо предчувствовала будущие социальные катастрофы — вопрос открытый, тем не менее философ, видевший путь спасения в аскезе, сам был далеко не аскетичен.

▶ ¹³⁶ Ницше, Ф. ЕССЕ НОМО. М.: АСТ: Пушкинская библиотека, 2004. С. 611.

Объективный фактор истории заключается в том, что поколение людей отказывается следовать заветам отцов, жить по их правилам, пытаясь начать жизнь с чистого листа. Процесс зарождения мировых религий или новых разветвлений старой веры начинался борьбой, принимающей форму религиозных войн и революций. Но отказ детей следовать заветам отцов имеет глубинную социально-экономическую причину, раскрытием которой занимался К. Маркс.

Рассматривая человека в диспозиции бытие—пессимизм, когда индивид предопределен к негативному мироощущению самой историей, не следует упускать из вида социальную стратификацию. Эпоха Возрождения начиналась через кризис мировосприятия и мироощущения, когда зарождающийся класс буржуазии не мог смириться с господствующим пессимизмом. Люди с доходами не хотели аскезы и скорби в счет вечного блаженства на том свете. Удовольствие здесь и сейчас; чувственный мир не хуже трансцендентального — вот лозунги эпохи Ренессанса. Титаны искусства увидели и прочувствовали мир заново, поэтому их творчество не было копированием античной культуры. Их величие можно объяснить их открытостью миру, полнотой их ощущений, красками их полотен. Античность и Возрождение разделяли века, но объединяло географическое пространство и оптимистическое мироощущение. Возьмем другой пример: в начале 70-х годов XX века в Англии в молодежной музыкальной культуре зарождается новое направление — хэви-метал, ярким представителем которого стала группа Black Sabbath, стиль ее игры тяжелый, а песни пессимистичные.

Вот как объясняют свою историю музыканты. Тяжелое послевоенное детство в промышленных городах, металлургические комбинаты, работающие на угле, вредная экология, беспробудная серость. И на фоне этого мажорная музыка по всем каналам радио, движение беззаботного хиппи. Вырваться из этой среды, уйти от тяжелого механического

труда помогло увлечение музыкой. И их музыка шла вразрез мейнстриму, она стала протестом и выражением отчаянного пессимизма, завоевав миллионы поклонников во всем мире, разделявших их настроение. Она стала тяжелой по звучанию и мрачной по содержанию, такой же тяжелой, как и жизнь в рабочих кварталах промышленных городов Англии: «Некоторые песни очень мрачные, но они не имеют отношения к наркотикам и прочим неприятностям, которые с нами случаются... У людей бывают и темные чувства, но никто не поет о пугающих или злых вещах... мир — это чертов хаос»¹³⁷.

Другими словами, постоянно изменяющееся социальное бытие оказывает влияние на мироощущение человека, как и человек, находящийся в процессе становления, своим природным мироощущением приводит в движение механизм деятельности, изменяя социальное бытие. Эти взаимоотношения столь запутанны, что не позволяют однозначно судить об историческом времени в диспозиции пессимизм—оптимизм: историческое бытие в мировосприятии человека окрашено не в черно-белые цвета, а всей палитрой красок. Например, в социальной иерархии Российской империи в дворянских семьях мироощущение ребенка резко контрастировало с мироощущением детей крестьянских семей. Дворянство воспитывала европейская культура и строгие статусные правила, крестьянских детей — сельский мир, тяжелый труд и традиции.

В любом обществе (что характерно и для русского) пессимизм и оптимизм в различных социальных группах исторически меняются местами. Об этом, например, говорит Ф. Ницше, рассматривая культуру как постоянную смену мрачного пессимистического дионисизма и светлого оптимистического аполлонизма. В отечественной философии дан-

▶ ¹³⁷ *Макайвер, Дж.* Black Sabbath: история группы. СПб.: Амфора, 2009. С. 118.

ное взаимодействие пессимистического и оптимистического рассматривается через призму смеховой культуры. Эта же тенденция очевидна как в средневековых карнавалах, так и в современных латиноамериканских: их цель — разрядить тяжелую заурядную пессимистичную жизнь оптимистичным праздничным фейерверком, тем самым сблизить разнородные группы в единое братство.

Мироощущение, с которым человек вступает во взаимоотношение с бытием, зависит от многих факторов. Во-первых, от конструкции самого человека, его физического, психологического здоровья, от темперамента. Во-вторых, от родителей и членов семьи, от их отношения к ребенку, от их доброжелательности, озлобленности или равнодушия. В-третьих, от малых социальных групп, которые могут компенсировать или усилить семейные отношения. В-четвертых, от социальной иерархии общества, политической системы в целом; каждый класс имеет свою окраску мироощущения. В-пятых, от истории своего народа, его культуры, менталитета. В-шестых, от конкретного времени. И в-седьмых, от ожидаемых событий, во многом зависящих от господствующей идеологии и возможности выбора.

Все перечисленные факторы объективны и не зависят от самого человека (до определенного момента, когда недовольство людей не приводит к изменению политической системы и общества в целом). Но есть еще и восьмой фактор, субъективный, когда сам человек (например, как Ф. Ницше и А. Камю) перестраивает собственное мироощущение, раскрывая свои ощущения с помощью знаний и воли. Но в этом случае есть фактор времени, который задан человеку. Человек рожден в конкретном обществе с уже сложившимися общественными отношениями, сущность предшествует существованию человека, поэтому время, как показывает история, против человека. Личностное становление человека предполагает вступление в борьбу со временем.

4.3

Искусство как мироощущение

Историческое бытие проникает в человека через его мироощущение, при этом меняется как человек, так и историческое бытие. Человек как личность имеет собственную историю, собственные историю имеют социальные группы и классы. Их история порой идет вразрез с общепринятой версией исторического процесса. Историю пишут победители, поэтому история многих социальных групп искажена. Однако по мироощущению эпохи можно понять фон истории. Мироощущение имеет не только свою цветовую гамму, но и свой темп времени. Пессимизм есть ощущение времени в темных тонах, отторжение времени, его неприятие. Между тем время идет вперед, бытие постоянно обновляется. В этой ситуации пессимист «не поспевает» за временем и не стремится идти со временем, для него время метафизично, а не диалектично. Данная тенденция прослеживается в современном российском обществе, в котором часть населения осознанно разрабатывает и принимает новейшие технологии, другая только использует их по необходимости. Глянцевое мироощущение новой российской буржуазии идет вразрез с жителями провинции, читающими черно-белые полосы районных газет.

Мироощущение, наравне с мировосприятием, создает предпосылки для формирования мировоззрения человека. Для полного освоения мира человек нуждается в знаниях, в том числе и исторических. Историческая информация настолько обширна и разнообразна, что требует отбора, упорядочивания и доверия к носителям информации. Но прежде чем доверять историку как носителю подобной информации, следует разобраться в мироощущении самого историка. Идеологические пристрастия ученого, сухой научный стиль, бездушные даты, графики, цифры навряд ли передадут дух истории. История оживает, обретает дух, скорее, в произведе-

дении искусства, нежели в научном трактате. Между тем научное видение истории и ее отражение искусством зачастую не совпадают. Например, некоторые историки и политики утверждают о гнетущей атмосфере, царящей в тоталитарном Советском Союзе, напротив, советский кинематограф, живопись и музыка более оптимистичны: гнетущий коммунистический режим и серая жизнь советских людей нетипичны для искусства той эпохи.

Современная российская культура, в отличие от советской, по содержанию и формам выражения более разнообразна и многопланова: от развлекательных шоу до интеллектуальных передач. Но в действительности внешняя развлекательность современной культуры и ее интеллектуальная периферийная рефлексия есть проявление скрытого пессимизма, бегство от действительности, боязнь заглянуть в глаза времени, скрытая под маской либо бездумных развлечений, либо интеллектуализма. Так, очевидно пессимистично авторское кино: пессимистично по духу и тревожно по ощущениям.

Если для отечественной культуры расслоение на массовую и элитарно-интеллектуальную есть явление постсоветской эпохи, то для Запада данная дифференциация стала актуальной еще в первой половине XX века. Например, немецкий писатель Г. Гессе противопоставил современной культуре культуру Нового времени с ее истоками — Средневековьем и Возрождением. Он отметил две противоборствующие тенденции в музыке: «В развитии духовной жизни Европы были с конца Средневековья, кажется, две важные тенденции: освобождение мысли и веры от какого-либо авторитарного влияния, то есть борьбы разума, чувствующего свою суверенность и зрелость, против господства Римской церкви, и — с другой стороны — тайные, но страстные поиски узаконения этой его свободы, поиски нового авторитета, вытекающего из него самого и ему адекватного»¹³⁸.

 ¹³⁸ Гессе, Г. Игра в бисер. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1999. С. 86.

4.3. Искусство как мироощущение

Так, музыкальное направление, вошедшее в культуру под термином «классическая музыка», является результатом творческого воплощения свободного духа человека, и такому направлению неподвластны веяния времени. Классическая музыка не перешла в свою противоположность, она по-прежнему развивается, поднимаясь на новые высоты. Ее представителями являются И. Стравинский, отмеченный Н. Бердяевым как один из величайших композиторов смутного революционного времени, Д. Шостакович, С. Рахманинов, С. Прокофьев, наш современник В. Мартынов и другие. Их произведения глубинно-тревожные, почти трагические, но гуманистические по сути, выражающие дух времени и раскрывающие противоречие времени. Но народ, его дух, породивший эту высокую культуру, не смог удержаться на высоте, стал опускаться, вырождаться. Классическое искусство повисло в воздухе, уже не имея мощной опоры, но не опустилось, оно поддерживается небольшой горсткой людей — аристократов по духу и само порождает аристократию по своим внутренним законам развития.

Параллельно этому движению, только в противоположном направлении, с огромной нарастающей силой движется массовая культура, завлекая в свой поток все больше и больше людей. Но истоки такой культуры не кроются в мироощущении, этот процесс связан с отражением происходящих событий в социально-экономической сфере. Здесь и осознанное желание обогащения за счет искусственно созданного спроса, и стремление к славе за счет игры на низменных чувствах человека. Порожденная циничным обществом, она уродует человека, и уродливый человек становится обыденным — нормальным человеком. Циничный разум, зная мощь классической музыки, старается использовать ее формы, вырывать из контекста сюжеты и, обыгрывая их в постмодернистской манере, опошлять. Г. Гессе назвал такой процесс, который стал зарождаться в начале XX века, «фельетоновской культурой». Он связан с тем, что огромные массы народа, получив доступ к начальному

и среднему образованию, но не к высшему, и не соответствующее образованию воспитание, стали считать себя вполне самостоятельными, чтобы судить и разбираться в культуре. Такому человеку, неосознанно, легче опуститься вниз, чем подняться вверх. Ему кажется родной и близкой народная культура. Но и ее он не в состоянии понять, проникнуть в ее исторические глубины, сакральность. Такой массовый человек снимает с нее все табу и ограничения, превращая ее в товар для потребления, в вещь, в объект самолюбования.

Создатели массовой культуры в духе постмодернизма используют как формы классического искусства, избавляясь от интеллектуального лейтмотива, так и содержание народной культуры, но уже без внутренней духовной сущности. Такая выхолощенная псевдокультура позволяет человеку поразвлечься, но не призадуматься. Дионисизм, как явление в истории периодически редкое, становится повседневным. Все это позволило Г. Гессе противопоставить духовную культуру истории, к которой принадлежит массовая культура, посоветовать людям не связывать себя с историей, в которой господствуют грубые инстинкты самовывживания, с историей со шлейфом кровавых войн и уничтожения человека, а уйти в сферы высокой культуры, оградиться от мира. Отсюда тайные общества и знаменитая «игра в бисер» для просвещенных.

Сократовский призыв «Познай самого себя», поставленный Августином на религиозную почву, воззвание Руссо о необходимости возвращения к природе, марксистский призыв к сохранению человечности в человеке — это звенья одной цепи, ведущей к истокам человеческой жизни, когда органы чувств еще не подчинялись диктату циничного разума. Человек был частью природы и чувствовал все ее проявления. Но считать это время — время человеческого детства — идеальным было бы не только преувеличением, но полностью неверным. Парадокс как раз и заключается в том, что чем больше покорял человек природу, чем быстрее разви-

4.3. Искусство как мироощущение

вался у него разум, тем больше притуплялись органы чувств, тем дальше человек отходил от природы. Как преодолеть этот разрыв, чтобы реабилитация чувственности шла не в ущерб разумности человека и развитие технического прогресса не разрушало природу, а сохраняло ее? Это проблема, разрешаемая не мироощущением и не мировосприятием, а мировоззрением.

Таким образом, с мироощущения человека начинается вхождение его в бытие, в историю. Человек ощущает исторический фон бытия, но его ощущения во многом искажены, блокированы внешней средой — родителями, малой группой, массовой культурой. Если человек остается на этом уровне, не развивается, — он в положении ведомого объекта, объекта манипуляции. Искусство, живопись и музыка раскрывают фон, краску эпохи, предвосхищают веяние времени и оказывают определенное влияние на диалектику истории. Искусство помогает раскрепостить человека, разблокировать его чувства, определить ход общечеловеческих гуманистических ценностей. Но на уровне мироощущения человек может только открыться миру, принять или не принять его. Человек в искусстве и через искусство становится свободным, но эта свобода ему дана только в ощущениях. Он останется в позиции созерцателя, оставаясь объектом для манипуляций. Для подлинной свободы надо пройти путь от мироощущения к мировосприятию и от мировосприятия к мировоззрению.

Представители высокой культуры, художники и музыканты, носители определенных идей, имеющие целостные мировоззрения, тем не менее передают не свои идеи, а их трансформацию через ощущения времени, принятие или непринятие его. Поэтому их субъективно-объективное переживание есть выражение момента исторического бытия, духа времени. Он говорит не только от «Я», но и от «Мы» и «Они». Хайдеггерский анализ «Башмаков» Ван Гога раскрывает, как художник показывает не просто вещь, а его суть, идею: «Благодаря художественному творению мы извели, что такое

по истине это изделие, башмаки. Самым дурным самообманом было бы, если бы мы сочли, что наше описание, нечто лишь субъективное, все расписано нам так, как это мы представили себе, а затем мы только вложили все это в изделие. Напротив, только через посредство творения и только в творении деятельность изделия выявилась, и выявилась особо, как таковая»¹³⁹. Но здесь возникает другая проблема — проблема понимания. В наше время гуманистические ценности искусства становятся доступными только небольшой части населения, но в любом случае искусство может в любое время и любого человека захватить своим творчеством до такой степени, что позволит ему понять и замысел творца, стать сначала соавтором, а потом и самому творцом, в том числе и истории.

 ¹³⁹ Хайдеггер, М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 122.

МИРОВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ

5.1

Мировосприятие: поэзия, метафора, историческое бытие и здравый смысл

*М*ировосприятие исторического бытия «родом» из детства, когда маленький человек, ребенок, в процессе личностного формирования делает робкие попытки осмыслить реалии бытия жизни и зафиксировать к ним некое собственное отношение. Мировосприятие включает в себя не только комплекс ощущений и воображения, но и работу памяти и интуицию. Историческое бытие в восприятии человека обретает как окраску, звук и темп, так и осмысление, правда, на уровне эмоций и рассудка. Поэтому история в восприятии человека всегда есть история живая, конкретная и синкретичная, лишенная любых абстрактных схем, да и абстракции в целом. Мировосприятие исторического бытия, в отличие от его рациональной теоретизации, отличается чистотой, чистота в том смысле, что здесь человек еще может быть свободным от навязанной свыше картины мира или идеологии.

Само историческое бытие, куда мы отнесем все разнообразие природно-социального мира с его духовно составляющими образами, зарождалось через деятельность человека. На заре развития человечества чувственность играла решающую роль, разум еще не приобрел своей циничной формы, а мир человека был адекватен природному миру. Именно в это время из одного корня — восприятия — возникают метафора и поэзия. Поскольку восприятие рождается чувственным миром человека, который сам порожден бытием, отсюда метафора и поэзия есть подражание сущности природы и соответственно сущности человека, о чем говорит, например, Аристотель в «Поэтике».

Поэзия есть поэтическое раскрытие восприятия времени, здесь воображение так же значительно, как и чувственные ощущения. Поэзия есть мировосприятие поэта в том смысле, что поэт, а впоследствии и его читатель, посредством поэтического текста ощущают-воспринимают другого (человека), общество, бытие в целом и его историчность-временность. Аристотель утверждал, что «задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости». Поэты еще неизведанное и не раскрытое, логически не оформленное или, напротив, подзабытое, выводят из тени бытия и на яркий, как у Платона, солнечный свет, первые осваивают проявившуюся на свету грань бытия посредством метафоры. Отсюда получается, что метафора гносеологична, о чем, например, пишет Х. Ортега-и-Гассет: «Мы нуждаемся в ней не просто для того, чтобы, найдя имя, довести наше имя до сведения других, — нет, она нужна нам для нас самих: без нее невозможно мыслить о некоторых особых, трудных для ума предметах. Она — не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания»¹⁴⁰. Добавим от себя, что метафора нужна не только для того, чтобы

 ¹⁴⁰ Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры // Теория метафоры / Сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 512.

мыслить о «трудных для ума предметах», но и просто мыслить.

Итак, детство человека и человечества начинается с освоения мира и главным инструментом освоения становится метафора. С помощью метафоры можно не только найти сходство столь различных на первый взгляд предметов, но и различие и тем самым новую, неизведанную ранее грань бытия. Например, в поэзии Серебряного века метафора строилась на отождествлении или сближении схожих явлений, в основе которых было очевидное сходство по форме, звуку, цвету (то есть по ощущениям):

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли...
Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно...¹⁴¹

В. Брюсов

Человеческая мысль на заре рождения еще не умела выразить адекватно окружающий мир. Язык ввиду отсутствия строгих определений не мог определить вещь, исходя из самой вещи. Человек стал сравнивать одно явление с другим, применяя уже известные слова и символы, которые также зародились во многом в силу недостатка научных терминов. Так и появилась метафора. «Метафора для подлинного поэта — не риторическая фигура, но замещающий образ, который действительно носится перед ним, замещая понятия. Характер для него не есть некоторое, сложенное из отовсюду подысканных черт, целое, но навязчиво живущее перед

► ¹⁴¹ Поэзия Серебряного века : В 2 т. Т. 2. М.: Дрофа, 2004. С. 17.

его глазами живое лицо, отличающееся от подобного же видения живописца лишь непрерывностью его дальнейшей жизни и дальнейшего действия. В сущности, эстетический феномен прост, надо только иметь способность видеть перед собой живую игру и жить непрестанно окруженным толпою духов — при этом условии будешь поэтом»¹⁴².

Метафора, как уже отмечалось, есть порождение чувственного мира, это неразрывная связь человека с бытием, истории с настоящим. Человеческое сообщество посредством метафоры выступает как единое целое, а «Я» поэта — в роли «Мы»:

Сегодня в кустах сирени поставили умывальник.
Действительно я могу сказать
Я умывался кустами сирени
Под абрикосовым деревцем
Шевелится ящик с бутылками — воистину
Потому что шевелилась тень деревца
Порхала бабочка над капустой —
порхала разноцветная капуста
и в какой-то мере порхали мы все
метафора — темная бабочка
адресат и есть отправитель
многй написаны ваши стихи.

*Г. Сангур*¹⁴³

То, что метафора не есть точное определение, имеет позитивное значение в житейском смысле: в мирвосприятии человека формируется целостная картина мира. Научное мышление в некоторой степени разрывает гармоничную связь человека с миром, редуцирует бесконечное разнообразие мира к строгим научным терминам, соединяя слово и истину. В действительности же многие научные термины, схва-

¹⁴² Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. М.: Пушкинская библиотека, 2004. С. 83.

¹⁴³ Сангур, Г. В. Складень. М.: Время, 2008. С. 392.

тив суть бытия, тут же начинают ее отпускать. Изменяющийся многомерный мир не дает возможности заковать себя в строгих научных определениях. Атом, некогда самый маленький неделимый элемент, стал впоследствии целым микромиром. Однако термин «атом» превратился в метафору. Вездесущие научные исследования создают направления и отрасли науки, но соединить их в единое целое без метафор невозможно. И, наконец, к метафоре прибегает и наука (например, психология, антропология, физиология, история, филология, философия и др.). Поэтому научное мировоззрение является дискретным, неполным. Отсюда и пессимизм К. Ясперса по отношению к абсолютизации научного метода: «Ученые ищут естественную систематику, заключенную в самих вещах: систему законов природы из одного принципа, систему форм действительных вещей, систему психических и общественных сил и т. д. Истинная система означала бы достигнутое окончательное познание соответствующей предметной области. Поскольку такой системы не находят нигде, но она всегда остается бесконечной задачей, науки находят всякий раз только относительную систему, которая между произвольным наружным порядком вещей и утопической мыслимой предельной системой предмета представляет собой приближение по пути к этой последней. Но если с появлением системы легко может возникнуть обманчивая уверенность в том, что мы овладели окончательным познанием, то все-таки научное познание во всякой своей системе имеет дело лишь с некоторым опытом, который оказывается у него в руках как его полезное средство. Вместо того, чтобы подчинять себя системе, познание науки посредством не знающей эмпирического завершения проверки этой системы до бесконечности видоизменяет ее»¹⁴⁴. Научное мировоззрение сковывает челове-

► ¹⁴⁴ Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон, 2012. С. 302—303.

ка, делает рабом системы, заводит научную мысль в тупик. Метафора же, напротив, разрывает систему, освобождает человека от ее пут.

Поэзия не просто обогащает человека, она смывает с человека его искусственную конструкцию, маски, которые были сформированы не столько самим человеком, его волевыми усилиями, сколько обществом. Поэзия открывает чувства человека, очищает поры его души, человек получает полную свободу. Поэтому поэты часто вступают в конфликт с властью, государством. Этим объясняется то, что Платон ратовал за введение цензуры в его проекте идеального государства. Так как человек, освободившийся от гнета «сверх-Я», в восприятии мира открыт бытию, «разомкнут», по словам С. Хоружего, то его сенсорные способности активизируются, чувственность обостряется и запускается механизм интуиции. Человек без слов понимает другого: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотри он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов»¹⁴⁵.

Мирвосприятие человека основывается на чувственном опыте, практике, рассудочной деятельности, — на всем том, что Кантом было включено в практический разум, синонимом которого является здравый смысл. Житейский смысл, здравый смысл становятся путеводной звездой в мифологически-религиозном мире человечества, начиная с Античности и вплоть до Нового времени. Кант выводит практический разум из чувственного мира и на нем основывает нравственный императив. Но петь гимн практическому разуму спешить не стоит. Если поэзия и отталкивается от чувственного мира, то только для того, чтобы взглянуть новыми глазами на старые вещи, приобрести духовный опыт и внести его в копилку человечества. Здравый смысл не видит глубину бытия, его порой обманчивую форму, сущность вещей. И сам

 ¹⁴⁵ Розанов, В. Метафизика христианства. М.: АСТ, 2000. С. 386.

Кант отмечает его противоречивость на историческом примере Франца I и Карла, претендующих на одну и ту же землю, делая следующий вывод: «Эмпирические основания определения не годятся для всеобщего внешнего законодательства, но и для внутреннего они также мало пригодны, потому что один в своей склонности кладет свой объект, а другой — другой субъект и в каждом субъекте преобладает влияние то одной, то другой склонности»¹⁴⁶. Самый сложный вопрос, вытекающий из теории Канта, состоит в том, имманентно ли присуща нравственность практическому разуму или необходимы внешние дополнительные условия? Кант рассматривает практический разум через категории долга и воли. На наш взгляд, надо рассматривать категории долга и воли не сами по себе, так как их ареал действия без участия теоретического разума будет ограничен, а через соотношения их к категории всеобщности. Люди, соблюдающие долг, имеющие сильную волю, могут оказаться в такой ситуации, о которой сказано в Библии, — «не ведают, что творят». История составляет бесконечную череду таких событий и до Канта, и после оглашения его категорического императива.

Таким образом, метафора и поэзия, являясь исходным материалом мировосприятия, создают основания для здравого смысла. Но здравый смысл, который, по мнению одних философов, в частности В. В. Васильева, не должен расходиться с философскими концепциями, в истории проявляет себя не столь однозначно. Здравый смысл может основываться на практике, которая в краткосрочной перспективе дает позитивный результат, но в стратегическом плане все может окончиться плачевно. Здравый смысл может помочь здраво прожить личную жизнь, но жизнь их детей уже будет под вопросом. Гибель цивилизации майи, цивилизаций Древнего Востока (хеттов) произошла по причине

▶ ¹⁴⁶ Кант, И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 280.

экологических катастроф, но их деятельность — ирригационная, строительная имела в своей основе здравый смысл; древние римляне-прагматики создали водопровод, но пустили его по свинцовому желобу, что впоследствии сказалось на здоровье нации. Считать, что современные люди в корне отличаются от древних, не представляется возможным, так как надвигающиеся глобальные кризисы осознаются лишь небольшой частью населения Земли, большая часть живет повседневной выгодой, результатом которой как раз и являются многие кризисные явления. Самая простая и доходчивая формула Канта — «поступай только согласно такой максиме, которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» — не работает.

Человек с рождения входит в историческое бытие, мир же детства есть мифологическое царство, где все живое, таинственное. По мере взросления мифологическое сознание начинает разрушаться с помощью образования, рационализации, социализации. Но до конца мифологическое сознание не разрушается, уйдет в подсознательное, по К. Юнгу, там же оно и обитает. Во многом оно будет подпитываться культурой и историей. История как наука и история как память об историческом прошлом не одно и то же. Первая пытается отбросить из своего набранного веками багажа сведений мифы, легенды, ложные и не подтвержденные факты или, по крайней мере, их выделить. Вторая пытается защитить и удержать все, что содержит в себе историческое бытие: легенды, мифы, события. Если какое-то событие овеяно легендами и мифами и человек его с детства эмоционально впитывает через рассказы, фильмы, то оно уже входит как неразделимое целое и выводы из этого целого формируют позицию и убеждения человека. Из этого синкретичного события человек может строить логические построения, беря его как истинный посыл, и в итоге будет истинный вывод. Такой способ логических построений и формирует то, что принято считать здравым смыслом. Поэтому в здравом смысле, прямо или косвенно, присутствуют ос-

колки мифологического сознания, опыт, полученный на эмоциональном уровне и не верифицированный теоретически, что в итоге может привести к ошибочным решениям. Отсюда мировосприятие человека формирует его экзистенциальное поле, духовный мир человека, вот-бытие, но без подкрепления разумом и деятельностью, основанной на разуме, такой мир человека хрупок. Поэзия выросла из мировосприятия человека, но она не только формирует восприятие человека, но и способна в силу своей абсолютной свободы его разрушить, вывести человека на новый уровень бытия, поднять общечеловеческие проблемы и поставить новые задачи перед человечеством.

5.2

Поэзия: человек и природа

Поэзия раскрывает дух народа, его мироощущение и мировосприятие. В. Г. Белинский отмечает, что чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано его развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества. Поэзия и есть дух народа, часть его истории. Д. Судзуки сравнил восточную поэзию с западной, чтобы выявить различия мировосприятия восточного человека и западного. Он приводит трехстишие Басе:

Внимательно взглядишь!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнем!

и отрывок из стихотворения и А. Теннисона:

Взросший среди руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь — вот корень, стебелек,
Здесь, на моей ладони.

Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек,
И в чем вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.

Здесь очевидно активистское мировоззрение человека Запада и созерцательное — человека Востока. Д. Судзуки подкрепляет свои доводы философией Лао-цзы и Чжуан-цзы и раскрывает созерцательность человека Востока: он любит жизнь такой, какая она есть, и не хочет превращать ее в средство для достижения чего-то другого; он любит труд как таковой и наслаждается процессом ручного труда; механизмы и машины таят в себе зло, поэтому необходимо быть предельно осторожным во время обращения с ними. Западный человек, перенеся труд на машину, оказался в трудном положении психологического противостояния¹⁴⁷. Машина ограничила его свободу. Человек Востока воспринимает миропорядок как гармонично установленный, его отношение к природе — уважительно-созерцательное. Западный человек, напротив, находится с природой в субъектно-объектных отношениях, он утилитарно относится к ней, создавая тем самым пропасть между нею и собою. Если природа часть бытия, то человек явно не заботливый ее «пастух», а, скорее, субарендатор.

В России взаимоотношения человека с бытием, с природой имеют свои особенности. Русский человек не рассматривает природу отчужденно, как на Западе, и не созерцает ее красоту, как на Востоке, он неразрывно связан с природой. В России языческие пантеистические традиции глубоко проникли в христианство, повлияли на мировосприятие человека и русскую философию. П. Флоренский увидел в поэзии символистов родство с русским фольклором, с частушками. Другими словами, народная поэзия, идущая из

 ¹⁴⁷ Фромм, Э. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: Весь мир, 1997. С. 6—13.

5.2. Поэзия: человек и природа

глубины веков, из исторического бытия, проникает в поэзию авторскую и заново осмысливается в соответствии с особенностями своего времени.

Контрастная природа, смена времен года во многом компенсировали пессимизм мироощущения русского человека. Именно в природе человек видит вечность:

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.

М. Лермонтов

В знаменитом пушкинском отрывке из поэмы «Руслан и Людмила» «У лукоморья дуб зеленый...» дуб есть олицетворение бытия, символ страны, жизни, истории.

Природа есть часть бытия, лучшая часть души человека, его двойник, второе «Я». Природа для человека аксиологична:

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.
О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?
Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.
Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.
В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.
И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.
«Кого? Для чего? — камыши говорят, —
Зачем огоньки между нами горят?»
Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.
И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

К. Бальмонт

В годы промышленного подъема России, в начале XX века, когда активистская форма мировоззрения уже дает о себе знать, с природой перестали церемониться. Однако она остается по-прежнему трансцендентальной и одновременно сакральной и телесно близкой. Поэзия удивительным образом соединила трансцендентное с миром чувств, мир феноменов и ноуменов. «Вещь-в-себе» заговорила языком поэзии.

Не изменилось отношение к ней и в годы советской власти, индустриализации и коллективизации, хотя появляется экзистенциальная усталость, надлом. Николай Заболоцкий пишет:

О, полезная природа,
Исцели страданья наши,
Дай частицу кислорода,
Или две частицы даже...

В годы войны природа восстала вместе с народом против агрессора. В. И. Вернадский в своем дневнике 1941 года отмечает, что ноосфера не потерпит фашистской агрессии и присоединится к защитникам. Сильные морозы под Москвой и Сталинградом действительно оказали помощь Красной Армии.

В. Высоцкий в силу возраста не был на войне, но воображение и память, рассказы отца, фронтовиков, прочитанная литература и просмотренное кино вошли в плоть и кровь детей послевоенного поколения. Китайский диктатор Мао Цзедун однажды сказал, что у каждого поколения должна быть своя война. Как ни странно, но в его словах нет цинизма, наоборот, здесь сосредоточие восточной мудрости. Дело в том, что войну можно пережить, прочувствовать до состояния присутствия (сила воздействия представления о реальности равняется воздействию самой реальности), и тогда у человека появится ответственность за мир, бытие. Если забыть о войне, она сама напомнит о себе, и тогда целое поколение будет участвовать в войне уже реальной. Поэтому без всякой аллегии можно сказать, что поэзия, конкретнее

5. 2. Поэзия: человек и природа

поэзия о войне, есть забота человека о бытии, а мировосприятие есть миропонимание.

Послевоенная поэзия содержит в себе пафос победы, оптимизм по отношению к будущему, между тем здесь все-таки звучит трагизм бытия.

Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Все имевший, все потерявший
И опять все нашедший вновь.
Вкус узнавший всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова,
Все стремящийся потерять, —

пишет Дмитрий Кедрин в июне 1945 года.

И снова спасительная природа, человек больше доверяет именно ей, чем другому:

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листьях я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли,
Ты причастен был к сознанию моему.

Н. Заболоцкий

Поэзия шестидесятников попыталась вернуться в бытие природы, очиститься от вульгарного социального, поработившего ее в годы сталинизма, и заново осмыслить существование человека:

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза...

А. Тарковский

Или вот Е. Евтушенко:

Меня не станет — солнце встанет,
И будут люди и земля.
И если кто меня вспомнит,
То это — Родина моя.

Здесь вспоминается А. Шопенгауэр: «Поэт вообще — все-человек: все, что только волновало когда-нибудь сердце человека и что в разные моменты воссоздает из себя природа человеческого духа, все, что живет и зреет в человеческой груди, все это — его сюжет, его материал, а сверх того — его вся остальная природа»¹⁴⁸.

Современное восприятие мира, напротив, характеризуется расколом — расколом между человеком и обществом, расколом между обществом и природой и расколом между человеком и природой. Современный человек возводит в абсолют одиночество, однако тоска по утраченной гармонии сопутствует его одиночеству. Этот мотив звучит в лирике Дмитрия Александровича Пригова:

Прозрачные сосны стояли.
Меж ними стояли прекрасные ели.
Но все это было когда-то вначале,
Когда мы и ахнуть еще не успели.
Все это по-прежнему где-то стоит,
Но мы уже мимо всего пролетели.
И мимо сосны, что прозрачна на вид,
И мимо прекрасной и памятной ели.
Куда ж мы спешили-летели?
И где отошли от летучего сна? —
Да там, где уже не прозрачна сосна
И где не прекрасны, но памятны ели.

В целом мировосприятие русского человека, отраженное и проговоренное русской поэзией, пропитано пантеизмом и

 ¹⁴⁸ Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2011. С. 410.

гилозоизмом, преклонением перед природой, с одной стороны, и тягой к вечности — с другой. Человек созерцательно смотрит на природу, любой акт действия он коррелирует с природным бытием: человек делает что-либо совместно с природой или во имя природы. Тема защиты природы и человека становится актуальной в русской литературе второй половины XX века, конкретнее в текстах «деревенщиков» (Ф. Абрамов, В. Распутин и В. Белов), которые выступили против нарушения установленной веками гармонии между человеком и природой, обусловившей разрушение традиционного быта, уклада, дегуманизацию человека. Кроме того, русский человек воспринимает бытие через землю:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли...

Николай Майоров

Экономическое, политическое, социальное для русского мировосприятия есть поверхностный уровень бытия. Если в европейском экзистенциализме человек в пограничной ситуации стоит на краю перед ничто, то в русском самосознании ничто отсутствует, есть только бытие, как когда-то утверждал Парменид. Для полноты бытия ничто в русском сознании не требуется. В русской речи, фольклоре, сказках, поэзии применяется термин «пустота». В словаре В. Даля, например, более ста словообразований, в основе которых слово «пусто». Одно из определений пустоты — «полость внутри чего-либо»¹⁴⁹. Русская религиозность так и осталась пантеистична, русская религиозная философия, например у В. Соловьева, по замечанию В. Зеньковского, «пантеистична — и в этом

▶ ¹⁴⁹ *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Петербург — Москва: Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1907. С. 1420.

причина того внутреннего искривления христианского учения о Богочеловеке»¹⁵⁰. Последующие русские философы также не смогли избавиться от такого наследия.

Если человек Востока имеет созерцательный тип восприятия мира, человек западный — активистский, то русский человек созерцателен по духу и активен по форме. Причем созерцательность его онтологична, а активность гносеологична и требует огромных усилий, а также внешнего воздействия, толчка. Так, под угрозой вооруженного захвата или экономической экспансии, когда явно заметно становится отставание России от Запада, проводились и проводятся все реформы. Лишь старообрядчество, которое отказалось от внешних контактов, живет по принципу автаркии сотни лет. И в наше время нередко встречаются люди активные, успешные, которые бросают свою работу, сворачивают активность и уходят «назад в природу». Но кто-то только мечтает об этом, других бессознательно тянет природа, третьи боятся прислушиваться к себе, погружаясь в еще большую активность, и тем самым бегут от себя. Отношение русского человека к природе естественно и не требует ее культивирования. Упорядоченные английские и французские парки не вписываются в ландшафт русской природы и строение души русского человека. В русской природе, как и в душе русского человека, должен быть довольно значительный элемент хаоса и незавершенности. Должно быть место, пусть небольшое, пустоты — для человеческого творчества, присутствия. И это место будет дисгармонировать с остальным, со всеобщим. Однако данная дисгармония видна только со стороны или после долгой саморефлексии. Такая ситуация для русского человека в порядке вещей, у него собственная, в пике западноевропейской, шкала ценностей. Достаточно сравнить усадьбу русского крестьянина или са-

▶ ¹⁵⁰ *Зеньковский, В.* История русской философии. Харьков: Фолио, 2001. С. 486.

5.2. Поэзия: человек и природа

довый участок российского горожанина с аналогичным на Западе и на Востоке, чтобы убедиться в этом. Это же озвучено русской поэзией. Читаем у Н. Некрасова:

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

В русской поэзии обнаруживаются глубинные ценности человека, которые в наше время прорываются сквозь технологическую цивилизацию и постмодернистскую культуру:

Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный
и смерти не боится.
Он выплывет еще и сразу, как пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет, наконец,
Звезда он, иль земля, иль человек,
иль птица.

А. Тарковский.

5.3

Философия поэзии: поэзия как предвидение

Предвидением, предсказанием будущего люди занимались с древности. Потребность предвидения возникла с появлением представления человека о прошлом, настоящем и будущем. Изначально предвидение было монополизировано жрецами и пророками и являлось их профессиональной деятельностью. С зарождением философии и науки предвиде-

ние и прогнозирование перестают быть прерогативой жречества. Как известно, первый древнегреческий философ Фалес (так называет его Аристотель) рассчитал солнечное затмение, которое произошло в срок, и «по наблюдению звезд» предсказал урожай маслин. Так прогнозирование и предвидение будущего становится одной из функций философии, а позднее и науки в целом. Между тем прогностическая сущность философии может быть обозначена напрямую (например, платоновский проект идеального государства и утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы) или латентно, неявно (философы, создавая свои метафизические системы и закрепляя в них определенные этические нормы как вечные идеалы, тем самым указывали путь в будущее).

Однако к большинству прогнозов общество относится подчас более чем прохладно, они представляют лишь академический интерес. Пожалуй, исключением можно назвать марксистский коммунистический проект, который два века будоражил мировое сообщество и, более того, реально изменил мир. В целом можно констатировать, что «многие из прежних, ранее удовлетворяющих людей ответов на вопрос об их будущем, уже показали свою несостоятельность, другие ухватывают лишь отдельные стороны и фрагменты возникающего на наших глазах будущего миропорядка»¹⁵¹.

Предвидение — одна из сторон поэзии. Поэзия и поэты всегда привлекали общество мистическим предвидением будущих событий. Этот феномен рассматривает Д. Мережковский, анализируя творческую биографию М. Лермонтова. Русский мыслитель в контексте лермонтовского творчества приводит гностическую легенду, в которой говорится об отношении земного мира к небесной войне, когда Михаил и ангелы на небе воевали против Дракона и его анге-

 ¹⁵¹ *Пантин, В. И.* Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006. С. 3.

лов, и был низвержен великий Дракон. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения. Но колеблющихся между светом и тьмой благодать Божия посылает в мир, чтобы они сделали во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы — души людей рождающихся. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того чтобы раздвоение, колебание воли в Вечности прошлой не предвещало того уклона, от которого зависит спасение или гибель в Вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам надо забыть откуда, для того чтобы яснее понимать — куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну...¹⁵²

Одна из таких душ — Михаил Лермонтов. В пятнадцать лет он пишет:

И я счет своих лет потерял.
И крылья забвенья ловлю.
Как я сердце унести бы им дал,
Как бы вечность им бросил мою!

В шестнадцать:

...На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою...

В семнадцать:

Я предузнал мой жребий, мой конец...
...Кровавая меня могила ждет...¹⁵³

¹⁵² *Мережковский, Д. С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. С. 388.

¹⁵³ Цит. по: *Мережковский, Д. С.* Поэт сверхчеловечества. М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 359—362.

Другой русский поэт, А. Блок, в 1903 году провидчески говорит:

— Все ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит...
— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти.
Слышно, что кто-то идет.
— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп...¹⁵⁴

Н. Бердяев в «Новом Средневековье» также отмечает мистическое предвиденье поэтов: «Тютчев глубже, чем думают. Он — вещее явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец ее. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок»¹⁵⁵.

Особенно «массово» поэтические предчувствия надвигающейся беды возникают в переломные моменты истории, в периоды гибели отживших политических систем и империй. Между тем большинство членов общества, то есть массовый человек, оптимистически глядят на будущее, «хотят перемен» и не прислушиваются к тревожным ноткам поэзии. Вот как описывает такие ожидания поэт Г. Иванов: «...Наши чудо-богатыри, разбив вероломных немцев, осуществят “заветную народную мечту” — Крест над св. Софией, — и все само уладится, войдет в берега, все станет опять как при “миротворце-родителе: когда русский царь ловит рыбу”,

¹⁵⁴ Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. С. 60.

¹⁵⁵ Бердяев, Н. А. Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. М.: Феникс: ХДС-пресс, 1991. С. 155.

Европа — да и Россия, само собой разумеется, — “может подождать”...» Или вариант того же самого, но либерально-оппозиционный: «...Наши доблестные войска в дружном единении с великими демократиями Запада... исторические права России на проливы... Николая с царицей уберут. Михаил Александрович — конституционный регент. И все устроится, уляжется, все пойдет, как в Великобритании...» или же революционный вариант: «Освободившись от гнета самодержавия, свободный русский народ с удвоенной энергией... до победного конца... без аннексий и контрибуций... и все устроится: “хозяин земли русской” — Учредительное собрание, избранное прямым, всеобщим, тайным... провозгласит республику...»¹⁵⁶. Схожие по оптимизму настроения были у советских людей в годы перестройки.

Философом-оптимистом в первые годы Первой мировой войны был и Н. Бердяев: «...борьба за проливы не есть борьба за отвлеченную справедливость, это — борьба за историческое бытие, за повышение исторической ценности... Я верю, что мировое преобладание России и Англии повысило бы ценности исторического бытия человечества, способствовало бы объединению Востока и Запада и дало бы простор всякому индивидуальному историческому существованию»¹⁵⁷.

В целом поэзия оказалась подчас более пророческой, чем размышления известных философов. Не отстали от своих предшественников и советские поэты. «Мы в дикую стужу в разгромленной мгле стоим на летящей куда-то земле — философ, солдат и калека, над нами восходит кровавой звездой и свастикой черной и ночь на седой середине двадцатого века», — эти строчки поэт Владимир Луговской пишет в 1929 году¹⁵⁸.

¹⁵⁶ *Иванов, Г. В.* Китайские тени: Мемуарная проза. М.: АСТ, 2013. С. 612.

¹⁵⁷ *Бердяев, Н. А.* Судьба России. М.: АСТ, 2004. С. 271—272.

¹⁵⁸ Цит. по: *Аннинский, Л. А.* Красный век: Эпоха и поэты: В 2 кн. Кн. 1. Серебро и чернь. Медные трубы М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 351.

Ранее, в 1926 году, в эмиграции во Франции, Саша Черный пишет:

Баварский бравый генерал,
На карту ткнув перстом в Урал,
Изрек: «Мы здесь отточим вмиг
Немецкий штык и красный штык...
И зычно грянет за Ламанш
Наш лозунг пламенный — реванш!..»
Но попугай, раскрывши зрак,
Из клетки крикнул вдруг: «Дурак!»¹⁵⁹

В 60-е годы XX века Владимир Уфлянд заглядывает в Соединенные Штаты XXI века:

Меняется страна Америка.
Придут в ней скоро Негры к власти.
Свободу, что стоит у берега,
под негритянку перекрасят...
И уважаться будут Негры.
А Самый Черный будет славиться.
И каждый Белый будет первым
при встрече с Негром Негру кланяться...¹⁶⁰

Однако мистический покров предвидения поэзии исчезает, как только мы обратимся к психологическим особенностям поэтов, их душевному складу, сознанию, когда окунемся в их историческое бытие и проанализируем все то, что порождает творческую интуицию. Поэты, как правило, невротические личности, характеризующиеся повышенной сенсорикой, чуткостью, наличием навязчивых переживаний и страхов. Они ощущают то, что обыденные здоровые люди не замечают, — все колебания биосферы, мельчайшие изменения смены настроения общества, на которые само общество

¹⁵⁹ *Черный, Саша.* Полное собрание стихотворений и поэм. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. С. 530.

¹⁶⁰ *Уфлянд, В.* Стихотворения. Сайт отменной и отпадной поэзии. URL: <http://www.ufland.narod.ru/stixi.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

еще не реагирует. Недаром Л. Карсавин сравнивает поэта с ребенком: «Поэт — дитя. Из страданий своих, из омытых слезами падений сплетает он себе венок. Иgraя, его надевает; смеется лучшим в мире смехом — смехом сквозь слезы»¹⁶¹. Чувствительность поэтов не блокирована социумом как у большинства людей; они открыты бытию и историческое бытие видят так же, как и настоящее. Поэтому то, что поэты проговаривают своим творчеством, то, что для них есть видимое и слышимое (объем информации в поэзии намного больше, чем в обыденной речи)¹⁶², для большинства звучит как откровение. В этом отношении можно говорить об интуиции поэзии, о ее прогностическом характере. Никакими медиумами они, конечно, не являются, о чем и говорит Ф. Ницше в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки», критикуя А. Шопенгауэра по поводу мистицизма поэзии.

Современный критик И. Шайтанов, анализируя творчество Леонида Мартынова, отмечает, что его поэзия есть «посланница и предвестница разума, устанавливающая отношения, находящая соответствия там, куда рассудку еще нет хода»¹⁶³, подкрепляя аргументы филологическим учением А. А. Потебни¹⁶⁴.

Поэзия передает не просто ощущение времени, но и личностную позицию поэта, его оценку времени и истории. Память — важнейший этический компонент в творчестве трех самых значительных художников: А. Ахматовой, Н. Гумилева и О. Мандельштама¹⁶⁵. Личное отношение к бытию — есть отношение общественное, поэт выражает чувства мно-

¹⁶¹ Карсавин, Л. П. Путь православия. М.: АСТ, 2003. С. 460.

¹⁶² Лотман, Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 23.

¹⁶³ Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. С. 171.

¹⁶⁴ Потебня, А. А. Психология поэтического и прозаического мышления. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 623.

¹⁶⁵ Поэзия Серебряного века: В 2 т. Т. 2. М.: Дрофа, 2004. С. 9.

гих — Я это МЫ. Поэзия не просто схватывает чувственный мир, но и пытается его преобразовать своим воображением. «Художественное творчество, как и познание, не есть отражение действительности, оно всегда есть прибавление к действительности еще небывшего»¹⁶⁶.

Я жить хочу совсем не так, как все,
Живущие, как белка в колесе,
Ведущие свой рабий хоровод,
Боящиеся в бурях хора вод.
Я жить хочу крылато, как орел.
Я жить хочу надменно, как креол,
Разя, грозя помехам и скользя
Меж двух соединившихся «нельзя».
Я жить хочу, как умный человек,
Опередивший на столетье век,
Но кое в чем вернувшийся назад,
По крайней мере, лет на пятьдесят.
Я жить хочу, как подобает жить
Тому, кто в мире может ворожить
Сплетеньем новым вечно старых нот, —
Я жить хочу, как жизнь сама живет! —

пишет в 1923 году Игорь Северянин¹⁶⁷.

5.4

Поэзия и гуманизм

Поэзия, как трехгранная призма, остромерно входит в бытие, разрывая его, проникая в такие глубины, на которые не способен никто, кроме мудрецов и философов. В поэзии лучи бытия преломляются таким образом, что, при-

¹⁶⁶ Бердяев, Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2011. С. 449.

¹⁶⁷ Северянин, И. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 237. Серия «XX век: Поэт и время».

нимая форму метафор и аллегорий, выходят из призмы в разные стороны. Боковые стороны обращены к читателям — современникам, верхняя часть устремлена в будущее — послание потомкам. Поэтому читатель может увидеть, почувствовать одновременно и прошлое, и настоящее, заглянуть в будущее и совершить кьеркегоровский прыжок.

Боже зимних небес, Отче звезды горящей,
словно ее костер в черном ночном просторе!
В сердце бедном моем, словно рассвет на чашу,
горе кричит на страсть, ужас кричит на горе.
Не оставляй меня! Ибо земля — все шире...
Правды своей не прячь! Кто я? — пришел — исчезну.
Не оставляй меня! Странник я в этом мире.
Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну, —

читаем у И. Бродского в «Прощальной оде» 1964 года ¹⁶⁸.

Человек входит в ритм стиха, который сложен из внутреннего ритма поэта и пульса времени поэта. Отмечено, что в годы стабильности поэзия находится как бы в тени литературы, а на первое место выходит проза. Напротив, во времена перемен поэзия заполняет многочисленные аудитории — от кафе до стадионов, ее ритм созвучен ритму слушателей и времени. Но все же такой взгляд несколько поверхностен — поэзия всегда актуальна, она всегда в ритме времени, но к ней надо прислушаться, а в годы стабильности чувства людей притуплены, не находят адекватного понимания общества. Поэзия всегда гражданственна и представляет оппозиционность государству, устоявшимся законам и традициям, которые отчуждают человека от человека, от подлинных гуманистических ценностей. Поэтому понятны призывы и грека Платона, и русского критика Каткова к цензуре поэзии как подрывающей устои государства: «Ох-

▶ ¹⁶⁸ Бродский, И. Прощальная ода. URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/proshchalnaya-oda> (дата обращения: 14.07.2020).

раная общественные пути от физического насилия, не обязано ли то же правительство охранять общество от насилий нравственных?»¹⁶⁹

Поэзия вызывает у творческого человека те же эмоции, что и при соприкосновении с реальностью. Раскрепощаются все чувства, человек сопереживает, в этом смысле поэзия экзистенциальна, живет своей жизнью, но в ее глубинах жизнь истории. Обладая такой силой воздействия, история в поэзии обретает новую силу — Отечественная война 1812 года сохранилась в памяти через стихотворение М. Лермонтова «Бородино». Но для одних — это лишь информация в удобной форме запоминания, для других — это переживание истории. Поэзия не отражает историю, а переживает ее заново.

Поэзия — это мостик между мироощущением и мировоззрением, в ней есть переход от чувственного восприятия к аналитическому размышлению.

Думать надо о смысле
Бытия, его свойстве.
Как себя мы ни числи,
Что мы в этом устройстве?

Кто мы по отношению
К саду, морю, зениту?
Что является целью,
Что относится к быту?

Что относится к веку,
К назначенью, к дороге?
И, блуждая по свету,
Кто мы все же в итоге?¹⁷⁰

Д. Самойлов

¹⁶⁹ Ахутин, А. В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. С. 88.

¹⁷⁰ Цит. по: Аннинский, Л. А. Красный век: Эпоха и поэты: В 2 кн. Кн. 1. Серебро и чернь. Медные трубы. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 354—355.

5.4. Поэзия и гуманизм

Таким образом, поэзия является результатом переживания бытия. «Жизнь свою человек — говорящий, именуемый, определяющий, судящий, поющий, живописующий, строящий — не просто проживает, как любое живое существо, не просто переживает (в смысле — испытывает) ее страхи, тяготы, сладости и горечи и не просто способен выражать свои переживания. Он переживает по-человечески, поскольку, переживая, также и присутствует при переживании. Поэзия и есть одна из высших форм присутствия духа...»¹⁷¹. Человек, прикоснувшись к поэзии, познает прошлое, настоящее, самого себя. «Поэт — зеркало человечества, и в сознание человечества приводит он то, что оно чувствует и делает»¹⁷².

 ¹⁷¹ Ахутин, А. В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. С. 567.

¹⁷² Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2011. С. 411.

Рациональное освоение исторического бытия и создание своего проекта жизни

Как бы история ни воспитывала человека, его взгляды, предназначение, у человека есть мощное средство, с помощью которого он может изменить все представления о бытии, навязанные ему историей, смыть с себя все предрассудки и заблуждения. Это мощное средство — сознание человека, его разум. Толчком к пробуждению может быть и «пороговое состояние», и приобщение к творческому труду, и получение классического образования, в результате которого происходит качественный скачок в сознании человека.

Опираясь на разум, человек обязательно поставит мировоззренческие, в том числе и кантовские, вопросы о возможности познания мира и связанные с познанием надежды человека. Обращаясь к миру, человек одновременно познает себя. Познание — первый шаг к реабилитации личности, к подлинной субъективизации, в результате которой человек идет к становлению субъекта истории. Мысль М. Хайдеггера поясняет российский философ С. В. Комаров: «Задавание вопроса о бытии есть присутствие. Присутствие не есть бытие; оно есть сущее, способом бытия которого является быть»

здесь»¹⁷³. Но человек присутствует в изменяющемся бытие. Поэтому второй шаг связан с определением этого становящегося бытия, его границ, трансформированием феноменальности в феноменологию, что требует целенаправленной активности сознания.

Вопрос к бытию будет лежать в плоскости — как и почему происходят явления, определяющие это бытие. Отсюда обращение к истории как к способу жизни бытия. Правильно поставленные вопросы к историческому бытию уже есть попытка изменения настоящего бытия, вот-бытия, сущего, человека. Человек, имеющий представления об окружающем мире, может создать свой жизненный сценарий либо принять уже имеющийся, но сделать это он должен осознанно.

¹⁷³ *Комаров, С. В.* Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. С. 559.

Литература

1. *Абрамсон, М. Л.* От Данте к Альберти / М. Л. Абрамсон. — Москва : Наука, 1979. — 176 с.
2. *Августин // Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Августин. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с. — (Великие цивилизации). — ISBN 5-9709-0037-0.
3. *Альтюссер, Л.* За Маркса / Л. Альтюссер. — Москва : Праксис, 2006. — 392 с. — (Новая наука политики). — ISBN 5-901574-59-1.
4. *Аннинский, Л. А.* Красный век : эпоха и ее поэты / Л. А. Аннинский : в 2 книгах. Книга 2. Звездный полк. Мальчишки державы. — Москва : ПРОЗАиК, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-91631-016-0.
5. *Аннинский, Л. А.* Красный век : эпоха и ее поэты / Л. А. Аннинский : в 2 книгах. Книга 1. Серебро и чернь. Медные трубы. — Москва : ПРОЗАиК, 2009. — 432 с. — ISBN 978-5-91631-015-3.
6. Антология мировой политической мысли / руководитель проекта Г. Ю. Семигин [и др.] ; ответственный редактор А. А. Мигولاتьев : в 5 томах. Том 1. Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. — Москва : Мысль, 1997. — 832 с. — ISBN 5-244-00867-6.
7. Антология средневековой мысли : теология и философия европейского Средневековья : в 2 томах / научный редактор С. С. Неретина. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ : Амфора, 2008. — 539 с. — ISBN 978-5-367-00638-4.
8. *Арендт, Х.* Между прошлым и будущим : восемь упражнений в политической мысли : сборник / Х. Арендт ; перевод с английского и немецкого Д. Аронсона. —

Москва : Издательство Института Гайдара, 2014. — 416 с. — ISBN 978-5-93255-385-5.

9. *Арон, Р.* Лекции по философии истории : курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 336 с. — ISBN 978-5-397-02466-2.

10. *Ахутин, А. В.* Поворотные времена : статьи и наброски / А. В. Ахутин. — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — 743 с. — (О сущем). — ISBN 5-02-026872-0.

11. *Ахутин, А. В.* Тяжба о бытии : сборник философских работ / А. В. Ахутин. — Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. — 304 с. — ISBN 5-7333-0474-X.

12. *Бадью, А.* Манифест философии / А. Бадью. — Санкт-Петербург : Machina, 2003. — 184 с. — (XX век. Критическая библиотека). — ISBN 5-901410-29-7.

13. *Бальзак, О.* Турский священник / О. Бальзак // Человеческая комедия : собрание сочинений : в 15 томах. Том 5. Сцены провинциальной жизни. — Москва : Художественная литература, 1952. — 652 с.

14. *Бердяев, Н. А.* Рецензия на книгу: В. Ф. Асмус «Очерки истории диалектики в новой философии» / Н. А. Бердяев // Валентин Фердинандович Асмус / под редакцией В. А. Жучкова и И. И. Блауберг. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — С. 349—347. — (Философия России второй половины XX века). — ISBN 978-5-8243-1239-3.

15. *Бердяев, Н. А.* Смысл творчества / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ, 2011. — 772 с. — ISBN 978-5-17-073446-7.

16. *Бердяев, Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев. — Москва : Эксмо-Пресс, 2000. — 734 с. — ISBN 5-04-002029-5.

17. *Бердяев, Н. А.* Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. — Москва : Феникс : ХДС-пресс, 1991. — 778 с.

18. *Блок, А. А.* Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников / А. А. Блок. — Москва : Правда, 1989. — 592 с.

19. *Бродский, И.* Малое собрание сочинений / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. — 880 с. — ISBN 978-5-389-04515-6.

20. *Бродский, И.* Прощальная ода / И. Бродский. — Текст : электронный. — URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/proshchalnaya-oda> (дата обращения : 14.07.2020).

21. *Булгаков, С. Н.* Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи. Из глубины : сборник статей о русской интеллигенции / редакторы : Е. В. Харитонова, Н. В. Росина [и др.]. — Москва : Правда, 1991. — 607 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

22. *Виндельбанд, В.* Прелюдии : философские статьи и речи / В. Виндельбанд. — Москва : Гиперборей : Кучково поле, 2007. — 400 с. — ISBN 978-5-901679-79-1.

23. *Винер, Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер // Информационное общество / составитель А. Лактионов. — Санкт-Петербург ; Москва : АСТ, 2004. — 507 с. — ISBN 5-17-022346-3.

24. *Винцер, Б.* Солдат трех армий / Б. Винцер. — Москва : Вече, 2010, — 432 с. — ISBN 978-5-9533-4712-9.

25. *Витгенштейн, Л.* Дневники. 1914—1916 / Л. Витгенштейн. — Москва : Канон+ : Реабилитация, 2009. — 400 с. — (Библиотека аналитической философии). — ISBN 978-5-88373-124-1.

26. *Воге, П. Н. Я.* Индивид в истории культуры / П. Н. Воге. — Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2011. — 728 с. — ISBN 978-98712-065-1.

27. *Газданов, Г.* Ночные дороги / Г. Газданов // Собрание сочинений : в 5 томах. Том 2. — Москва : ЭллисЛАК, 2009. — 736 с. — ISBN 978-5-902152-72-9.

28. *Гартман, Н.* Проблема духовного бытия / Н. Гартман // Логика культуры : антология. — Москва : Университетская книга, 2009. — 864 с. — ISBN 978-5-88415-998-3.

29. *Гачев, Г. Д.* Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. — Москва : Алгоритм : Эксмо, 2008. — 544 с. — (Философский бестселлер). — ISBN 978-5-699-28541-9.

30. *Гершензон, М. О.* Творческое самосознание / М. О. Гершензон // Вехи. Из глубины : сборник статей о русской интеллигенции / редакторы: Е. В. Харитонова, Н. В. Росина

[и др.]. — Москва : Правда, 1991. — 607 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

31. *Гессе, Г.* Игра в бисер : роман / Г. Гессе. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 1999. — 448 с.

32. *Гидденс, Э.* Устроение общества : очерк теории структуры / Э. Гидденс. — Москва : Академический проект, 2015. — 528 с. — (Концепции). — ISBN 5-8291-1815-0.

33. *Гиренок, Ф.* Абсурд и речь: антропология воображаемого / Ф. Гиренок. — Москва : Академический проект, 2012. — 237 с. — ISBN 978-5-8291-1383-4.

34. *Грицанов, А. А.* Жан Бодрийяр / А. А. Грицанов, Н. Л. Кацук. — Минск : Книжный Дом, 2008. — 256 с. — (Мыслители XX столетия). — ISBN 978-985-489-772-1.

35. *Гулыга, А. В.* Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2003. — 448 с. — (Жизнь идей). — ISBN 5-699-02718-1.

36. *Гуревич, А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе / А. Я. Гуревич. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 424 с. — ISBN 5-8243-0430-0.

37. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. Даль. — Санкт-Петербург — Москва : Издание товарищества М. О. Вольф, 1907.

38. *Декарт, Р.* Рассуждения о методе // Сочинения / Р. Декарт. — Санкт-Петербург : Наука, 2015. — 648 с. — (Слово о сущем). — ISBN 978-5-02-038406-4.

39. *Декомб, В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 576 с. — (Интеллектуальная история). — ISBN 978-5-86793-827-7.

40. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. — Москва : Академический проект, 2011. — 472 с. — ISBN 978-5-8291-1251-6.

41. *Делез, Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87 / Ж. Делез. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 376 с. — (Совместная издательская программа с МСИ «Гараж»). — ISBN 978-5-91103-185-5.

42. *Долгов, К. М.* От Кьеркегора до Камю : очерки европей-

ской философско-эстетической мысли XX века / К. М. Долгов. — Москва : Искусство, 1990. — 399 с. — ISBN 5-210-00104-4.

43. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — Москва : Наука, 1991. — 576 с. — ISBN 5-02-013399.

44. *Желвакова, И. А.* Герцен / И. А. Желвакова. — Москва : Молодая гвардия, 2010. — 547 с. — (Жизнь замечательных людей). — ISBN 978-5-235-03313-9.

45. *Жижек, С.* Киногид извращенца : кино, философия, идеология / С. Жижек. — Екатеринбург : Гонзо, 2014. — 472 с. — ISBN 978-5-904577-34-6.

46. *Жижек, С.* Щекотливый субъект : отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. — Москва : Дело, 2014. — 528 с. — ISBN 978-5-7749-0823-3.

47. *Зарецкий, Ю. П.* Стратегии понимания прошлого : теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с. — (Научная библиотека). — ISBN 978-5-86793-910-6.

48. *Зеньковский, В.* История русской философии / В. Зеньковский. — Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. — 896 с. — (Антология мысли). — ISBN 5-04-008707-1.

49. *Иванов, Г. В.* Китайские тени : мемуарная проза / Г. В. Иванов. — Москва : АСТ, 2013. — 784 с. — (Мемуары русского зарубежья). — ISBN 978-5-17-078667-1.

50. История субъективности: Средневековая Европа / составитель Ю. П. Зарецкий. — Москва : Академический проект : Гаудеамус, 2009. — 576 с. — ISBN 978-5-8291-1026-0.

51. Как это было: воспоминания и размышления / под редакцией В. А. Лекторского. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — 646 с. — (Философия России второй половины XX века). — ISBN 978-5-8243-1316-1.

52. *Калер, Э.* Избранное : выход из лабиринта / Э. Калер. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2008. — 336 с. — (Книга света). — ISBN 978-5-8243-0915-7.

53. *Канетти, Э.* Слепление / Э. Канетти. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. — 608 с. — ISBN 5-89091-117-1.

54. *Кант, И.* Основы метафизики нравственности / И. Кант : сочинения в 6 томах. — Москва : Мысль, 1999. — (Философское наследие). — ISBN 5-244-00944-3.

55. *Карсавин, Л.* О личности / Л. Карсавин // Книга ангелов : антология христианской ангелологии. — Санкт-Петербург : Амфора, 2007. — 553 с. — ISBN 978-5-367-00539-4.

56. *Карсавин, Л. П.* Культура Средних веков / Л. П. Карсавин. — Москва : Книжная находка, 2003. — 222 с. — (Юность Европы). — ISBN 5-94987-020-4.

57. *Карсавин, Л. П.* Путь православия / Л. П. Карсавин. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. — 560 с. — (Philosophy). — ISBN 5-17-017991-X.

58. *Карсавин, Л. П.* Философия истории / Л. П. Карсавин. — Москва : АСТ : Хранитель, 2007. — 511 с. — (Философия. Психология). — ISBN 5-17-040451. — ISBN 5-9713-4382-3.

59. *Комаров, С. В.* Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания / С. В. Комаров. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 731 с. — ISBN 978-5-903354-68-9.

60. *Коплстон, Ф.* От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон. — Москва : Республика, 2004. — 544 с. — ISBN 5-250-01875-0.

61. *Коцюба, В. И.* Духовно-академическая философия в освещении протоиерея В. В. Зеньковского. Часть 1. Определение философии и вопрос о соотношении религии и свободы / В. И. Коцюба // Вопросы философии. — 2013. — № 11 — С. 88—98. — ISSN 0042-8744.

62. *Кьеркегор, С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / С. Кьеркегор. — Москва : Академический проект, 2012. — 607 с. — (Философские технологии). — ISBN 978-5-8291-1406-0.

63. *Кьеркегор, С.* Несчастнейший : сборник сочинений / С. Кьеркегор. — Москва : Библиейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2006. — 369 с. — (Религиозные мыслители). — ISBN 5-89647-062-2.

64. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с. — (Великие цивилизации). — ISBN 5-9709-0037-0.

65. *Лебон, Г.* Психология народов и масс / Г. Лебон. — Москва : Терра, 2008. — 352 с. — ISBN 978-5-275-01619-2.

66. *Леви-Стросс, Клод.* Издалека и вблизи / Клод Леви-Стросс, Дидье Эрибон. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2018. — 288 с. — ISBN 978-5-89059-319-1.

67. *Лейбниц, Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме / Г. В. Лейбниц // Сочинения : в 4 томах. Том 2. Об идеях. — Москва : Мысль, 1983. — 686 с. — (Философское наследие).

68. *Литвак, М. Е.* Неврозы : клиника, профилактика и лечение / М. Е. Литвак. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. — 279 с. — (Психологические этюды). — ISBN 978-5-222-19011-1.

69. *Локк, Дж.* Об управлении разумом / Дж. Локк // Сочинения : в 3 томах. Том 2. — Москва : Мысль, 1985. — 192 с.

70. *Лотман, Ю. М.* Об искусстве : сборник / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. — 702 с. — ISBN 5-210-01523-8.

71. *Лукач, Г.* История и классовое сознание : исследование по марксистской диалектике / Г. Лукач. — Москва : Логос-Альтера, 2003. — 415 с. — ISBN 5983780026.

72. *Макайвер, Дж.* Black Sabbath : история группы / Дж. Макайвер. — Санкт-Петербург : Амфора, 2009. — 643 с. — (Дискография). — ISBN 978-5-367-00915-6.

73. *Макиавелли, Н.* Государь : сочинения / Н. Макиавелли. — Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. — 656 с. — (Антология мысли). — ISBN 966-03-0283-5.

74. *Мамардашвили, М.* Очерк современной европейской философии / М. Мамардашвили. — Санкт-Петербург : Азбука, 2012. — 608 с. — ISBN 978-5-389-01573-9.

75. *Манн, Т.* Доктор Фаустус : роман / Т. Манн. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 608 с. — ISBN 978-5-17-079197-2.

76. *Маркс, К.* К критике политической экономики / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 томах. Том 13. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. — 770 с.

77. *Маркс, К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1989. — 123 с.

78. *Маркс, К.* Карл Маркс — Женни Маркс, 21 ноября 1856 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 томах. Том 29. Письма : январь 1856 — декабрь 1859 г. / подготовлен А. С. Дергуновой, Ф. М. Решетниковой. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1962. — 730 с.

79. *Мегилл, А.* Историческая эпистемология : научная монография / А. Мегилл. — Москва : Канон+, 2007. — 480 с. — ISBN 975-8-88373-150-0.

80. *Мережковский, Д. С.* Поэт сверхчеловечества / Д. С. Мережковский // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : статьи о русской литературе : сборник. — Санкт-Петербург : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002. — 1080 с. — (Русский путь). — ISBN 5-88812-126-6.

81. *Мережковский, Д. С.* В тихом омуте / Д. С. Мережковский // В тихом омуте : статьи и исследования разных лет / составление Е. А. Данилова. — Москва : Советский писатель, 1991. — 496 с. — ISBN 5-265-02172-8.

82. *Музиль, Р.* Человек без свойств : роман / Р. Музиль. — Москва : Эксмо, 2008. — 1088 с. — (Большая книга). — ISBN 978-5-699-30860-6.

83. *Ницше, Ф.* Ессе homo / Ф. Ницше. — Москва : АСТ : Пушкинская библиотека, 2004. — 611 с. — ISBN 978-966-03-4962-9.

84. *Ницше, Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше : перевод с немецкого. — Москва : АСТ : Пушкинская библиотека, 2004. — 758 с. — (Золотой фонд мировой классики). — ISBN 5-17-024113-5 ; ISBN 5-94643-099-8.

85. *Нуркова, В. В.* Свершения продолжаютя: психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. — Москва : Издательство УРАО, 2000. — 320 с. — (Библиотека антропологии). — ISBN 5-204-00207-3.

86. *Ортега-и-Гассет, Х.* Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / составление Н. Д. Арутюновой. — Москва : Прогресс, 1990. — 512 с. — ISBN 5-01-001599-4.

87. *Ортега-и-Гассет, Х.* Дегуманизация искусства : эссе о литературе и искусстве : сборник / Х. Ортега-и-Гассет ; составление: И. Тертерян и Н. Матяш. — Москва : Радуга, 1991. — 639 с. — (Антология литературно-эстетической мысли). — ISBN 5-05-002557-5.

88. Очерки русской культуры XVII века / составление: А. В. Арциховский : в 2 частях. Часть 2. Духовная культура. — Москва : Издательство МГУ, 1979. — 334 с.

89. *Пантин, В. И.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. — Дубна : Феникс+, 2006. — 448 с. — ISBN 5-9279-0062-3.

90. *Перлз, Ф.* Практика гештальттерапии / Ф. Перлз. — Москва : Академический проект, 2008. — 466 с. — (Психологические технологии). — ISBN 978-5-8291-1056-7.

91. *Пико дела Мирандола, Джованни.* Девятьсот тезисов : тезисы 1—400 : четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян / Джованни Пико дела Мирандола ; под редакцией Д. С. Курдыбайло. — Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. — 259 с. — (Начала). — ISBN 978-5-88812-418-5.

92. *Поппер, Карл Раймунд.* Открытое общество и его враги / Карл Раймунд Поппер : в 2 томах. Том 1. Чары Платона. — Киев : Ника-Центр, 2005. — 448 с. — (Сдвиг парадигмы). — ISBN 966-521-356-3.

93. (Пост)феноменология : новая феноменология во Франции и за ее пределами / составители: С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. — Москва : Академический проект : Гаудеамус, 2014. — 288 с. — ISBN 978-5-8291-1584-5.

94. *Потебня, А. А.* Психология поэтического и прозаического мышления : слово и миф / А. А. Потебня. — Москва : Правда, 1989. — 623 с.

95. *Поулсен, Ч.* Английские бунтари / Ч. Поулсен. — Москва : Прогресс, 1987. — 187 с.

96. Поэзия Серебряного века : в 2 томах. Том 2. — Москва : Дрофа : Вече, 2004. — 270 с. — ISBN 5-7107-6682-8.

97. Размышления о России и русских : «вторая философия» русского человека / составитель Сергей Иванов. — Москва : Московская школа политических исследований, 2006. — 616 с. — (Культура. Политика. Философия). — ISBN 5-93895-080-5.

98. *Райх, В.* Психология масс и фашизм / В. Райх. — Москва : АСТ, 2004. — 544 с. — ISBN 5-17-025448-2.

99. *Рассел, Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней / Б. Рассел. — Москва : Академический проект, 2004. — 1008 с. — ISBN 5-8291-0705-8.

100. *Реймон, А.* Избранное : введение в философию истории / А. Реймон. — Москва : ПЕР СЭ ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. — 544 с. — (Книга света). — ISBN 5-7914-0023-3 ; ISBN 5-9292-0005-X.

101. *Розанов, В.* Метафизика христианства / В. Розанов. — Москва : АСТ, 2000. — 864 с. — ISBN 5-17-006584-1.

102. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / составитель Ю. А. Лимонов. — Ленинград : Лениздат, 1991. — 721 с. — (Библиотека «Страницы истории Отечества»). — ISBN 5-289-00944-2.

103. Русская историософия : антология. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 448 с. — (Humanitas). — ISBN 5-8243-0755-5.

104. *Сапгир, Г. В.* Складень / Г. В. Сапгир ; составитель Ю. Б. Орлицкий. — Москва : Время, 2008. — 928 с. — (Поэтическая библиотека). — ISBN 978-5-9691-0336-8.

105. *Северянин, И.* Стихотворения / И. Северянин ; составитель В. Греков. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 240 с. — (XX век: поэт и время). — ISBN 5-235-00818-9.

106. *Сервантес, М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / М. Сервантес. — Москва : Эксмо, 2005. — 702 с. — ISBN 978-5-389-08054-6.

107. *Сергеева, А. В.* Русские : стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. — Москва : Флинта : Наука, 2018. — 305 с. — ISBN 5-89349-626-4.

108. *Слотердаjk, П.* Критика цинического разума / П. Слотердаjk. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — 584 с. — ISBN 5-7525-128-3.

109. *Слотердаjk, П.* Солнце и смерть: диалогические исследования / П. Слотердаjk, Г.-Ю. Хайнрихс. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 608 с. — ISBN 978-5-89059-232-3.

110. *Слуцкий, Б. А.* Лошади в океане / Б. А. Слуцкий. — Москва : Эксмо, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-699-48037-1.

111. *Соловьев, Э. Ю.* Прошлое толкует нас : очерки по истории философии и культуры / Э. Ю. Соловьев. — Москва : Политиздат, 1991. — 432 с. — ISBN 5-250-01289-2.

112. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика : в 4 томах / П. А. Сорокин. — Москва : Астрель, 2006. — ISBN 5-271-13358-3.

113. *Стевенсон, Л.* Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон ; научный редактор А. В. Пильгун. — Москва : Слово, 2004. — 240 с. — ISBN 5-85050-832-5.

114. *Степанова, А. С.* Философия Древней Стои / А. С. Степанова. — Санкт-Петербург : Алетейя : KN, 1995. — 272 с. — (Античная библиотека). — ISBN 5-88756-001-5.

115. *Трубецкой, Е. Н.* Старый и новый национальный мессианиззм / Е. Н. Трубецкой // Русская историософия : антология. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 347 с. — ISBN 5-8243-0755-5.

116. *Уфлянд, В.* Меняется страна Америка / В. Уфлянд // Стихотворения. Сайт отменной и отпадной поэзии. — Текст : электронный. — URL: <http://www.ufland.narod.ru/stixi.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

117. *Франкл, Д.* Археология ума / Д. Франкл. — Москва : АСТ : Астрель, 2007. — 248 с. — ISBN 5-17-039574-4.

118. *Фромм, Э.* Дзен-буддизм и психоанализ / Э. Фромм,

Д. Судзуки, Р. де Мартино. — Москва : Весь мир, 1997. — 240 с. — (Библиотека психоанализа). — ISBN 5-7777-0023-3.

119. *Фромм, Э.* Душа человека / Э. Фромм. — Москва : Республика, 1992. — 430 с. — ISBN 5-250-01511-5.

120. *Фуко, М.* Мужество истины : управление собой и другими / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Наука, 2014. — 358 с. — ISBN 978-5-02-037148-4.

121. *Хайдеггер, М.* Исток художественного творения : избранные работы разных лет / М. Хайдеггер. — Москва : Академический проект, 2008. — 528 с. — (Философские технологии). — ISBN 978-5-8291-1040-6.

122. *Хайдеггер, М.* Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2013. — 591 с. — ISBN 978-5-93615-124-8.

123. *Хайдеггер, М.* Лекции о метафизике / М. Хайдеггер. — Москва : Языки славянских культур, 2014. — 176 с. — (Studia philosophica. Series minor). — ISBN 978-5-9551-0720-2.

124. *Хелприн, М.* Солдат великой войны / М. Хелприн. — Москва : Эксмо, 2015. — 768 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Читает весь мир). — ISBN 978-5-699-80437-5.

125. *Хоркхаймер, М.* Затмение разума : к критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. — Москва : Канон+, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-88373-263-7.

126. *Хорни, К.* Самоанализ / К. Хорни. — Москва : Академический проект, 2009. — 208 с. — ISBN 5-8291-0759-7.

127. *Хоружий, С. С.* Фонарь Диогена : критическая ретроспектива европейской антропологии / С. С. Хоружий. — Москва : Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2010. — 688 с. — ISBN 978-5-94242-052-9.

128. *Хофмайстер, Х.* Что значит мыслить философски / Х. Хофмайстер. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — 448 с. — (Профессорская библиотека). — ISBN 5-288-03969-0.

129. *Черный, Саша.* Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе / Саша Черный. — Москва : Альфа-книга, 2012. — 960 с. — ISBN 978-5-9922-1248-8.

Литература

130. *Шайтанов, И.* Дело вкуса : книга о современной поэзии / И. Шайтанов. — Москва : Время, 2007. — 656 с. — (Диалог). — ISBN 978-5-9691-0242-2.

131. *Шестов, Л.* Афины и Иерусалим / Л. Шестов // Сочинения : в 2 томах. Том 1. Власть ключей. — Москва : Наука, 1993. — 668 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

132. *Шестов, Л.* Власть ключей / Л. Шестов // Сочинения : в 2 томах. Том 1. Власть ключей. — Москва : Наука, 1993. — 668 с. — (Из истории отечественной философской мысли).

133. *Шопенгауэр, А.* Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр : перевод с немецкого Ю. И. Айхенвальд. — Минск : Харвест, 2011. — 848 с. — (Philosophy). — ISBN 978-985-13-9296-0 ; ISBN 978-985-16-9663-1.

134. *Эвола, Ю.* Люди и руины / Ю. Эвола. — Москва : АСТ : Хранитель, 2007. — 445 с. — ISBN 5-17-039082-3.

135. *Юнг, К. Г.* Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. — Москва : АСТ : Олимп, 1998. — 480 с. — (Классики зарубежной психологии). — ISBN 5-7390-0033-5.

136. *Ясперс, К.* Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. — Москва : Политиздат, 1991. — 527 с. — ISBN 5-250-01357-0.

137. *Ясперс, К.* Разум и экзистенция / К. Ясперс. — Москва : Канон+, 2013. — 336 с. — ISBN 978-5-88373-347-4.

138. *Ясперс, К.* Философия : в 3 книгах. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс. — Москва : Канон+, 2012. — 384 с. — ISBN 978-5-88373-274-3.

Оглавление

Введение ► 3

Глава I. Человек, история, историческое бытие ► 6

- 1.1. Проблемы современности и историческое бытие 6
- 1.2. Историческое бытие и сущность человека 9

Глава II. Субъект истории и личность в истории ► 16

- 2.1. Личность и субъект 16
- 2.2. Личность и субъект истории в Античности 19
- 2.3. Средневековье: христианский проект человека 26
- 2.4. Феномен эпохи Возрождения 33
- 2.5. Новое время и рождение субъекта..... 36
- 2.6. Марксизм и ранний экзистенциализм — борьба за человека 38
- 2.7. Личность и субъект в русской истории 52
- 2.8. Личность и субъект в новой и новейшей истории 60
- 2.9. Постмодернизм: расчеловечение 62
- 2.10. После постмодернизма — поворот к человеку 65
- 2.11. Современный человек: выбор между человеком без сущности или становлением личности 69

Глава III. История и человек – взаимопроникновение с порождением исторического бытия ► 75	
3.1. Ускользящий вихрь истории	75
3.2. Историческое бытие, историческое событие	81
3.3. Субъект и истина исторического события ...	96
3.4. Человек и историческое бытие: шаги на- встречу	108
3.5. Особенности менталитета русского чело- века	119
Глава IV. Ощущение истории ► 141	
4.1. Мироощущение и история	141
4.2. Пессимизм и оптимизм в истории	143
4.3. Искусство как мироощущение	149
Глава V. Мировосприятие истории ► 155	
5.1. Мировосприятие: поэзия, метафора, исто- рическое бытие и здравый смысл	155
5.2. Поэзия: человек и природа	163
5.3. Философия поэзии: поэзия как предвиде- ние	171
5.4. Поэзия и гуманизм	178
Вместо заключения. Рациональное освоение истори- ческого бытия и создание своего проекта жизни ► 182	
Литература ► 186	

Научное издание

Тришин Вадим Васильевич

**ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
в ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ**
(Гуманистический аспект)

Монография

Редактор *И. М. Морева*
Компьютерная верстка *О. Н. Барабаш*

Оригинал-макет подписан в печать 30.08.2020 г.
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура TimesET.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,63. Тираж 100 экз. Заказ 2663.

Нижегородский институт развития образования,
603122, Н. Новгород, ул. Ванеева, 203.
www.niro.nnov.ru

Отпечатано в издательском центре
учебной и учебно-методической литературы
ГБОУ ДПО НИРО

